

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТЕМАТИКА
В УЧЕБНОМ, НАУЧНОМ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Научный совет РАН по комплексным проблемам
этничности и межнациональных отношений

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТЕМАТИКА
В УЧЕБНОМ, НАУЧНОМ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Москва
2021

УДК 323.1 (470.6)
ББК 63.3 (235.7)
И 90

*Издание осуществлено по Программе фундаментальных
и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие
российского общества и укрепление общероссийской идентичности»
(Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.),
проект «Идейные основы и практики радикализма и экстремизма»*

Рецензенты:

*Ю.Д. Анчабадзе – доктор исторических наук;
В.И. Мукомель – доктор социологических наук;
Л.С. Гатагова – кандидат исторических наук*

Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под редакцией В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков – М.: ИЭА РАН, 2021. – 311 с.

ISBN 978-5-4211-0276-2

DOI: 10.33876/978-5-4211-0276-2/2021-09/311

В сборнике статей представлены результаты сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, проведенной совместно с Центром этнополитических исследований и Отделом Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (24 марта 2021 года). На основе изучения актуальной исторической и этнокультурной тематики в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа ведущие специалисты в области этничности выявляют риски и предлагают комплекс мер для обеспечения межнационального мира и согласия в этом макрорегионе.

Предназначено для специалистов, политиков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-4211-0276-2

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.А. Тишков</i> Введение.....	5
<i>В.А. Шнирельман</i> Интеллектуальные дебаты постсоветского времени вокруг истории и культуры народов Северного Кавказа	10
<i>В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко, С.Ю. Иванова, М.М. Шульга</i> Консолидирующие тренды и исторические травмы в северокавказском научном дискурсе	32
<i>Е.Ф. Кринко</i> Политика памяти и мемориальные конфликты на Северном Кавказе.....	54
<i>М.А. Аствацатурова</i> Этнические акценты общественно-политического и политико-управленческого дискурса Северо-Кавказского федерального округа.....	70
<i>Б.А. Синанов</i> Русское население Северного Кавказа как объект научных исследований в новейшей историографии	90
<i>В.В. Трепавлов</i> Вопросы истории и культуры России и ее народов в школьных учебниках и пособиях СКФО и ЮФО.....	110
<i>А.Т. Урушадзе</i> Кавказская война в мемориальном пространстве Северного Кавказа: поиск исторических символов и нарративных границ.....	117
<i>В.А. Танайлова</i> Дискурс о Кавказской войне в социальных сетях и радикализация местных обществ.....	139
<i>А.А. Кочергин</i> Означающее без означаемого? Символические формы конструирования казачьей идентичности Краснодарского края	149

<i>А.М. Бугаев</i> История народов Северного Кавказа – составная часть истории многонациональной России	170
<i>Т.С. Чабиева</i> Актуализация проблем исторического прошлого в Республике Ингушетия в свете общественно-политического кризиса в 2018-2020 гг.	183
<i>З.В. Канукова</i> Историко-культурное наследие в современном общественном и научном дискурсе Республики Северная Осетия-Алания	196
<i>К.Ф. Дзамихов, А.Х. Боров</i> Историческая наука Кабардино-Балкарии: актуальные проблемы общественно-политического дискурса.....	215
<i>Ф.А. Озова</i> Историческая тематика в научном, учебном и общественном дискурсе Карачаево-Черкесии.....	226
<i>Е.А. Щербина, Л.В. Кубанова</i> Дискурс исторических и этнокультурных проблем в Карачаево-Черкесской Республике	253
<i>В.В. Степанов</i> <i>Черкесы</i> в переписи и общественно-политическом дискурсе	276
Выводы и рекомендации.....	301
Сведения об авторах.....	308

ВВЕДЕНИЕ

В.А. Тишков

На современном этапе в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) сфера межэтнических отношений и этнополитических процессов, в целом, находится в стабильном и управляемом состоянии. Многие эксперты отмечают распространение позитивного сценария развития округа, прежде всего, в Ставропольском крае. Во всех субъектах РФ СКФО создана институциональная среда воздействия на межэтнические отношения с участием профильных органов власти, а также широкой сетью национально-культурных и религиозных организаций. Повсеместно активны региональные отделения федеральных НКА, конгрессы и ассоциации народов, форумы народов, советы старейшин, этнические и религиозные советы, митрополия и епархии РПЦ, муфтияты, иные религиозные организации. Действуют советы по вопросам межэтнических отношений при главах республик и при губернаторе Ставропольского края, также ответствующие комиссии в составе общественных палат регионов, советы тейпов, комиссии по примирению и другие.

Вместе с тем в этом макрорегионе России есть более чем насущные проблемы как общего развития и эффективного управления, так и проблемы в сфере межэтнических отношений, в области науки, образования, просвещения, медиа и блогосфере. В данном сборнике аналитических материалов содержится обзор наиболее заметных и конфликтогенных проблем, которые присутствуют именно в общественно-политическом, гуманитарном климате региона Северного Кавказа. В публикуемых книгах и публичных высказываниях, в текстах местных учебных и просветительских изданий, в музейных экспозициях и в топонимике, в политике коммеморации и в ритуальных мероприяти-

ях отражаются многие болевые точки в отношениях между отдельными этническими общностями, субъектами федерации, общественными и религиозными организациями. В сборнике по материалам сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений некоторые специалисты делают общие обзоры или выбирают некоторые сквозные темы, а другие – предпочитают обзор конкретного субъекта СКФО (республики или края). Но из всего этого можно составить некоторую общую картину и выделить наиболее значимые проблемы и темы.

Отметим выраженную этническую и конфессиональную дифференциацию сообществ, наличие достаточно жестких этно-групповых границ. Это частично обусловлено объективными факторами этнической истории, демографическим и социально-экономическим потенциалом, религиозной и языковой ситуацией. Дифференциация обусловлена групповыми интересами в части доступа к ресурсам, включая территориальные и символические, а также сказывается стремление к групповому этнополитическому позиционированию в негласной или явной иерархии народов Северного Кавказа. В регионе сохраняется системный конфликтогенный потенциал в отношениях этнических сообществ и часто конфликты – бытовые, территориальные, экономические, политические – трансформируются в этнические, в том числе, в словесное насилие, интеллектуальные споры и локальные драки.

Среди давних конфликтных проблем сохраняются своего рода частные «национальные вопросы» – черкесский, ногайский, ауховский, кумыкский, которые во многом обрели больше эмоциональный и политизированный характер и представляют собою лозунг «исправления исторических несправедливостей», кстати, за счет новых несправедливостей. Они не имеют реалистичных вариантов политического, управленческого, организационного решения; но вместе с тем эти вопросы остаются значимыми для соответствующих этнических сообществ, а также для этнических лидеров и для их симпатизантов в зарубежных странах.

Остаются актуальными негативные следствия осетино-ингушского конфликта; часть ингушских беженцев не возвращена к местам своего проживания, в Конституции Республики

Ингушетии сохраняется статья о возвращении незаконно отторгнутых территорий; между осетинским и ингушским сообществами отмечается напряженность и локальная конфликтогенная готовность. Этнический и религиозный факторы остаются факторами конкуренции и борьбы за территории, собственность, власть и влияние на принятие политических властно значимых решений и отчетливо проявляются при смене персоналий власти на региональном и местном уровнях.

На Северном Кавказе сохраняется негласная система этнократического управления: распределения постов в соответствии с этнической принадлежностью, которая поддерживается федеральным центром, сменяющим одни этнические элиты другими, но такими же в этническом плане элитами. На посты руководителей регионов глава государства неизменно предлагает представителя титульной (или «более титульной» и более многочисленной) этнической группы, что по умолчанию признается неизменным и неизбежным со стороны населения, политических партий, гражданского общества. Это в определенной степени уменьшает представленность в политике, в управлении, в органах власти выходцев из не титульных этнических групп, прежде всего, русских, что подтверждает и пул кандидатов на выборах 2021 г., т.е. происходит «этническая титулизация» органов власти, управления и институтов политики.

Надо сказать, что в регионе, как нигде в России, субъекты власти активно используют как собственную этническую принадлежность, так и этническую и религиозную принадлежности населения. Сюда же примыкает проблема клановости, кумовства, местничества на основе этнородовых, фамильных связей при отеснении русского и иного нетитульного населения от политики, власти, управления, собственности, престижного образования.

На фоне своего рода объективных факторов в общественном дискурсе при обсуждении исторических и современных проблем межэтнических отношений имеют место стойкие и постоянные проявления взаимного агрессивного национализма и религиозного экстремизма в блогосфере, в социальных сетях. Некоторые ситуации приводят к взрывным проявлениям противоречий и даже к акциям гражданского неповиновения, как это произошло при попытках власти провести решения об измене-

нии границ между субъектами без учета мнения населения и отдельных неформальных группировок. Наиболее одиозным проявлением этнонационализма являются попытки образования «этнических территорий» – «национальных районов» и этнических муниципальных образований с компактным присутствием конкретного народа, этнической группы.

Наиболее острые и давние дебаты в регионе – это борьба за историко-культурное первородство и за правоту оценок исторических, мифологических событий и героев («Аланское наследие», «Канжальская битва», Кавказская война, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., деятельность А. Суворова, И. Лазарева, А. Ермолова, В. Ленина, И. Сталина, С. Орджоникидзе и других).

Еще одна обсуждаемая проблема – это попытки со стороны черкесских организаций (в том числе, международных) вернуться к проблеме признания современной РФ «геноцида черкесов» в Кавказской войне со стороны Российской имперской администрации с получением соответствующей компенсации. К этой же теме примыкает еще одна коллективная историческая травма – травма сталинских депортаций и связанных с этим лишений и унижений. Это касается представителей таких народов, как карачаевцы, балкарцы, ногайцы, которые желали бы получить от государства «полную реабилитацию» за репрессии в ходе Великой Отечественной войны.

Целый комплекс проблемных ситуаций связан с вторжением религиозных идей и практик в общественно-политические процессы в СКФО, т.е. использование религиозной догматики (прежде всего, исламской) в общественном и управленческом дискурсе; распространение религиозной атрибутики в государственных учебных заведениях. Не изжиты крайние проявления и со стороны православных фундаменталистов, в том числе и от имени российского казачества.

Некоторые эксперты отмечают слабое распространение в сообществах СКФО российской гражданской идентичности в ее политико-правовом содержании, т.е. в локальных ситуациях восприятие российской гражданской идентичности как угрозы этнической идентичности; непонимание политической и правовой сущности российской нации-государства.

В регионе имеет место геополитизация межэтнических и этноконфессиональных отношений из-за влияния международных процессов, внешнеполитических реалий (события в Турции, в Сирии, на Украине, в Крыму, в ДНР, ЛНР, в Афганистане, в Армении, в Азербайджане, в Нагорном Карабахе на отношения внутри региона); активизация этнополитических идей в связи с «этнической солидарностью» русских, а также адыго-абхазских и тюркских народов региона, а также армян, осетин с интересами соответствующих групп за рубежом (проблема консолидации адыгов–черкесов, проблема соотечественников за рубежом – русские, армяне, осетины, курды, татары).

К конфликтным проявлениям можно отнести возмущения этнорелигиозных сообществ в связи с невозможностью отправлять традиции и обряды, осуществлять обыденные религиозные практики (в том числе, и традиционной политеистической «народной религии»), строить храмы и иметь выделенные территории для захоронений. Сюда можно отнести противоречия между основными конфессиями – епархии РПЦ и муфтияты – за позиции в диалоге с властью; противостояние исламского, православного канонов и канона «народной религии» (Северная Осетия–Алания), противоречия религиозных организаций и власти, конфликты при строительстве культовых зданий (Ставрополье, Ингушетия).

Наконец, можно отметить как конфликтные проявления протесты гуманитарной интеллигенции и этнических лидеров в республиках против внесения в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» поправок, приведших к сужению возможностей изучения этнических языков, которые имеют статус государственных в соответствующих республиках.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДЕБАТЫ
ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ
ВОКРУГ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА***

В.А. Шнирельман

История и историческая память

В центре данной статьи лежит историческая (социальная) память, которую следует отличать от истории как профессионального исследовательского поля [Нора, 1999: 17–50; Хаттон, 2003; Рикёр, 2004; Ле Гофф, 2013; Шнирельман, Социальная память..., 2018: 12–34; Wertsch, 2002]. Профессиональной историей занимаются специалисты, обращающиеся к историческим источникам и анализирующие их с применением особых методик, а также придерживающиеся определенных норм и правил, принятых в профессии. Историческая память – это общественное явление, свойственное всему социуму, независимо от объема знаний, компетенции, мотивации и пр. Такая память складывается из многообразных компонентов – она бывает семейной, групповой, этнической, конфессиональной, локальной, региональной. Если профессиональная история рациональна, то историческая память высоко эмоциональна. Первая стремится к холизму, вторая отличается редукционизмом. Историческая память капризна, гетерогенна и обладает высокой динамикой. Она отвечает на злобу дня и дает о себе знать в социальном дискурсе.

* Работа выполнена по программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки РФ «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., проект «Идейные основы и практики радикализма и экстремизма».

В то же время между профессиональной историей и социальной памятью нет резкой непроходимой границы в силу двойственного положения историков – с одной стороны, они являются профессионалами, но с другой, принадлежат к определенным социальным группам: этническим, конфессиональным, региональным и общенациональным. Поэтому они отличаются двойной лояльностью, и то, какая из лояльностей окажется в конкретной обстановке приоритетной, зависит как от личности историка, так и от контекста его деятельности. В сложных противоречивых случаях человеку приходится выбирать, придерживаться ли ему профессиональных норм и профессиональной этики или сохранять лояльность своей социальной группе [Шнирельман, 2008: 69–71]. Именно с таким непростым вызовом историкам нередко и приходится встречаться, так как значение исторического нарратива выходит далеко за рамки профессионального поля. Ведь этот нарратив нередко играет большую социальную или политическую роль.

Функции образа прошлого и политика

Экскурсы в историю, в том числе отдаленное прошлое, имеют важные функции: идеологические, духовные, политические, образовательные, развлекательные и даже коммерческие. При этом исторические проблемы по-разному воспринимаются и по-разному оцениваются в разных сегментах сложного современного общества. Они по-разному видятся из федерального центра и на уровне регионов, республик и более мелких локусов. Поэтому здесь речь пойдет, во-первых, о том, какое место прошлое занимает в общественном дискурсе на Северном Кавказе, причем именно в местной интеллектуальной среде, во-вторых, какое именно прошлое вызывает особенно бурные высоко эмоциональные дискуссии, в-третьих, какие функции имеют эти образы прошлого, в-четвертых, о своеобразном символическом языке, позволяющем обсуждать острые современные проблемы путем обращения к образам прошлого. Отмечу, что напряженные политизированные дискуссии о прошлом свойственны не только Северному Кавказу, но и многим другим регионам, причем не только в России, но и за рубежом, где такие дискуссии вначале получили название «культурных войн» [Smith, 1999], или «войн

памяти» [*Шнирельман, 2003*], а в 2000-е годы более популярным стала их трактовка как «исторических войн», определяющих «историческую политику» [*Миллер, Липман, 2012*].

Разное прошлое имеет и разные функции: обращение к давнему прошлому порождает глорификацию, а обращение к событиям XX в. – виктимизацию. При этом актуальность получают такие вопросы как политический суверенитет (Чечня в 1990-е гг.), ирредентизм (осетины и лезгины), территориальный спор (осетино-ингушский конфликт), повышение политического статуса (балкарцы, ногайцы), культурные и демографические преимущества (адыгейцы, черкесы, кумыки), сохранение своего «национального лица», связанного с языком и традиционной культурой (осетины). Тем самым, список этнополитических проблем здесь не ограничивается теми тремя (гегемония, автономия, равноправие), которые называют некоторые западные авторы [*Esman, 1994: 37; Gurr, 1993: 15–23, 115–116; Gurr, Harff, 1994: 15–26*].

Повышенный интерес к прошлому всегда вызывался потребностями национальных государств, которые, как правило, формируются на основе культурно-языковых общностей, осознающих себя тесно спаянными единствами, уходящими корнями в глубокую древность. Такое историческое видение прошлого сплошь и рядом является искусственной конструкцией, упрощающей гораздо более сложную историческую реальность. Но именно в такой конструкции нуждается общество в определенные моменты своего развития. Само по себе это явление далеко не уникально, что доказывают многочисленные примеры из истории самых разных народов в XIX–XX вв. [*Ферро, 1992*]. Этногенетический миф нужен людям в критические моменты их истории – когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя свой прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда на данной территории пришельцы разного этнического происхождения сплачиваются в новую этническую группу, и, наконец, когда единый в

прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору. В любом случае миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и придать им творческую энергию с целью преодоления кризиса. К такому мифу и обращается интеллектуальная элита в ее соперничестве с политической элитой за право представлять народ, определять цели дальнейшего развития и вести его к этим целям [Болтански 2019: 321–322].

Советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства политизировали этничность, тесно связав ее административными образованиями. Этому служила разработанная в СССР теория этноса, рассматривавшая процесс этнической консолидации в качестве как бы объективно заданного и, безусловно, однонаправленного. Тем самым, в советской науке был искусственно законсервирован типичный для XIX в. либеральный подход к истории, от которого западная наука давно отказалась. Многие западные ученые понимают процесс этногенеза прежде всего как вызревание чувства единства, независимо от того, на чем оно основано. В соответствии с этим предполагается, что толчок этногенезу в ряде случаев может дать сложившаяся государственность, выковыливающая общественное единство политическими методами [Horowitz, 1985; Verdery, 1988; Roosens, 1989].

В СССР этот подход не подлежал обсуждению и отвергался, ибо он потенциально содержал идею сепаратизма, угрожающую государственной целостности. Вместо него был принят «примордиалистский подход», согласно которому современные народы складывались стандартным путем, выраженным лаконичной формулой «племя – народность – нация». Искусственность этого подхода стала особенно очевидной в 1990-е годы, когда на наших глазах прежние крупные общности рассыпались и на их обломках шло формирование новых этнических групп.

Между тем, националистический подход используется всеми – и теми группами, которым грозит распад, и теми, кто выражает желание от них отпочковаться и образовать новую общность. Его важнейшей особенностью является предельный этноцентризм, в силу которого каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей [Шнирельман, Национальные

символы..., 1999: 118-147; *Шнирельман*, Миф..., 2018]. Примечательно, что вопреки появившимся в 1990-х гг. надеждам сторонников научной деконструкции нации сегодня пришла и усиливается охватившая весь мир новая волна национализма [*Паин*, 2021: 22–43]. В этих условиях проблема этногенеза помимо воли ее исследователей неизбежно становится интегральной частью политической науки [*Шнирельман*, 2006: 529–569].

История народа как политический инструмент

Происхождение своего народа всегда и везде является вопросом, вызывающим повышенный интерес у этнических групп, живущих в многонациональном государстве и ощущающих свою ту или иную ущербность (политическую, правовую, демографическую, экономическую, культурную и пр.) по отношению к доминирующему населению. В этом контексте интерес к отдаленной истории играет совершенно особую роль и имеет иную функцию, нежели интерес к истории недавней, в которой этнические группы также черпают пищу для обид и политических требований. Иную функцию имеет виктимизация, ибо в условиях постколониального дискурса трагическое прошлое и бывшие страдания меньшинств встречают симпатию со стороны международного сообщества, что позволяет бороться за свои политические и социальные права и претендовать на определенные привилегии.

Чем определяется особая роль давней истории в этническом самосознании, почему она так приковывает внимание представителей небольших этнических общностей? Во-первых, история происхождения и формирования народа, говорящая о его истоках, является одним из важнейших компонентов этнической идентичности. В нашу эпоху, когда остро ощущается тенденция к нивелировке этнических культур, к потере ими былой специфики (вплоть до перехода на иной язык) значение этого компонента неизмеримо возрастает. Ведь воспоминания о былой славе иной раз служат единственной или важнейшей основой для этнической идентичности. Во-вторых, для недоминирующих и нетитульных этнических групп, столетиями входивших в состав крупных многонациональных государств и неоднократно (в далеком или не столь отдаленном прошлом) подвергавшихся не-

справедливому отношению со стороны властей, очевидно, что их Золотой Век остался в глубинах истории, когда их предки жили свободно и могли сами распоряжаться своей судьбой. В-третьих, именно поэтому интеллектуалы, принадлежащие к таким этническим группам, ищут в отдаленном прошлом символы, которыми можно было бы гордиться и которые способны вызвать рост этнического самосознания и этнической консолидации для преодоления нынешних трудностей. Среди таких символов можно выделить древнюю государственность, письменность и наличие своей древней литературы, сохранение своего исконного языка, восходящего корнями едва ли не к первобытности, свою древнюю языческую религию, наконец, развитую культурную традицию, уничтоженную или значительно деформированную более поздними пришельцами и колонизаторами и требующую восстановления. В этом смысле апелляция к славным деяниям предков оказывается весьма действенной и способствует этнической мобилизации. И это прекрасно сознают местные историки.

Такой идеологический механизм в особенности срабатывает в кризисных условиях, когда на кону оказывается вопрос о выживании этнической группы, когда она сталкивается с глубоким кризисом идентичности или же попадает в полосу резких политических изменений, требующих активной борьбы за политические права и новый политический статус вплоть до образования своей собственной государственности. Здесь-то и помогает апелляция к реальной или мифической древней государственности и прочим достижениям далеких предков, что способно вызвать массовый энтузиазм под лозунгом «возрождения своей культуры и государственности». Вот почему такие аргументы неизменно присутствуют в риторике этнополитических лидеров. Они нередко служат для выдвижения территориальных претензий к своим ближайшим соседям, для введения правовой дискриминации по этническому признаку и даже для этнических чисток. Мало того, этноцентристским версиям истории присущ определенный экспансионизм, ведущий к посягательству на чужую территорию, на чужую историю и чужих предков и к установлению определенной этнической иерархии в зависимости от того, чья история представляется более древней и более славной.

Все это можно было наблюдать в республиках Северного Кавказа, где в 1990-е и начале 2000-х гг. борьба за историю, ведущаяся там многие годы, достигла своей кульминации. В ходе этой борьбы создавались идеологемы, в которых речь шла не только о символических, но и о реальных ценностях – о расширении территории, об изменении этнодемографической картины в сторону повышения удельного веса своей этнической группы, о получении статуса этнотерриториальной автономии или же об образовании своего независимого государства. Соответственно некоторые местные интеллектуалы занимались выработкой этноцентристских версий древней истории, которые могли бы легитимировать все эти цели, возбудить воображение населения и увлечь его на достижение поставленных задач.

Борьба за древних предков на Северном Кавказе

Исследования второй половины XX в. позволили ряду северокавказских народов обрести достаточно престижных предков. Не говоря уже об осетинах, среди предков которых числятся древние иранцы (сарматы и аланы), балкарцы и карачаевцы имеют возможность возводить себя к аланам, древним болгарам и половцам, адыги – к меотам, вайнахи могут по праву гордиться своим отдаленным родством с древними хурритами и урартами и, наряду с некоторыми народами Дагестана, связывать своих предков с Кавказской Албанией. И тем не менее, все это кажется недостаточным ряду интеллектуалов, ибо на карту поставлен вопрос о старшинстве, борьба за которое подспудно присутствует во многих этногенетических версиях. Отмечу, что для Северного Кавказа, где старшинство до сих пор в значительной мере определяет поведенческие нормы, это является не просто метафорой, а призвано установить определенную реальную иерархию между разными народами.

Важной особенностью является то, что споры ведутся не только между местными интеллектуалами и федеральными версиями истории, но и между представителями соседних народов. На аланских предков, наряду с осетинами, претендуют балкарцы, карачаевцы, ингуши и чеченцы, на меотских – адыги и карачаевцы, на албанских – лезгины и некоторые соседние дагестанские народы. Ведутся споры и о том, чьим предкам в прошлом

принадлежали те или иные территории и чьи предки поселились там раньше [Шнирельман, Этноцентристские версии..., 1999: 113–118; 2006; *Shnirelman*, 2018: 966–990]. Между чеченцами и дагестанцами годами идут споры об оценке имама Шамиля: следует ли считать его героем или нет. Так, в августе 2019 г. Р. Кадыров обвинил его в репрессиях против чеченцев, что немедленно вызвало протест в Дагестане [*Хамидова*, 2019; Дагестанцы..., 2019; *Кадыров*, 2019].

Споры об этногенезе и древней истории не ушли в прошлое, и время от времени былые баталии отдаются эхом и в наши дни. Они вспыхивают на международных и всероссийских научных конференциях [Аланы и асы..., 2010; Осетиноведение..., 2011; Этногенез..., 2013], причем в особенности скандальный характер они приняли на научно-практической конференции «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа», состоявшейся в Москве в зале Президиума Российской академии наук в ноябре 2014 г. [Эволюция резолюции 2015; *Семенов*, 2016]. В апреле 2017 г. они дали знать о себе в ходе референдума в Южной Осетии о присвоении ей названия «Алания», что вызвало волну протестов со стороны ряда других кавказских народов [*Алнаут*, Алания может быть..., 2017; Аланское наследие..., 2017; *Кувырко*, 2017]. Этот случай особенно наглядно показывает, как и почему вопросы этногенеза приобретают большое политическое значение. Не отставала и Ингушетия, где в конце 2015 г. на въезде в ее новую столицу Магас была возведена триумфальная арка «Аланские ворота», а ее главная площадь получила название «Алания». Следовательно, аланская идентичность не оставляет равнодушными и ингушей [Про Аланские ворота..., 2015].

Сегодня борьба за аланское наследие не ограничивается этнонациональной сферой, а затрагивает и религию. Речь идет о знаменитых аланских храмах Нижнего Архыза, расположенных в КЧР и относящихся к X–XI вв. Православные осетины считают их своей святыней, а карачаевцы – важнейшим документальным свидетельством своего древнего аланского государства. В то же время и Пятигорская епархия РПЦ не отказывается от такого сообразительного исторического наследия, подтверждающего древность христианства на Северном Кавказе [*Приймак*, 2019: 13].

Наконец, еще одним полем напряженных споров, длящихся десятилетиями, является вопрос о таком важном нематериальном культурном наследии как Нартский эпос. Так как его различные версии известны у многих народов Северного Кавказа, возникает соблазн приписать его исконный вариант своим собственным предкам-культуртрегерам.

Битвы за историческое прошлое не остаются на бумаге и иной раз выплескиваются за пределы виртуального пространства, провоцируя физическое противостояние, как это произошло 18–19 сентября 2018 г. в селе Кёнделен (КБР), где местное балкарское население отказалось пропустить кабардинский конный поход в честь 310-летия Канжальской битвы. Балкарцы не признают эту битву, считая ее фальсификацией. В итоге дело дошло до столкновения с полицией и Росгвардией, прибывшими для наведения порядка. Причем фактически повторилась ситуация 2008 г., когда аналогичный конный поход вызвал сходный конфликт [Шумаков, 2018]. События в Кёнделене привели к беспорядкам в республике, охватившим и ее столицу Нальчик [СМИ сообщили..., 2018]. В данном случае апелляция к историческому событию стала для балкарцев символом политического доминирования кабардинцев в республике, что и вызвало их острую реакцию [Соколов, 2018].

Страсти кипят и в Дагестане. С 2012 до начала 2016 г. в Дербенте действовал частный научно-исследовательский Институт албанистики, где древнюю историю лезгин выстраивали на основе сфальсифицированной «Албанской рукописи», называвшей их прямыми и главными наследниками Кавказской Албании. Дербент рисовался «одной из столиц Кавказской Албании», причем 5000-летней древности. Велась борьба за установление «подлинных исторических границ Кавказской Албании» и выражался протест против попыток приписывания ее прошлого всему Дагестану в целом и присвоения его аварцами, в частности [Гереев, 2012; Нагиев, 2011]. Осенью 2017 г. эта организация, действовавшая до февраля 2016 г., была ликвидирована.

Но споры о древних предках в Дагестане продолжают. Совсем недавно у лакцев появилась концепция о том, что их предки дали начало шумерам [Меламедов 2021; Магомедов 2021]. В 2015 г., когда в Дербенте по указу президента РФ ши-

роко праздновался его юбилей, в местной печати развернулись дебаты о его древности – 2000 лет (как утверждают историки) или 5000 лет, как утверждал бывший мэр города Имам Яралиев. А выступление авторитетного дагестанского археолога М. Гаджиева на Дагестанском ТВ 28 апреля 2021 г. вызывало жаркие споры слушателей об этнической принадлежности средневековых жителей Кавказской Албании [Гаджиев 2021].

У казаков тоже имеются свои интересы, связанные с созданием своей собственной автономии или, в радикальном варианте, суверенной государственности. Для подкрепления этой политической позиции казаки в 1990-х гг. не только объявлялись особым этносом, но и назывались четвертым и притом самым древним восточнославянским народом, которому придавалась мессианская роль по спасению «Святой Руси» от супостатов. Впрочем, некоторые авторы искали предков казаков среди тюрков или даже среди защитников древней Трои и этрусков.

Казакам не было необходимости выдумывать какие-либо новые версии истории для подкрепления претензий на самостоятельность – такие версии уже имелись: они разрабатывались как в предреволюционной России, так и в казачьей эмиграции [Маркедонов, 2001: 527–558]. Некоторые из эмигрантских изданий были заново опубликованы в России в 1990-х гг. и получили широкое распространение в казачьей среде. В 1990-х гг. большое внимание казачьей истории стали уделять в Кубанском университете в Краснодаре, где в университетском учебнике Кубань была объявлена исконной родиной кубанского казачества, и ее история сводилась к истории казаков. А в Уставе Краснодарского края, принятом 12 ноября 1993 г., сказано, что «*Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа*» [Альтернативная история..., 2020]. Все это моментально вызвало протесты со стороны адыгов [Хотко, б.г.].

В Армавире реабилитацией славной истории казачества и роли казаков в годы Кавказской войны занимался В.Б. Виноградов, и это до сих пор продолжают его ученики. Их усилиями в социальную память возвращаются полузабытые имена царских генералов, участвовавших в этой войне.

В 1990-е и начале 2000-х гг. средства массовой информации северокавказских республик как бы соревновались в том, кто обнаружит более древних, более славных и более могущественных предков. А новые этноцентристские версии древней истории включались тогда в школьные программы, тем самым подготавливая почву для нового витка межэтнической напряженности. При этом в ряде республик учебники содержали противоречащие друг другу версии этногенеза и этнической истории местных народов [Шнирельман, 2004: 79–87; Shnirelman, 2019: 510–513]. Но после отмены в декабре 2007 г. регионального компонента такие учебники перестали использоваться, и региональная история сместилась на периферию учебного процесса. Теперь о ее отдельных моментах учащиеся узнают лишь на уроках географии, литературы и, отчасти, истории.

Виктимизация и борьба за справедливость

Что касается виктимизации, то здесь главными сюжетами служат, во-первых, Кавказская война, во-вторых, депортации ряда народов (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев) в 1943–1944 гг., в-третьих, недавние кровопролитные конфликты – войны в Чечне второй половины 1990-х и начала 2000-х гг., а также осетино-ингушский конфликт. При этом чеченцам и ингушам это дает повод рассматривать свое прошлое в трагических тонах и изображать себя вековыми жертвами экспансионистского и репрессивного государства. Ведь недавние войны и конфликты заставляют вспомнить о депортации, а та вызывает в памяти события Кавказской войны. Это усугубляется нападками со стороны ряда русских и осетинских историков и журналистов, не упускающих возможность напомнить о, так называемой, «набеговой системе» (описанной М. Блиевым) [Шнирельман, 2006: 161–169], о жестокой политике Шамиля и его наивов, а также о декларированной сталинской администрацией «вине» ряда местных народов перед советской властью, якобы оправдывающей депортацию.

Сегодня известно, что угроза нависала и над соседними народами – кабардинцами и дагестанцами, которых только по счастливой случайности не постигла печальная участь депортированных. Тем не менее, и они используют фактор виктимизации, постоянно обращаясь к образу Кавказской войны и мух-

аджирства, заставившего огромную массу местного населения навсегда покинуть родные места. В связи с этим у черкесов популярна версия о геноциде адыгов [«Черкесский конгресс»..., 2005; Черкесы..., 2010; Несвятая Русь..., 2020], что встречает возражение у некоторых российских историков и деятелей церкви [*Епифанцев*, 2010; *Щипков*, 2020]¹. В Кабардино-Балкарии и Адыгее понятие «геноцид адыгов» было в 1992–1994 гг. принято на уровне властных структур, озабоченных вопросом консолидации адыгов и повышением их политического статуса. С тех пор на черкесских съездах не сходит с повестки дня лозунг объединения всех черкесов Кавказа в единую республику. Масла в огонь добавило проведение в 2014 г. Олимпиады в Сочи, где, несмотря на просьбы и требования адыгов, сценарий церемонии ее открытия их демонстративно проигнорировал. В адыгской среде определенную популярность получило представление о том, что проведение Олимпиады в местах, связанных с трагическими событиями Кавказской войны, является кощунством, хотя у адыгов встречались и иные мнения [*Боров*, 2012; *Тишков*, 2014].

Не менее конфликтной выглядит и память о депортации. Со второй половины 1980-х гг. происходил тяжелый и напряженный диалог защитников и противников депортации. Первые были представлены патриотами-сталинистами, оправдывавшими репрессивный режим [*Муриков*, 1987: 166–176; *Логин*, Кавказские орлы, 1993; *Пыхалов*, 2008]. Причем в некоторых произведениях советских авторов чеченцы и ингуши представлялись «по природе своей порочным народом»². А вторыми были те, кто на собственном опыте пережил депортацию, или их родственники и потомки.

Первые делают акцент на действиях чеченских повстанцев и балкарских и карачаевских коллаборационистов в годы войны, причем опираются на отчеты НКВД, достоверность которых достаточно сомнительна. Для таких авторов это – лишь одно звено в длинной серии выступлений горцев против России. Из

¹ Об этом см.: [*Ellman*, 2015: 145-147.].

² Об этом см.: [*Боков*, 1992: 11; *Яндарбиев*, 1992: 2; *Бугай*, 1994: 142; *Зумакулов*, 2001: 800; *Базоркин*, 2002. Т. 6: 175-177].

этого делается фактически расистский вывод о преступной сущности местных народов, заслуженно подвергавшихся репрессиям, включая депортацию.

В последние два десятилетия отношение к депортации изменилось и в федеральном центре. Если 50-летие депортации чеченцев и ингушей (23 февраля 1994 г.) было отмечено официальным извинением президента РФ перед «наказанными народами» [Платиев, 2002: 33], то десять лет спустя московские власти запретили какие-либо акции в связи с 60-летием этих печальных событий. Тогда же возглавляемое Владимиром Мединским Министерство культуры не выдало прокатного удостоверения фильму «Приказано забыть», снятому на киностудии «Грозный-фильм» режиссером Хусейном Эркеновым и посвященному трагедии села Хайбах, уничтоженного войсками НКВД [Министерство культуры..., 2014]. В соответствии с этой новой государственной линией день скорби был в Чечне перенесен с 23 февраля на 10 мая, что превратило память о войне и депортации в память о погибшем 9 мая от теракта Ахмате Кадырове. А памятник депортации был перенесен из центра Грозного на его окраину [Резникова, 2012: 166–183; Полян, 2016: 82–83].

А в июне 2017 г. был задержан и привлечен к суду старейшина черкесов-шапсугов Руслан Гвашев за его участие в ежегодном поминальном молебне 21 мая в День памяти адыгов, посвященный трагическим для адыгов последствиям Кавказской войны. Суд признал эти его действия «несанкционированным митингом» и наложил на Гвашева высокий штраф, причем не помогли ни апелляции, ни митинги в поддержку осужденного, ни даже заступничество сенатора А. Канокова – приговор суда был оставлен в силе [Черных, Перова, 2017].

У представителей депортированных народов имеется более обширная повестка дня, чем у их противников. Они отвергают обвинения в нелояльности, подчеркивая службу многочисленных выходцев из горских народов в рядах Красной Армии и их героизм на поле боя. В советские годы это был единственный официально признанный вид горской памяти о военном периоде. Об этом выходили статьи и книги, но о горьком опыте депортации писать не полагалось. В 1970–1980-х гг. существовал негласный запрет на тему депортации, и написанные о ней ро-

маны чеченских и ингушских писателей не печатались [Чахкиев, 1990: 8-9; 1991: 56–57]. Горцев раздражало табу на обсуждение проблем депортации, оставлявшее их наедине с неразделенной болью и приводившее к нарастанию психологического дискомфорта.

Версия о массовой измене и коллаборационизме была подхвачена в Северной Осетии [Арапханова, 2004: 119]. На то были свои причины, связанные с тем, что в ходе депортации к Северной Осетии отошел богатый промышленный Пригородный район, который оставался в составе республики все эти годы. По осетинской версии, возвращение туда ингушей было нарушением закона, и осетинские власти якобы шли на это из человеколюбивых побуждений. Мало того, осетинские авторы пытались представить возвращение ингушей как «ползучую оккупацию Северной Осетии» и, напоминая о депортации 1944 г., намекали на то, что она была небезосновательной, ибо среди ингушей было «много предателей» [Разум..., 1990: *Логин*, Ад криминала, 1993: 407–408, 410–412; *Тамарин*, *Земфи*, 1994: 30–36, 55–56; *Тотоев*, 1994: 84; *Дзидзоев*, 1997: 231–241; Пригородный район..., 1997: 17–20].

Представители горских народов выступают против ревизионистов, оправдывающих депортации, и иной раз пытаются пресечь это с опорой на законодательные процедуры. Так, в июне 2016 г. парламент Карачаево-Черкесии предложил ввести уголовное наказание за отрицание или одобрение сталинских депортаций. Примечательно, что предварительно проект документа был послан в субъекты РФ, где его поддержали все, кроме Северной Осетии [Мурадов, 2016]. Вслед за этим в 2017 г. парламент Ингушетии предложил запретить увековечивание памяти Сталина на территории республики. Правда, представители КПРФ с этим не согласились [Мурадов, В Ингушетии..., 2017], причем они нашли поддержку у ингушской прокуратуры [Мурадов, Ингушская прокуратура..., 2017]. Не поддержали эти предложения и некоторые СМИ, усмотревшие в них «русофобию» [Черкесский вопрос 2020]. В итоге эти законопроекты не получили поддержки в парламенте РФ. Не нашла понимание в Генпрокуратуре РФ и просьба Министра по внешним связям, национальной политике, печати и информации Ингушетии Улана Евлоева наказать журналиста Андрея Апалина за оправдание депортации [Андреев, 2017].

Надо отметить, что для отстаивания своих прав казаки также прибегают к аргументу виктимизации, показывая себя едва ли не самым первым народом, подвергшимся депортации после 1917 г. [*Кочергин*, 2018: 53–56].

Наконец, важной проблемой остается вопрос о вхождении территорий Северного Кавказа в состав России. Вопрос этот весьма непрост в силу неоднозначности имеющихся исторических документов и свидетельств. Поэтому здесь возможны различные интерпретации, которые избираются в зависимости от политической ситуации (спокойной или кризисной), состояния федеральной власти (сильного или слабого) и оппозиционности сторонников этих интерпретаций. В интеллектуальной среде разных республик встречаются споры относительно добровольности вхождения в состав России или насильственного характера данного процесса [*Хлынина*, 2010: 19–20; *Сокуров*, 2017: 170–178].

Выводы

Таким образом, народная историческая память не является неким незыблемым однозначным сооружением, создающим прочную базу для сколько-нибудь общепринятых суждений об истории и исторических оценок. Напротив, она зыбка и динамична, переполнена эмоциями, подвержена сиюминутной конъюнктуре и нередко обслуживает интересы, выходящие далеко за рамки сугубо исторического дискурса. Фактически речь идет о политике памяти, или исторической политике, которая активно используется как на вертикальном (федеральном), так и на горизонтальном (региональном) уровнях.

При этом обсуждение событий прошлого оказывается символическим языком, который с помощью кодовых слов и метафор позволяет посвященным поднимать острые вопросы современности, связанные с территориальными границами, политическим статусом, дискриминацией и т.д. Причем, чем серьезнее представляется нерешенная проблема – а таких проблем на Северном Кавказе немало – тем более интенсивным оказывается исторический дискурс.

В центре него находятся как глорификация, апеллирующая к реальной или фольклорной славе далеких предков, так и виктимизация, требующая компенсаций за допущенные в прошлом

преступления и несправедливость. Речь, разумеется, идет о травматической памяти постколониального типа. Такая память придает напряженность межэтническим взаимоотношениям в регионе и осложняет взаимодействие с федеральным центром.

Примечательно, что, если на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, проходившего 30 марта 2021 г., выступавшие депутаты Государственной думы и представители туристической индустрии говорили о развитии национальных языков, о местных ландшафтах и даже упоминали о наследии и народной исторической памяти, то о роли местной истории в образовательном процессе не было сказано ни слова [Заседание 2021]. Однако невозможно обсуждать вопросы национальной идентичности и патриотизма без обращения к истории. Невозможно говорить о туристической индустрии без обращения к храмам Архыза в Карачаево-Черкесии, к Дербентской крепости в Дагестане, к памятникам Асиновского ущелья в Ингушетии, к древним дохристианским святилищам Северной Осетии. Поездки во все эти места требуют качественных пояснений со стороны гидов, музейных экспозиций и рекламной продукции.

Очевидно, что федеральные и, отчасти, региональные власти понимают сложность и взрывоопасность местной истории и занимают осторожную позицию или пытаются блокировать ее политизированное вторжение в общественное пространство. Однако такая политическая и информационно-просветительская стратегия не может быть успешной, ибо вопросы истории остро переживаются местным населением, в особенности, молодежью и активно обсуждаются в социальных сетях и блогосфере. Это означает необходимость открытого и профессионального диалога с участием ученых и публицистов, обладающих должной компетенцией и гражданской ответственностью.

Список литературы

- Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии / под ред. Р.М. Бегулова и др. Карачаевск: КЧГУ, 2010.
- Алтаут Р.* Алания может быть не только осетинской // Кавказ. Реалии, 23 февраля 2017 (<http://www.kavkazr.com/a/alania-mojet-byt-netolko-osetinskoy/28325463.html>).

- Алтаут Р.* Аланское наследие и историческая мифология // Кавказ. Реалии, 27 февраля 2017 (<http://www.kavkazr.com/a/expert-alanskiy-sled-proslejivayetsya-v-etnogeneze--kulture-yazyke-razlichnyh-narodov/28331007.html>).
- Альтернативная история Кубани: разобшение единой нации // Национальный акцент, 19 марта 2020 (<https://nazaccent.ru/content/32550-alternativnaya-istoriya-kubani.html>).
- Андреев И.* Восточка Чайке. Министр Ингушетии попросил Генпрокурора РФ Юрия Чайку завести на журналиста дело из-за статьи о депортации // Версия, 6 мая 2017 (<https://kavkaz.versia.ru/ministr-ingushetii-poprosil-chajku-zavesti-na-zhurnalista-delo-iz-za-stati-o-deportacii>).
- Арапханова Л.Я.* Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортации ингушей в XX веке. М.: Андалус, 2004.
- Базоркин И.М.* Письма и заявления // И.М. Базоркин. Собр. соч. в 6 тт. Магас: Сердало, 2002. Т. 6.
- Боков Х.Х.* Дорога печали и мужества. М.: Центр социальных исследований, 1992.
- Болтански Л.* Тайны и заговоры: по следам расследований. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик: КБНЦ, 2012.
- Бугай Н.Ф.* (сост.). Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М.: Капъ, 1994.
- Гаджиев М.* 2021. Кавказская Албания. Война с Римом и копирование монет Македонского // ННТ-канал (Махачкала), 28 апреля 2021 (<https://www.youtube.com/watch?v=EsSAEjpiS4k>).
- Гереев Р.* Фейзудин Нагиев: У лезгин должна быть своя национальная идея // lezgi-yar, 23 марта 2012 (http://lezgiyar.ru/news/fejzudin_nagiev_u_lezgin_dolzha_byt_svoja_nacionalnaja_ideja/2012-03-23-694).
- Дагестанцы вышли на улицу после слов Кадырова об имаме Шамиле // РБК, 9 августа 2019 (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d4cb8529a7947d28084d6fe>).
- Дзидзоев В.Д.* Роль и место средств массовой коммуникации в нормализации межнациональных отношений // Х.Х. Хадигов (ред.). Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997.
- Епифанцев А.А.* Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ИПЦ «Маска», 2010.
- Заседание Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 года Московская область, Ново-Огарёво (<http://kremlin.ru/events/president/news/65252>).

- Зумакулов Б.М. и др. Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2001.
- Кадыров назвал врагов Чечни после волнений из-за слов об имаме Шамиле // РБК, 14 августа 2019 (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d5443b39a794747758eedd3?from=newsfeed>).
- Кочергин А.А. Дискурс репрессированного народа в этнической идентичности кубанского казачества // Р.В. Евстифеев (отв. ред.). Российская в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции: материалы научно-практической конференции 12 октября 2018 г. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018.
- Кувырко М. «Спор вокруг Алании» угрожает возрождением старых кавказских конфликтов // Взгляд, 7 марта 2017 (<http://www.vz.ru/society/2017/3/7/860929.html>).
- Ле Гофф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013.
- Логинов В.М. (ред.). Кавказские орлы. М.: Мистикос, 1993.
- Логинов В.М. Ад криминала. М.: Мистикос, 1993.
- Магомедов Р.О «шумерах» кавказской национальности // Дагестан, март-апрель 2021, № 2.
- Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») // Ab Imperio. 2001. № 3.
- Меламедов А. Гильгамеш из Кулинского района // Дагестан, 4 марта 2021 (<https://zhurnaldagestan.ru/novosti/1367-gilgamesh-iz-kulinskogo-rajona.html>).
- Миллер А.И., Липман М. (ред.). Историческая политика в XXI в. М.: НЛЮ, 2012.
- Министерство культуры запретило к показу на территории России фильм «Приказано забыть» о депортации чеченцев и ингушей в феврале 1944 года // Эхо Москвы, 20 мая 2014 (<https://echo.msk.ru/news/1324062-echo.html>).
- Мурадов М. Сталинские депортации нельзя будет оправдывать // Коммерсант, 24 июня 2016 г.
- Мурадов М. В Ингушетии Сталину не место. Республиканский парламент намерен запретить увековечивать память «вождя народов» // Коммерсант, 27 февраля 2017 (<https://www.kommersant.ru/doc/3228516>).
- Мурадов М. Ингушская прокуратура вступилась за Иосифа Сталина // Коммерсант, 26 апреля 2017.
- Муриков Г. Память // Звезда, 1987. № 12.
- Нагиев Ф. Кавказская Албания. Возникновение государства. Границы. Этносы и этнические территории. Кавказская Албания. Возникно-

- вание государства. Границы. Этносы и этнические территории // nagiev-clan.ru, 31 июля 2011 (http://www.nagiev-clan.ru/publ/kavkazskaja_albanija_voznikovenie_gosudarstva_granicy_ethnosy_i_ethniceskie_territorii/1-1-0-21).
- Несвятая Русь или как Российская Империя устроила геноцид на Кавказе // 21 мая 2020 (<https://zen.yandex.ru/media/razvod/nesviataia-rus-ili-kak-rossiiskaia-imperii-a-ustroila-genocid-na-kavkaze-5ec580c63fa8210c3e5dc00c>).
- Нора П.* Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф и др. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
- Осетиноведение – от прошлого к будущему / под ред. З. В. Кануковой и др. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
- Паин Э.А.* Универсализм и суверенизм: маятник взаимоотношений // Ideology and politics journal, 2021, no. 1 (17).
- Патиев Я.С.* Республике Ингушетия – 10 лет (1992–2002). Магас: Сердало, 2002.
- Полян П.* Историмор, или трепанация памяти. М.: АСТ, 2016.
- Пригородный район: выбор цели. Владикавказ: Иристон, 1997.
- Приймак А.* Потомки аланов на могут поделить храмы. РПЦ не спешит приобретать христианские древности Северного Кавказа // Независимая газета, 3 декабря 2019.
- Про Аланские ворота в Ингушетии // Кавказский узел, 24 декабря 2015 (<http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/119/posts/23415>).
- Пыхалов И.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза-пресс, 2008.
- Разум – выше эмоций // Социалистическая Осетия, 27 июля 1990.
- Резникова О.* Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая // Неприкосновенный запас, 2012. № 3 (101).
- Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
- Семенов Б.* Битва за аланское наследие. Осетины, ингуши, карачаевцы. На Северном Кавказе продолжается конкуренция за историческое прошлое // On Kavkaz, 15 января 2016 (<http://onkavkaz.com/news/638-bitva-za-alanskoe-nasledie-osetiny-ingushi-karachaevcy.html>).
- СМИ сообщили о десятках задержанных после беспорядков в окрестностях Кенделена // Кавказский Узел, 20 сентября 2018 (<http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325594/>).
- Соколов Д.* Канжал в спину губернатора // Кавказский Узел, 21 сентября 2018 (<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325671/>).

- Сокуров В.Н. Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа // Journal of Caucasian Studies, March 2017, Vol. 2, № 4.
- Тамарин Я., Земфиоров В. Историческая справка о г. Владикавказе и Пригородном районе Северо-Осетинской ССР // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994.
- Тишков В.А. (ред.). «Черкесский вопрос». Экспертный доклад. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Тотоев Ф.В. Размышления об ингушском вторжении // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
- Хамидова М. «Пора говорить правду»: Рамзан Кадыров о ботлихских событиях и имаме Шамиле // Чечня сегодня, 7 августа 2019 (<http://chechnyatoday.com/news/328448>).
- Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003.
- Хлынина Т.П. История как политика, или «искусство невозможного» // История и историки в контексте времени. 2010. Вып. 7.
- Хотко С. История адыгов в изложении краснодарских авторов (<http://kvkz.ru/history/1344-istorija-adygov-v-izlozhenii.html>).
- Чахкиев С.И. Правда во имя народа // Комсомольское племя, 8 февраля 1990.
- Чахкиев С.И. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный: б. и., 1991.
- Черкесский вопрос: геноцид – депортации – фальсификации // Южная служба новостей, 19 мая 2020 (<https://yugsn.ru/cherkesskijj-vopros-genocid-deportacii-falsifikacii/>).
- «Черкесский конгресс» (Адыгея) требует признать геноцид адыгского народа // ИА REGNUM, 5 июля 2005 (www.regnum.ru/news/480210.html).
- Черкесы обратились к парламенту Эстонии, чтобы привлечь внимание Евросоюза к своим проблемам // Историческая память, 8 октября 2010 (http://www.historyfoundation.ru/news_item.php?id=1585).
- Черных А., Перова А. Несанкционированные поминки под Тюльпаным деревом. Старейшина адыгов третью неделю держит голодовку // Коммерсант, 4 октября 2017.
- Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Е. Пивовар (ред.). Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 118–147.
- Шнирельман В.А. Этноцентристские версии истории и конфликты // В.А. Тишков (ред.). Пути мира на Северном Кавказе: независимый экспертный доклад. М.: ИЭА, 1999.

- Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003.
- Шнирельман В.А.* Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // *Неприкосновенный запас*, 2004. № 37.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006.
- Шнирельман В.А.* Наука и этика, или могут ли ученые избежать ксенофобии // Комарова Г.А. (ред.). *Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии*. М.: Интерпринт, 2008.
- Шнирельман В.А.* Социальная память – вопросы теории // В.А. Тишков, Е.А. Пивнева (ред.). *Историческая память и российская идентичность*. М.: РАН, 2018.
- Шнирельман В.А.* Миф о далеких предках и этническая идентичность // электронный научно-образовательный журнал, «История», 2018, т. 9, вып. 6 (70). *История и миф: теория, идентичность, социокультурные и политические реалии* / под ред. М.С. Бобковой.
- Шумаков В.* В Кабардино-Балкарии вспыхнул национальный конфликт из-за битвы XVIII века // *lenta.ru*, 19 сентября 2018 (https://lenta.ru/brief/2018/09/19/kbkonflikt/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).
- Щипков А.* «Нельзя сносить памятники русскому оружию, потому что это оружие защищает всю нашу территорию, включая Кавказ» // *Радонеж*, 21 февраля 2020 (https://radonezh.ru/2020/07/21/aleksandrshchipkov-nelzya-snosit-pamyatniki-russkomu-oruzhiyu-potomu-chtoeto-oruzhie?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).
- Эволюция резолюции // *Генофонд.рф*, 30 марта 2015 (http://xn--c1accbaafalc.xn--plai/?page_id=1643).
- Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.) / под ред. В.А. Кузнецова. Владикавказ: Ир, 2013.
- Яндарбиев Х.* Не доводить до кровопролития // *Ичкерия*, 23 декабря 1992.
- Ellman M.* The Circassian Genocide/Neizvestnaya Kavkazskaya voina. Byl li genotsid adygov? // *Europe-Asia Studies*, 2015. Vol. 67, no. 1.
- Esman M.J.* *Ethnic politics*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994.
- Gurr T.R.* *Minorities at risk. A global view of ethnopolitical conflicts*. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 1993.
- Gurr T.R., Harff B.* *Ethnic conflict in world politics*. Boulder: Westview, 1994.
- Horowitz D.L.* *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985.

- Roosens E.E.* Creating ethnicity: the process of ethnogenesis. Newbury Park, California: Sage publications, 1989.
- Shnirelman V.A.* The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt // *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, no. 6.
- Shnirelman V.A.* Chapter 39. Russia // L. Cajani, S. Lässig and M. Repoussi (eds.). *The Palgrave Handbook of Conflict and History Education in the Post-Cold War Era*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.
- Smith A.D.* Myths and memories of the nation. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
- Verdery K.* Ethnicity as culture: some Soviet-American contrasts // *Canadian Review of Studies in Nationalism*, 1988, v.15, № 1–2.
- Wertsch J.V.* Voices of collective remembering. New York: Cambridge Univ. Press, 2002.

**КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ТРЕНДЫ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹**

*В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко,
С.Ю. Иванова, М.М. Шульга*

**Конструирование исторической памяти – ресурс решения
современных задач**

В формировании общероссийской идентичности на Северном Кавказе достигнуты позитивные результаты. Однако на сегодняшний день имеются основания говорить о том, что устойчиво сформирован только нижний и структурно самый простой уровень общероссийской идентичности – государственная идентичность. Сложно идет формирование общероссийской гражданской идентичности, формирование цивилизационной (социокультурной) идентичности находится на уровне постановки задач.

Большую роль в укреплении идентичности имеет «политика памяти». На Северном Кавказе это направление политики идентичности имеет особое значение с учетом того, какое внимание уделяется историческому знанию на уровне официальной политики и научным сообществом.

«Политика памяти» привлекла значительное внимание сторонников конструктивистского подхода в изучении общества, что связано с той возможностью, которую этот подход предо-

¹ Работа выполнена по программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки РФ «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., проект «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе», ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. 121062800066-6.

ставлял политикам и ученым в конструировании прошлого и через прошлое – настоящего. Широкое распространение получила концепция «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума, до сих пор лежащая в основе политики идентичности многих стран мира, особенно недавно появившихся государств, нуждающихся в «изобретении» собственного прошлого.

Интерес к истории, растущий все последние десятилетия, обусловлен не столько попытками отыскать новые исторические факты или установить историческую истину в отношении спорных событий, сколько стремлением использовать потенциал истории в целях современного развития, например, для строительства нации, актуализации национальной идентичности или этнополитической мобилизации. Как пронизательно выразился М. Биллиг, «нации не только нужно воображать, но и создавать их собственные истории» [Billig, 1995: 70].

По словам Д. Ловенталя, общества стали «одержимы прошлым» [Lowenthal, 1996]. Современная одержимость исторической памятью в виде мемориалов и музеев еще больше усилилась после Второй мировой войны. А. Хюссен объяснил это реакцией на продолжающиеся последствия Холокоста, темп изменений в современном обществе и упадок великих нарративов, ориентированных на будущее, после 1989 г. [Huysen, 2000: 21–38]. Ученые отмечают, что в современном мире возникают «мнемонические сообщества» [Zerubavel, 2003], основанные на чувстве общей принадлежности из-за общего прошлого.

Общее прошлое формируется в результате установления «социальных рамок» памяти, о которых еще в 1920-х гг. писал М. Хальбвакс. Он утверждал, что «социальные рамки» формируют то, что люди запоминают, фильтруя нарративы в соответствии с их коллективной значимостью: передаются только те воспоминания, которые считаются важными для коллективов, в которых люди позиционируют себя [Halbwachs, 1994]. Термин «память» включает в себе сконструированную природу знаний людей об истории, которая является результатом систематического обучения и чтения официальных учебников, а не фактического воспоминания многовековых событий и процессов [Nora, 1989: 7–24].

При этом «историческая память носит избирательный и творческий характер, а формы объяснения прошлого и смысловые акценты, которые подчеркиваются в историческом описании, определяются нормами и потребностями как современной культуры, так и политической конъюнктурой. Отсюда возникают и разные трактовки прошлого: от поисков и обоснований «золотого века» и «потерянного рая» до описаний «проклятого прошлого» и «темных времен», его прямого отрицания и осуждения» [Тишков, Шабает, 2019: 64].

Функциональность истории как ресурса современности напрямую зависит от степени научности и объективности при трактовке тех или иных событий, исторических деятелей и т.д. История как наука разрушает историю как предание. Государство, общественные и политические институты оказывают заметное воздействие на историческую науку. Конструирование «выгодного» прошлого, создание «нужной» исторической памяти зачастую более востребованы, чем скрупулезный и многоаспектный анализ исторического прошлого. «Прошлое не просто меняется, оно меняется непрерывно», – прозорливо писал Дж. Оруэлл.

Проблемы интерпретации прошлого на Северном Кавказе

Практически весь постсоветский период развития северокавказской общественно-политической жизни прошел под знаком повышенного и иногда даже гипертрофированного интереса к историческому прошлому региона. История превратилась в поле конкуренции между этническими группами – кто древнее, кто раньше заселился на определенной территории, кто одержал больше побед и т.д. При этом, как правило, одни и те же исторические факты трактуются по-разному представителями различных этнических групп. Убедительной выглядит точка зрения о том, что «при всем желании специалистов (в том числе профессиональных историков) заявить об отсутствии этнических, конфессиональных, ментальных и т. п. пристрастий, те неминуемо будут проявляться и оказывать определенное воздействие на мировоззрение. Выбравшие для себя эту научную стезю должны быть готовы к когнитивному диссонансу при оценке изучаемых событий» [Клычников, 2018: 198].

К искажению исторической действительности, к созданию по сути этнических версий исторического прошлого приводит также крайняя политизированность данного проблемного поля. По словам Е.Ф. Кринко, «использование прошлого Северного Кавказа в публичной сфере неизбежно приобретает политическое значение, как и все, что в ней происходит, пишется и говорится, потому что она выступает сферой реализации именно политических ценностей и интересов... Все чаще политики используют историю для реализации своих целей, навязывая определенные версии и интерпретации событий прошлого в качестве доминирующих представлений обществу, а историки прямо или косвенно вовлекаются в политические процессы. Все чаще факты прошлого оцениваются с современных позиций, а не в контексте определенной исторической эпохи» [Кринко, 2018: 201].

Взаимоисключающие трактовки прошлого, политизация проблем исторической памяти нередко приводят к эскалации этнополитических конфликтов в регионе. Историческая память была важнейшим фактором крупного этнополитического конфликта конца второго десятилетия XXI в. – конфликта между кабардинцами и балкарцами в селе Кёнденен в сентябре 2018 г. Не утихают «войны памяти», переходящие в «войны памятников», и в связи с Кавказской войной. До сих пор большое этнополитическое напряжение витает вокруг проблем «аланского наследия». *В настоящий момент историческое прошлое Северного Кавказа напоминает скорее раскрытый ящик Пандоры, а не пространство для компромисса и этнополитической консолидации региона.*

Но проблема не только в «войнах памяти» между отдельными северокавказскими народами. Задача государства – сформировать единую версию истории, чтобы примерно одинаковое понимание и восприятие исторического прошлого скрепляло граждан в нацию. Однако чем сложнее этнокультурный состав населения той или иной страны, чем больше региональных вариантов прочтения исторических событий, тем труднее государству эту задачу решить. «Сегодня понятия истории и наследия усложняются с усложнением состава населения стран и регионов. Современные нации имеют в своем составе этнические и

религиозные группы, а также регионально-отличительные сообщества, которые конструируют свои собственные версии исторической памяти» [Тишков, Шабаетов, 2019: 67]. Именно с таким случаем мы сталкиваемся на Северном Кавказе, где немало историков, интеллектуалов и просто обычных людей часто имеют особый взгляд на историю своего региона, на совместное прошлое Кавказа и России.

Ученые Северного Кавказа в поисках исторических травм и консолидирующих сюжетов

С учетом региональной специфики рецепции истории Северного Кавказа актуальной видится задача анализа публикаций по теме исторической памяти, авторами которых являются региональные ученые. В рамках научного проекта «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» был проведен дискурс-анализ научных публикаций по проблемам исторических травм и консолидирующих трендов представителей семи субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

Документальной базой стали публикации соответствующей тематики, находящиеся в свободном доступе в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) с 2015 по 2020 г. Объем документальной базы – 191 публикация. Статьи анализировались с точки зрения выявления в них сюжетов, связанных с историческими травмами, либо экспликации консолидирующих трендов. Кроме того, предполагалась возможность двойной оценки статьи. Последняя опция не оказалась лишней, поскольку многие темы исторической памяти Северного Кавказа по-прежнему вызывают бурные дискуссии и обсуждения. Даже в рамках анализа отдельных статей нередко прослеживаются амбивалентные и неоднозначные подходы к рассматриваемым проблемам (табл. 1).

Таблица 1. Документальная база дискурс-анализа публикаций по проблемам исторических травм и консолидирующих трендов субъектов РФ на территории Северного Кавказа

Субъект РФ	Число публикаций			
	Всего	Исторические травмы	Консолидирующие тренды	Двойная оценка
Республика Дагестан	47	25	19	3
Республика Ингушетия	29	23	6	–
Кабардино-Балкарская Республика	37	18	18	1
Карачаево-Черкесская Республика	11	7	4	–
Республика Северная Осетия – Алания	26	6	20	–
Чеченская Республика	32	10	12	10
Ставропольский край	9	1	8	–
Итого	191	90	87	14

Таким образом, статей с экспликацией исторических травм выявлено несколько больше, чем статей, задающих консолидирующий тренд. Однако в целом можно говорить об определенном балансе в восприятии северокавказскими учеными исторического прошлого: ни один из дискурсов не получил весомого перевеса. На это указывает и значительное количество статей с двойной оценкой.

Анализ полученных данных по отдельным субъектам показывает несколько иную картину. Если в Кабардино-Балкарии, Чеченской Республике и в несколько меньшей степени в Дагестане и Карачаево-Черкесии публикации по выделенным рубрикам распределились в целом равномерно, то в публикациях ученых из трех других республик можно выделить доминирующий дискурс. Авторы из Ингушетии делают акцент на травмирующих сюжетах, в то время как ученые, представляющие Ставрополье и Северную Осетию, эксплицировали в историческом

прошлом, как правило, консолидирующие тренды. Доминирование сюжетов исторической травмы в работах ученых из Ингушетии объясняется, прежде всего, большим вниманием к теме переселений и депортаций во время Кавказской и Великой Отечественной войн. Из 29 статей этой теме посвящены 8 – лидирующая рубрика в выборке по республике.

Обратимся к анализу по отдельным темам исторической памяти (табл. 2).

Таблица 2. Распределение статей по рубрикам исторической памяти

Рубрика	Число статей с травмой	Число статей с консолидацией	Число статей смешанного содержания	Всего статей
ВОВ	2	10	1	13
Депортация	15		2	17
Культурная революция		9		9
Кавказская война	30	12	2	44
Политическая история	17	36	5	58
Политика советской власти на Северном Кавказе	23	8	4	35
Гуманитарная история	1	5		6
Фальсификации истории	1	5		6
Теоретические аспекты	1	2		3
Всего	90	87	14	191

Больше всего статей посвящено различным аспектам политической истории региона. К этой рубрике отнесены статьи на тему административно-политического и социально-экономического обустройства Северного Кавказа в периоды до и после Кавказской войны. Особенный интерес вызывает отношение современной исторической мысли региона к процессу интеграции Северного Кавказа в пространство Российской Империи. Отношение к данному процессу неоднозначное, однако в публикациях преобладают консолидирующие сюжеты. Отмечаются усилия

России по интеграции и модернизации Северного Кавказа, включению региона в правовое и социально-экономическое пространство империи. Преобразования делались не по шаблону, а с учетом региональных особенностей. Уже к концу Кавказской войны «механизм социокультурного взаимодействия России и народов Северного Кавказа начал работать. Горские общества оказались втянуты в общероссийские модернизационные процессы, способствующие развитию новых социальных, экономических и культурных отношений в крае» [Кузьминов, 2018: 11].

Присоединение Кавказа к Российской Империи «имело в целом объективно прогрессивное значение: избавило его народы от порабощения отсталыми восточными деспотиями (Османской империи и Ирана), способствовало их социально-экономическому, политическому и культурному развитию» [Гасанов, 2016: 31]. Представители горских народов понимали, что «лишь с присоединением к России, к стране, которая находилась на более высоком уровне экономического и культурного развития, втягивая горцев во всероссийский обмен, приобщая их к социальным процессам, возможно было добиться коренного изменения жизненного уровня развития горских народов» [Костоев, 2020: 26].

Позитивные аспекты интеграции отмечаются и в отношении отдельных северокавказских народов. Так, «вовлечение чеченского этноса в единое жизненное пространство России со всеми его социальными и культурными нормами было исторически неизбежной и в этом смысле необходимой формой модернизации чеченского общества, качественного увеличения его исторического «шага»» [Сурхаев, 2020: 112]. В результате имперской модернизации была создана Балкария в современном смысле этого слова, а также балкарцы как единый народ [Муратова, 2019: 12–36].

С другой стороны, реформы этого периода на Кавказе рассматриваются в ракурсе целенаправленной политики утверждения Россией своей власти в регионе, создания «колониальной системы на Кавказе», «колониального гнета». Многие ученые обращают внимание на негативные стороны политических процессов на Северном Кавказе, ошибки, допускаявшиеся имперской администрацией. Однако большинство статей из этой руб-

рики основаны не на переживании травмы, а на анализе, показываются попытки решения проблем и налаживания отношений между администрацией и народами региона.

Из общего массива проанализированных публикаций 44 статьи посвящены теме Кавказской войны – одной из ключевых и наиболее дискуссионных тем исторической памяти. В рецепции данной темы наблюдается существенное преобладание дискурса исторической травмы. Травмирующий дискурс задается, прежде всего, экспликацией «парадигмы Кавказской войны», основу и суть которой составляли преступления и произвол российских властей и военных по отношению к народам Северного Кавказа. Главным содержанием парадигмы Кавказской войны были «карательные экспедиции разного масштаба», которые «предпринимались для истребления лесов, селений и системы жизнеобеспечения». Эти экспедиции «провоцировали голод, имевший зачастую в сочетании с другими факторами фатальные последствия». «Аннексия земель превращала большую долю населения в беженцев». Почти с самого начала войны военные действия предварялись нанесшей огромный урон природе Кавказа вырубкой лесов, «чтобы на открытой местности использовать неоспоримые преимущества русского штыка» [Озова, «Ермоловская эпоха»..., 2015: 174–184].

В ряде статей рассматриваются колыбельные песни времен Кавказской войны, сохранившие в себе эмоциональный заряд современников событий, наполненный впечатлениями от ужасов войны. Делается попытка реконструировать «повседневное существование... в условиях военного конфликта». Такая реконструкция концептуально оформляется как «этнография смерти» [Текуева, Нальчикова, Коновалов, Гугова, 2019: 207–221]. Таким образом, травмирующий дискурс складывается за счет «снятия» исторической дистанции и попытки взглянуть на события Кавказской войны глазами ее современников, передать их экзистенциальные чувства и ощущения.

В «консолидирующих» статьях, наоборот, Кавказская война рассматривается с учетом исторической дистанции, их авторы ставят перед собой задачу осмыслить это событие в контексте комплекса отношений между Кавказом и Россией. Отмечается непоследовательность и противоречивость российской политики

на Кавказе, тем не менее, интеграция Северного Кавказа была важной целью (в том числе для самого региона), стоявшей на повестке дня в период завершения Кавказской войны [Глашева, 2017: 45–49].

Взаимоотношения между Россией и горцами в этот период определялись «долговременной программой» строительства империи, «учитывающей не только интересы Центра, но и колонизируемой Периферии» [Кузьминов, 2017: 66]. «Российская империя, неотвратимо поглощающая Кавказ, предлагала и осуществляла экономические и культурные проекты, взаимовыгодные и долгосрочные для местных народов». Жестокий характер войны и недостаточность усилий по мирному привлечению кавказских народов в российское подданство объясняются особенностями международной политики, которая «имела свою зловещую логику и скорее легализовала территориальные приращения великих держав, приобретенные «силой оружия» во время войн друг с другом и утвержденные в мирных договорах без учета мнения завоеванных “малых” народов» [Кипкеева, 2015: 14]. В целом в этих статьях прочитывается установка на выработку некоего компромиссного видения Кавказской войны с целью снизить остроту конфликтов памяти, препятствующих диалогу и интеграции на современном этапе развития России.

Описание событий войны ведется преимущественно в риторике советской историографии: «национально-освободительная борьба горцев», «имперская политика России», «антифеодальная и антиколониальная борьба горцев», «порабощение горцев», «агрессивная и жестокая политика России на Кавказе», «экспансионистская политика царской России, проводимая на Кавказе» и т.п.

Само по себе преобладание такой риторики, создание пантеона национальных героев периода Кавказской войны является закономерным и с точки зрения сложившихся историографических подходов, и с точки зрения подъема национального сознания. Однако потенциально рискогенными в контексте формирования общероссийского исторического дискурса и общероссийской идентичности представляются: 1) категорическое неприятие каких-либо инноваций в оценке событий Кавказской войны (концепция фронта, российскости, символизма Кавказской войны), которые подвергаются в публикациях жесткой критике;

2) активное воспроизводство уже существующих оценок (большинство даже исторических публикаций построено не на архивных материалах или другом фактическом материале, а на ссылках на ранее опубликованные работы); 3) несоответствие оценок приводимым фактам; 4) ссылки на мнения зарубежных ученых для подтверждения своей негативной оценки событий.

Отдельной строкой, усиливающей травмирующую рецепцию Кавказской войны, проходит тема мухаджирства. Высказывается тезис о том, что мухаджирство имело целенаправленный и спроектированный еще задолго до самого факта депортации характер [Озова, Депортация черкесов..., 2015: 59–70]. Оно стало «крупнейшей демографической катастрофой, которая перекроила традиционный этнический облик Кавказа, прервало исторический процесс социально-экономического и культурного развития горских народов на многие десятилетия» [Долгиева, Дзуматова, 2020: 18].

В основном с позиций травмирующего дискурса рассматривается еще одна важная для Северного Кавказа тема исторической памяти – политика советского государства в регионе после установления здесь советской власти и до начала Великой Отечественной войны. В целом для страны это был непростой период, подвергшийся еще в годы Перестройки жесткой ревизии и получивший в основном негативные оценки. Еще более негативное восприятие многих процессов данного периода фиксируется в современной исторической мысли северокавказского региона.

Центральной для ученых из ряда республик стала тематика послереволюционного национально-территориального обустройства региона. Травмирующий дискурс определяется тем, что советская власть не оправдала ожиданий горских народов, делая ставку на силовое решение проблем, применяя при этом «жесткий тоталитарный прессинг» для переформатирования региона [Жанситов, Горско-казачьи противоречия в Терской области..., 2019: 36–41]. Поверив большевикам в их обещании проводить политику, учитывавшую этническую и религиозную специфику региона, значение этнокультурных традиций, большая часть горцев поддержала большевиков. Однако в итоге большевистская политика в регионе привела к уничтожению традиционных социальных элит, поставила под вопрос сохране-

ние этнокультурной самобытности кавказских народов [Жанситов, 2017: 113–118].

В целом «Северный Кавказ политически и идеологически не вписывался в теорию и практику советской власти» [Кажаров, Формирование Горской АССР... 2018: 52]. Отсюда проистекали многочисленные сложности и проблемы политико-административной реинтеграции региона. Вовлечение горских народов в советскую систему отношений означало вступление в «трагичную... эпоху становления новой парадигмы социально-политического бытия» [Жанситов, Революция в Кабарде..., 2019: 34]. Амбициозная советская попытка нацистроительства в виде Горской Автономной Социалистической Советской Республики (ГАССР) представляла собой проект, не учитывавший интересов многих народов Кавказа [Кажаров, Формирование Горской АССР..., 2018: 48–55].

Важное место занимает тема репрессий как одна из основных характеристик советской политики в регионе. В частности, в результате действий центрального советского руководства управленческий аппарат Карачаевской автономной области подвергся репрессиям [Аджиева, Хубиева, Чомаева, 2018: 40–52], и это было только фрагментом в работе репрессивной машины Центра в отношении политической элиты Северного Кавказа. Политика советского руководства в регионе имела унифицирующий характер, выстраивалась жесткая «вертикаль власти», в результате чего все формы местного самоуправления постепенно фактически были упразднены. Прежде всего, такая политика затрагивала интересы малочисленных северокавказских народов, традиционно опиравшихся на системы самоуправления и за счет этого сохранявших свою специфику. «Итогом советизации малочисленных народов Северного Кавказа стало то, что общинные формы самоуправления были практически утрачены» [Башлаева, Особенности совершенствования системы государственной власти..., 2016: 148]. Репрессиям подверглось и мусульманское духовенство. Антирелигиозные меры советского правительства при проведении политики на Северном Кавказе привели к тому, что «мусульманская духовная культура понесла невосполнимые потери» [Башлаева, Антирелигиозная политика советского правительства..., 2016: 78].

Негативную оценку получает политика коренизации. Утверждается, что меры по коренизации, предпринимавшиеся советской властью, только внешне отвечали интересам кавказских народов, т.е. поднятию этнических культур, изучению национальных языков и т.д. На самом деле коренизация выступала по сути колониальным инструментом политического и культурного господства и была направлена не на возрождение этнических культур, а на унификацию советского общества [Мамси́ров, Лаврова, 2018: 92–130]. Коллективизация также была «насильственным актом» [Бечелов, 2015: 102–104]. Дискриминационная политика Центра неизбежно должна была привести к ответной реакции. «Повстанческое движение Кабардино-Балкарии явилось составной частью антибольшевистской борьбы Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Оно осуществлялось в тесной связи с повстанцами сопредельных национальных округов и по мере возможности координировало свои действия с ними» [Кармов, 2016: 23].

Тяжелое наследие советских времен до сих пор негативно сказывается на жизни республик Северного Кавказа. Многие серьезные социальные пороки современного северокавказского общества объясняются советскими реформами 1920–30-х гг., уничтожившими традиционный уклад жизни и открывшими дорогу неформальным практикам, внеправовым механизмам решения проблем [Гедгафова, Мамси́ров, 2015: 116–120].

Консолидирующий дискурс при рассмотрении послереволюционной ситуации на Северном Кавказе задается темами преодоления сепаратизма, интеграцией региона в новое государство. *Основной сепаратизма на Северном Кавказе в первые послереволюционные годы явились антибольшевистские настроения, а не неприятие России в качестве политического и цивилизационного центра.* Это означало по сути то, что регион успел настолько интегрироваться, что лишь небольшая часть интеллигенции видела иные политические перспективы [Кажаров, Организация «союз объединенных горцев»..., 2018: 28–38].

Основная часть горской интеллигенции не мыслила категориями самостоятельной, отдельной от России государственности для кавказских народов, а пыталась создать на Кавказе формы государственности, вписывающиеся в либерально-демократические рам-

ки нового российского государства, каким оно виделось многим представителям кавказской интеллектуальной элиты [Кажаров, Цолоев, 2017: 47–53]. Более того, именно благодаря национальной политике советской власти удалось сохранить Северный Кавказ в составе нового государства [Атаева, 2016: 135–137].

Дело в том, что «основные векторы национальных движений коренного населения региона, так или иначе, были направлены на интеграцию в российское цивилизационное поле, но лишь при гарантировании определенных форм автономии. В конечном итоге, наибольшую популярность и успех на Северном Кавказе приобрела именно та общероссийская власть, которая провозглашала самые широкие автономистские права» [Жансигов, Историография революционного периода..., 2019: 37].

Почти однозначно с точки зрения исторической травмы воспринимается в научном сознании региона тема депортации ряда народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны. Депортация рассматривается как целенаправленное мероприятие, спланированный комплексный процесс, целью которых было уничтожение этнической идентичности народов, разрушение привычных этнокультурных форматов традиционного общества [Текуева, Гугова, Нальчикова, Битокова, 2017: 145–157], стремление власти расколоть этнокультурное единство народов Северного Кавказа и подвергнуть их этнической ассимиляции [Акиева, 2015: 9–37], политической и культурной маргинализации [Кетенчиев, Додуева, Мизиев, 2020: 112–119]. Подчеркивается, что отдельные случаи коллаборационизма были использованы советским режимом как предлог для депортации народов Кавказа, а не как ее причина. В качестве причины указывается на национальную (этническую) основу депортационных мероприятий – «выселение народов, в том числе и ингушского, можно квалифицировать как геноцид по национальному признаку» [Агиева, Страница в истории ингушского народа..., 2019: 11–26]. Именно «по этническому принципу были высланы чеченцы и другие народы» [Осмаев, 2015: 83–86].

Некоторые авторы стремятся персонифицировать жизнь спецпереселенцев Северного Кавказа в Казахстане. Получив доступ к документам персонального характера: личным делам выселенцев или персональным делам партийных и советских

руководителей, авторы публикаций стремятся подробно описать «жесткие условия проживания конкретных людей в местах ссылки» [Агиева, На Родину без компаса..., 2019: 5–11], их индивидуальные социально-психологические ощущения и нервно-эмоциональные переживания. Важно, что среди таких спецпереселенцев было много участников войны, у которых изымались боевые награды и к которым вне зависимости от их подвигов на войне относились как к изменникам из-за ярлыка «спецпереселенец» [Арапханова, 2020: 4–9].

Тем не менее, даже внутри такой, казалось бы, однозначно травмирующей рубрики нашлось место для некоторых консолидирующих сюжетов. Отмечается, что «... общение представителей различных национальностей в процессе производства закладывало основы интернациональной солидарности и дружбы народов...» [Исакиева, 2019: 70–71]; «Трудовая деятельность позволяла спецпоселенцам не только поправить свое материальное положение, но и избавиться от проблем морально-психологического характера... Многие из них являлись передовиками производства...» [Исакиева, 2019: 71].

Главной темой, задающей консолидирующий тренд, стала Великая Отечественная война, хотя публикаций на эту тему не так много, как можно было предполагать. В статьях акцент делается на консолидирующих аспектах героического сопротивления советских народов натиску фашистов на кавказском направлении [Койчугев, 2018: 49–53]. Высоко оценивается вклад народов Северного Кавказа в общую победу советского народа. Артикулируется идея патриотизма как основа участия народов в деле защиты Родины [Баучиев, 2018: 57–60]. Отдельно отмечается патриотический подъем интеллигенции Северного Кавказа, ее вклад в разработку идеологическо-пропагандистских основ противостояния врагу [Баучиев, 2017: 107–111]. «Новый немецкий порядок» на Северном Кавказе, как и в других советских областях, «порождал убийства и насилие над местным населением, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности» [Татаров, 2015: 592–607]. Как результат Великая Отечественная стала «личной войной каждого горца. Традиционная кавказская ментальность, одной из опор которой является институт гостеприимства, с трудом смогла пережить столкнове-

ние с незнакомым, враждебным и неоправданно жестоким оккупационным фашистским режимом» [Гугова, 2019: 72–76].

Травмирующий дискурс в осмыслении событий Великой Отечественной войны связан преимущественно с проблемой коллаборационизма, межэтническими отношениями в советской армии в период войны. Межэтнические конфликты в советской армии с участием воинов из северокавказского региона объясняются «слабым знанием русского языка» и в более широком плане – незавершенным характером «советской модернизации в национальных автономиях» [Апажева, Татаров, 2020: 19–25]. В другой статье отмечается, что «дезертирство и уклонение от мобилизации в немалой степени явились своего рода реакцией жителей республики на репрессивную политику советской власти». Случаи коллаборационизма объясняются дальновидной политикой немцев, которые «преподносили себя как освободители горских народов от большевистского режима и обещали вернуть дореволюционные порядки», что встречало поддержку со стороны местного населения [Жанситов, 2018: 30–35].

Таким образом, коммеморативные практики северокавказских ученых включают в себя различные сюжеты и различные оценки событий прошлого. *Травмирующие и консолидирующие тренды в проанализированных статьях не являются самодостаточными и изолированными друг от друга, что говорит о сложном и неоднозначном отношении к прошлому в региональном научном сообществе.*

Историческая память как инструмент формирования общероссийской идентичности

Проведенный анализ публикаций ученых Северного Кавказа на тему исторической памяти не позволяет сделать однозначных выводов. С одной стороны, большинство важнейших рубрик исторической памяти региона – Кавказская война, политика советской власти в постреволюционный период, депортации – по-прежнему вызывают большой интерес и трактуются чаще всего как исторические травмы. С другой стороны, постепенно укрепляется консолидирующий тренд в осмыслении этих событий и процессов (отчасти это касается даже темы депортаций).

В этой связи трудно согласиться с мнением о том, что «в настоящий момент можно наблюдать, как формируется северокавказская контрстория, выросшая из советской идеологии борьбы против колониального гнета царизма, но сменившая классовый подход на этнонациональный, опрокинутый в имперское и советское прошлое. Теперь места трудящихся и угнетенных заняли, соответственно, кавказцы и русские, последние из которых обвиняются в совершении с XVI по XXI века серии этноцидов» [Цибенко, 2018: 214]. Такая точка зрения представляется «чрезмерной», не учитывающей всех важных нюансов развития дискурса исторической памяти в среде северокавказских ученых.

Необходимо в большей степени учитывать конструктивные подходы, задающие консолидирующий дискурс. Нужно помнить о том, что «только превращение истории в интегрирующий фактор может стать фактором успешного развития региона и страны в целом» [Кринко, 2018: 207]. Также необходимо понимать, что «важнейшие функции исторической памяти – это формирование гражданина и укрепление общей гражданской идентичности» [Тишков, Шабает, 2019: 63].

Как коллективная идентичность, национальная идентичность тесно связана с коллективной памятью, которая помещает нацию как воображаемое сообщество в общее прошлое и общей истории [Erl, Nünning, 2010; Halbwachs, 1980; Halbwachs, 1992]. Социальная сплоченность устанавливается ссылкой на общее прошлое [Fairclough, Harrison, Jameson, Schofield, 2008]. В своей классической лекции «Qu'est-ce qu'une nation?» (1882) Э. Ренан подчеркивал важность забывания как неотвратимого аналога памяти. Члены нации должны помнить о том, что их объединяет, писал Ренан, но им также необходимо забыть о том, что их разделяет, например, о резне в Варфоломеевскую ночь или крестовом походе против альбигойцев во французском случае. В соответствии с этим аргументом, ученые доказывают неразрывность памяти и забывания, а также важность учета их взаимодействия [Connerton, 2008].

Настоящее состояние группы и ее перспективы на будущее определяют то, как представлено общее прошлое. Избирательное запоминание и забвение являются важнейшими характеристиками политики исторической памяти как составной части

политики идентичности. Коллективное воспоминание – это активный процесс, созданный подборкой рассказов, которые служат текущим интересам группы [Wertsch, 2002]. Разные воспоминания актуализируются в разное время и в разных контекстах, и коллективное воспоминание переплетается с политической памяти, которая отражает идейную борьбу, социально-политическую повестку дня и межгрупповые отношения в обществе [Liu, Hilton, 2005: 537–556].

Все это указывает на конструируемый и тем самым управляемый характер социальной памяти и памяти исторической как ее части. В этой связи *необходимо более активно подключать консолидирующие сюжеты исторической памяти к процессам формирования общероссийской идентичности в северокавказском регионе.*

Список литературы

- Агиева Л.Т.* На Родину без компаса ... (к 75-летию депортации ингушского народа) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2019. № 1.
- Агиева Л.Т.* Страница в истории ингушского народа: депортации в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию депортации ингушского народа) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2019. № 1.
- Аджиева З.И., Хубиева А.А., Чомаева З.М.* Правовое и идеологическое обеспечение репрессивной политики против управленческого аппарата на Северном Кавказе в период НЭПа (на примере Карачаевской автономной области (КАО) // Казачество. 2018. № 34 (4).
- Акиева С.И.* Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // Белые пятна российской и мировой истории. 2015. № 6.
- Апажеева Е.Х., Татаров А.А.* Национальные регионы на линии фронта: политическое положение в Кабардино-Балкарии в августе–октябре 1942 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. № 1.
- Арапханова Л.Я.* Партийно-государственная номенклатура Ингушетии в условиях массовых политических репрессий в СССР // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. № 1.

- Атаева Ф.А.* Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе в годы гражданской войны // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 4.
- Баучиев Х.Б.* Вклад интеллигенции Северного Кавказа в идейно-политическую работу в начальный период Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7.
- Баучиев Х.Б.* Помощь населения Черкесской и Карачаевской автономных областей фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50).
- Башлаева М.С.* Антирелигиозная политика советского правительства на Северном Кавказе в 1920-х – начале 1940-х гг. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61).
- Башлаева М.С.* Особенности совершенствования системы государственной власти в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах народов Северного Кавказа) // Успехи современной науки. 2016. Т. 1. № 11.
- Бечелов З.Ш.* К вопросу о методах коллективизации на Северном Кавказе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1–1.
- Гасанов М.М.* Социально-экономическое развитие и типы политических организаций Дагестана к моменту окончания Кавказской войны // Вестник академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3 (32).
- Гедгафова К.А., Мамсиров Х.Б.* Особенности трансформации социальной структуры Кабардино-Балкарского общества в 1920–1930-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5–1.
- Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Бяргинского (1856–1862 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 4–1.
- Гугова М.Х.* Гражданское население Кабардино-Балкарии и движение сопротивления в условиях германской оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42).
- Долгиева М.Б., Дзуматова З.Р.* Роль Муссы Кундухова в переселении горцев Северного Кавказа в Турцию // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. № 1.
- Жанситов О.А.* Горско-казачьи противоречия в Терской области (1917–1918): факторы эскалации // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 3 (46).
- Жанситов О.А.* Историография революционного периода в горских округах Северного Кавказа: вопросы автономизации // Вестник

- Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42).
- Жанситов О.А.* Кабардино-Балкария в условиях немецкой оккупации: проблемы мобилизации социума в ракурсе травматического опыта большевистских преобразований // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 2 (37).
- Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917–1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 2 (76).
- Жанситов О.А.* Революция в Кабарде: вопросы периодизации // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 2 (41).
- Исакиева З.С.* К 75-летию депортации чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан: о жизни спецпереселенцев // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4 (60).
- Кажаров А.Г.* Организация «союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214).
- Кажаров А.Г.* Формирование Горской АССР и проблемы национального самоопределения Кабарды и Балкарии (1920–1921 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1.
- Кажаров А.Г., Цолоев Т.С.* Общественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4.
- Кармов А.Х.* Ликвидация повстанческого движения в Кабардино-Балкарии в конце 20-х г. XX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2016. № 3 (30).
- Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М.* Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в Карачаево-Балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1.
- Кипкеева З.Б.* Военно-политические аспекты присоединения Карачая к Российской империи в 1828 году // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 5 (84).
- Клычников Ю.Ю.* Память как политический инструмент и проблемы безопасности южнороссийского макрорегиона // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3.

- Койчуев А.Д.* Роль народов Карачаевской автономной области в оброне Кавказа (1942–1943 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 4 (229).
- Костюев З.И.* Политика России на Северном Кавказе в 1900–1917 гг. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. №1.
- Кринко Е.Ф.* Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3.
- Кузьминов П.А.* Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4.
- Кузьминов П.А.* Социальная политика российского правительства на Северном Кавказе в XVIII – 60-х годах XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36).
- Мамсиров Х.Б., Лаврова Н.С.* Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920–1930-х годах в зеркале архивных документов: цели и результаты // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 4.
- Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 2.
- Озова Ф.А.* «Ермоловская эпоха» – становление парадигмы Кавказской войны // Клио. 2015. № 10 (106).
- Озова Ф.А.* Депортация черкесов в 1856–1864 гг.: план и его реализация // Клио. 2015. № 5 (101).
- Осмаев М.К.* Депортация: культурные потери чеченского народа // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 2 (18).
- Сурхаев А.Х.* Динамика российско-чеченских отношений во второй половине XVIII в.: от противоречий к государственному единству // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 3 (19).
- Татаров А.А.* Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110.
- Текуева М.А., Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Битокова Т.В.* Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4.
- Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Коновалов А.А., Гугова М.Х.* Повседневное существование черкесов в условиях военного конфликта: этнография смерти // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3.

- Тишков В.А., Шабает Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4 (40).
- Цибенко В.В. Такое разное прошлое: коммуникативный разрыв и другие вызовы для современного кавказоведения // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3.
- Assmann A. Formen des Vergessens. Göttingen: Wallstein, 2016.
- Billig M. Banal Nationalism. – London: Sage, 1995.
- Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies, 2008. Vol. 1.
- Erll A., Nünning A. A companion to cultural memory studies. Berlin: Walter De Gruyter, 2010.
- Fairclough G., Harrison R., Jameson J. H., Schofield J. Introduction. Heritage, memory, and modernity. In G. Fairclough, R. Harrison, J. H. Jameson, & J. Schofield (Eds.), The heritage reader. New York: Routledge, 2008.
- Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Albin Michel. 1994.
- Halbwachs M. On collective memory. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980.
- Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia. Public Culture. 2000. Vol.12.
- Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44.
- Lowenthal D. Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History. – New York: The Free Press. 1996.
- Nora P. Between memory and history: Les lieux de mémoire. 1989. Representations. Vol.26.
- Wertsch J.V. Voices of collective remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Zerubavel E. Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: Chicago University Press. 2003.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Е.Ф. Кринко

Введение

Проблемы использования прошлого в решении современных политических задач давно и плодотворно обсуждаются различными исследователями. Немало внимания уделяется и политике памяти на Северном Кавказе, а также связанным с ней мемориальным конфликтам [см.: *Хлынина, Кринко, 2014; Кринко, 2018* и др.]. В широком смысле слова мемориальные конфликты – любые противоречия и столкновения в трактовке тех или иных событий прошлого, находящие свое выражение в различных формах, от школьных учебников до разных сфер и уровней публичного пространства. В более узком, специальном смысле – это конфликты непосредственно в мемориальной сфере, связанные с созданием, изменением форм и содержания, а также ликвидацией мемориальных объектов. Они представляют особый интерес для исследователей политики памяти. Именно памятники и мемориалы выступают общепринятыми символическими объектами, призванными увековечить представления о значимости самого места памяти, события или личности, а связанные с ними общественные коммеморации с соответствующими ритуальными действиями способствуют не только их закреплению в общественном сознании, но и дальнейшему сплочению членов разделяющих данные взгляды сообществ, формированию у них общей идентичности.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра Российской академии наук, номер государственной регистрации проекта: АААА-А19119011190182-8.

По своей сущности мемориальные конфликты представляют собой политические конфликты, поскольку в их основе лежит стремление разных акторов, в качестве которых могут выступать органы власти, общественные организации и учреждения, а также отдельные активисты, навязать обществу собственную интерпретацию прошлого. Специфика данного вида конфликтов по сравнению с другими выражается в том, что они протекают именно в мемориальной сфере.

В данной работе выделяются и рассматриваются основные группы указанных конфликтов на Северном Кавказе. Конфликты сгруппированы и рассматриваются по тематическому принципу, согласно хронологической последовательности происшедших событий, которым посвящены вызывавшие в обществе противоречия мемориальные объекты. При этом за пределами работы остался ряд других как состоявшихся, так и потенциальных конфликтов, что обусловлено ее рамками. Представляется, что данный опыт систематизации может быть полезен не только для дальнейшего изучения проблемы, но и предупреждения возникновения новых конфликтов.

Этногенез и судьба историко-культурного наследия народов Северного Кавказа

Первая группа конфликтов связана с вопросами этногенеза и судьбой историко-культурного наследия народов Северного Кавказа. Конфликтотенный характер данные вопросы приобретают вследствие стремления отдельных политических сил связать с их решением историческое право на обладание той или иной территорией и другими преференциями, в том числе символического характера. К этой группе можно отнести, например, споры об аланском наследии, которые ведутся представителями интеллектуальной и политической элиты ряда северокавказских республик. Наиболее ярким их выражением в рассматриваемой сфере стало закрепление соответствующих понятий в названиях одной из республик и столицы в другой, на въезде в которую находятся Аланские ворота. Существующие исследования и публикации позволяют не обращаться подробно к данной проблеме [*Шнирельман, 2006; Дзидзоев, 2010 и др.*].

В 1990–2000-х гг. стремление к удревнению собственного прошлого, поиску доказательств автохтонности, наличия арийских, хеттских, шумерских и других предков у современных северокавказских народов, не исключая и славян, получили широкое распространение, но не всегда закреплялись в соответствующих мемориальных акциях и формах. Федеральный центр, как правило, стремится дистанцироваться от вынесения каких-либо вердиктов по данным историческим вопросам, чтобы сохранить статус-кво, вмешиваясь тогда, когда возникает политическая напряженность в межэтнических отношениях.

Вхождение народов Северного Кавказа в состав России и Кавказская война

Немало конфликтов посвящено вопросам вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Во второй половине XIX в. в регионе появились первые монументы, посвященные военачальникам, сыгравшим важную роль в покорении Кавказа, а также отдельным солдатам и офицерам русской армии, совершившим героические подвиги во время войны. В советское время памятники героям и военачальникам Кавказской войны, как представителям царской власти, были уничтожены. Однако оценки обстоятельств вхождения народов Северного Кавказа в состав России не раз менялись, а вместе с ними и мемориальные практики. В 1950-е гг. утвердились идеи о добровольности данных решений, нашедшие соответствующее отражение в мемориальной культуре национальных автономий.

На рубеже 1980–1990-х гг. были демонтированы вызывавшие наибольшее возмущение у вайнахов и адыгов памятники А.П. Ермолову в Грозном и М.П. Лазареву в курорте Лазаревском города Сочи. Одновременно началось формирование нового мемориального ряда, призванного увековечить героев и жертв Кавказской войны среди горцев. Соответствующие памятники появились на территории трех республик с адыгским населением – Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии.

Открытый в 2004 г. в центре Нальчика памятник «Жертвам Кавказской войны» представляет собой колесо арбы, символизирующее «колесо истории», из ступицы которого прорастает

Древо Жизни (Мировое дерево), как символ возрождения адыгского народа.

В Майкопе еще в 1993 г. был установлен закладной камень, мемориальная доска на котором сообщала о том, что на его месте «будет установлен памятник погибшим за свободу и независимость Черкесии в Кавказской войне» (при этом в тексте на адыгейском языке уже речь шла о «Русско-кавказской войне») [Хлынина, Кринко, 2014: 248]. Но создание памятника растянулось на двадцать лет. Только в 2013 г. был открыт двадцатиметровый монументальный комплекс «Единение и согласие», остающийся самым крупным памятником, посвященным событиям Кавказской войны. В его основу легла идея очага, как символа гостеприимства и миролюбия, позволяющего объединить всех адыгов и пригласить представителей других народов к теплу и взаимопониманию. В результате, как и памятник в Нальчике, он акцентирует внимание не на самой трагедии войны и махаджирства, вызвавших, действительно, существенное сокращение численности адыгов на Северном Кавказе [см.: Войны и население Юга России..., 2019: 334–394], а на преодолении их последствий. Очевидно, что трансформация названия и содержания памятника, возводившегося под контролем руководства республики, была призвана смягчить возникшее напряжение, тем более что на его создание, помимо добровольных пожертвований граждан, выделялись и бюджетные средства.

В 2008 г. памятник адыгам, павшим в Кавказской войне, появился в поселке Большой Кичмай Лазаревского района Сочи, а в 2010 г. памятники «защитникам Черкесии» установили в аулах Понежукай и Тахтамукай Республики Адыгеи. Наконец, в 2018 г. был установлен бронзовый памятник высотой более трех метров в ауле Афипсип Тахтамукайского района одному из руководителей черкесов во время Кавказской войны Тугужуко Кызбэчу, рассматриваемый как символ сохранения для адыгов «аутентичности и родовой памяти» [Багдасарова, 2016].

В Карачаево-Черкесии первая стела – памятник «жертвам Русско-Кавказской войны» появилась в черкесском ауле Али-Бердуковский Хабезского района еще в 1991 г. Почти через два десятилетия, в 2010 г. был открыт памятник в абазинском селе Красный Восток Малокарачаевского района, в 2014 г. – в ногай-

ском ауле Адиль-Халк Ногайского района. В 2017 г. в столице республики городе Черкесске открыли крупный памятник в форме бронзового кинжала, вставленного в ножны и символизирующего тем самым окончание кровопролитной Кавказской войны.

Возле всех указанных мемориальных объектов проходят ежегодные траурные мероприятия 21 мая в дни памяти и скорби по жертвам Кавказской войны. Фиксируя чувство скорби и горечи от понесенных потерь, они в то же время аккумулируют исторические обиды и претензии по отношению к России, отказывающейся официально признать геноцид черкесов.

Наряду с этим острое недовольство адыгских и других северокавказских политиков и общественных организаций вызывают появившийся в 2003 г. памятник Г.Х. Зассу в городе Армавире и восстановленный в том же году бюст М.П. Лазареву в Лазаревском, но особенно памятники А.П. Ермолову, открытые в 1998 г. в Ставрополе, в 2008 г. – в Минеральных Водах и в 2012 г. – в Пятигорске. Против установки памятников Ермолову в Пятигорске и Минеральных Водах выступили и власти Чеченской республики, которые до этого занимали более сдержанную позицию в отношении мемориализации Кавказской войны. На ряде форумов звучали прямые угрозы снести эти памятники. В 2011 г. самый большой из них – почти трехметровая бронзовая статуя Ермолова в Минеральных Водах – подвергся акции вандализма. А установленный 1 июня 2020 г. монумент русским солдатам в Адлере вызвал обращение адыгских активистов к Президенту Российской Федерации В.В. Путину с требованием от него и «местных властей Юга России» «незамедлительного демонтажа памятников, искажающих историческую действительность и сеющих межнациональную рознь». После чего, он действительно, был вскоре демонтирован, что вызвало, в свою очередь, недовольство другой стороны, призвавшей правоохранительные органы России привлечь к ответственности виновных «в надругательстве над исторической памятью государствообразующего русского народа» [Юрин, 2020].

Обращает на себя внимание, что значительную роль играет само место установления памятников участникам и событиям Кавказской войне. За пределами региона они воспринимаются в массовом сознании спокойно, вызывая повышенный интерес к

себе со стороны небольшого круга профессиональных исследователей и краеведов-любителей. Так, открытие в селе Марьино Рыльского района Курской области памятника князю А.И. Барятинскому – «победителю Шамиля» в его бывшем поместье – не вызвало острых общественных разногласий, как и конного памятника Я.П. Бакланову в Волгодонске. Однако установление памятника великому князю Михаилу Николаевичу в Майкопском районе Республики Адыгея породило настоящую волну протестов [*Кринко, Хлынина, 2014: 253*].

Гражданская война и оценки советского периода истории

Следующий блок разногласий касается событий и участников установления советской власти и связанным с ними оценок советского периода в целом. В первые годы советской власти захоронения погибших революционеров и красноармейцев стали местами формирования новых похоронных и поминальных традиций. Немало мемориальных объектов на Северном Кавказе, помимо В.И. Ленина, была посвящена С.М. Кирову и Г.К. Орджоникидзе, принимавших здесь активное участие в событиях революции и Гражданской войны. После Великой Отечественной войны широко распространилось создание единых мемориальных комплексов, призванные связать в единый ряд ее героев с героями Гражданской войны. На этот период пришелся и подъем мемориальной ленинианы: памятники Ленину были установлены практически во всех населенных пунктах для реализации не столько мемориальной функции – увековечивания памяти о самом основателе партии большевиков и Советского государства, сколько пропагандистской – закрепления символов нового строя.

В большинстве своем памятники Ленину были типичны в художественном решении, различаясь размерами и материалом. Сколько всего памятников Ленину было создано на Северном Кавказе и сколько из них продолжает существовать в настоящее время, ответить точно сложно: специальных подсчетов не велось, а сведения обобщающих справочников неполны. На специальном сайте «Памятники Ленину» указаны 765 памятников: 27 в Адыгее, 39 в Дагестане, 1 в Ингушетии, 34 в Кабардино-Балкарии, 16 в Карачаево-Черкесии, 27 в Северной Осетии –

Алании, 11 в Чечне, 496 в Краснодарском крае, 114 в Ставропольском крае (очевидно, что эти данные не полные) [Памятники Ленину].

Поворот в политике памяти в 1990-е гг., сопровождавшийся переоценкой событий и участников революции и Гражданской войны, привел к демонтажу ряда советских памятников. Так, в Краснодаре снесли памятник Я.М. Свердлову, восстановив на его месте дореволюционный памятник Екатерине II, а во Владикавказе – памятник Г.К. Орджоникидзе. Последнее, впрочем, обуславливалось не борьбой с советской идеологией, а обострением осетино-ингушского конфликта: считалось, что Орджоникидзе в «годы установления советской власти на Тереке занял четкую проингушскую позицию» [Кушаты].

В то же время серьезных кампаний по демонтажу памятников Ленину на Северном Кавказе, как и в целом в России не проводилось. Демонтированы оказались лишь несколько памятников в районных центрах и небольших населенных пунктах, как правило, из-за плохого состояния и отсутствия средств на ремонт. Единственным исключением стал Грозный, где главный памятник Ленину демонтировали в 1991 г., а остальные разрушили в ходе боевых действий. Наибольший резонанс получил снос памятника Ленину в Нальчике в конце августа 1991 г., через неделю после ликвидации Государственного комитета по чрезвычайному положению, по требованию ряда общественных организаций, выступавших с антисоветскими и антикоммунистическими призывами. Но в 2004 г. по инициативе коммунистов республики его восстановили неподалеку от прежнего места. В Краснодаре памятник Ленину с площади перед Законодательным собранием Краснодарского края в 2006 г. также перенесли на Привокзальную площадь, освободив место для памятника кубанскому казачеству.

Появились и первые памятники участникам Белого движения: например, в 2013 г. был открыт трехметровый бронзовый памятник Л.Г. Корнилову на месте его гибели в окрестностях Краснодара. Наряду с этим, появилась тенденция к поиску примирения в мемориальной сфере прежних противников. Так, в городском саду Краснодара в 1998 г. был установлен монумент, получивший название «Примирение и согласие». Он представ-

ляет собой две семиметровые полуарки, возвышающиеся над гранитной плитой, на которую возложены символы враждующих армий – буденовка и папаха.

Однако второе десятилетие XX в. ознаменовалось двумя мемориальными конфликтами, связанными с событиями столетней давности. В мае 2011 г. в поселке Волконка Лазаревского района города Сочи был установлен памятник одному из главных лидеров армянского освободительного движения конца XIX – начала XX вв. А.Т. Озаяну. Но если в Республике Армения Озаян стал символом национально-освободительной борьбы, то турецкие и азербайджанские авторы изображают его как жестокого убийцу и насильника. Установление памятника вызвало негативную реакцию местных властей, и через несколько дней он был снесен [Кринко, 2012].

Острые дискуссии вызвала установленная в 2018 г. на окраине кумыкского села Агачаул в Республике Дагестан стела, посвященная турецким солдатам, воевавшим на Кавказе против Русской императорской армии, а затем частей генерала Л.Ф. Бичерахова. В нее были вмонтированы две плиты с изображением турецкой национальной символики и текстами на кумыкском, русском и турецком языках: «Священной памяти солдат Османской армии, павших за освобождение Анжи-калы (Порт-Петровска (в настоящее время – Махачкала)) от оккупационных войск генерала Л. Бичерахова. Мир и покой их душам». Памятник открыт на средства местных жителей по решению ответственности окрестных сел. В СМИ отмечалось, что «это едва ли не первый случай, когда на территории России воздвигают памятник ее врагам в одной из крупных войн» [Окунев, 2018].

Обращает на себя внимание, что установление данного памятника фактически закрепляет азербайджанско-турецкую мемориальную версию военных событий 1917–1921 гг. на Кавказе. Османская империя активно поддерживала Азербайджанскую Демократическую Республику в 1918 г. В Баку турецким правительством еще в 1999 г. был установлен монумент, посвященный 1130 турецким воинам-шехидам, погибшим в боях за город в 1918 г. против большевистских и армянских войск. Позже надпись на памятном знаке турецким солдатам была «скорректирована». Вместо плиты на трех языках местная администра-

ция укрепила в январе 2019 г. надпись на русском языке, уже не имевшей упоминания о них: «В память воинам, павшим в боях за свободу России и Дагестана на горе Тарки-Тау вблизи селения Агачаул в 1918 году. Мир и покой их душам» [*Хаджич*].

Великая Отечественная война и этнические депортации

События Великой Отечественной войны, в последнее время все чаще рассматриваемой в качестве основы для формирования национальной идентичности и общественной консолидации, также могут вызывать мемориальные конфликты. Один из таких конфликтов разразился в Армавире, где в 2012 г. на территории храма Успения Пресвятой Богородицы Армянской апостольской церкви была установлена мемориальная табличка Г. Нжде, считающегося национальным героем армянского народа. В Армении формируется настоящий культ Нжде, однако в России он подвергается критике за сотрудничество с нацистами в годы войны. После протестов части жителей Армавира, оставшихся без внимания властей, депутат городской думы А. Виноградов закрасил табличку черной краской, вскоре после чего она была демонтирована.

Память о принудительном выселении части народов Северного Кавказа на восток страны в годы Великой Отечественной войны длительное время не находила соответствующего отражения в публичных формах коммеморации и сохранялась в лучшем случае на семейном уровне. Не получая удовлетворительного объяснения и соответствующего мемориального выражения, данные события продолжали замалчиваться, порождая комплекс коллективной вины [*Тишков*, 2001: 80–81]. Первый на Северном Кавказе памятник жертвам депортации был установлен 19 февраля 1989 г. хасавюртовским отделением общества «Мемориал» в селении Новокули Новолакского района Дагестанской АССР. Он был посвящен чеченцам-аккинцам как «безвинным жертвам сталинизма».

Открытие памятника, приуроченное к 45-й годовщине депортации вайнахов, было тесно связано с требованием восстановления Ауховского района, что неизбежно ставило вопросы о судьбе переселенных сюда лакцев и аварцев. Руководство района опасалось обострения ситуации, все же дало разрешение на

установку памятника. Однако уже в июле 1989 г. в селе Новолакском состоялся митинг аварцев и лакцев, участники которого назвали памятник «очагом напряженности и столкновений», выступив за его перенос за пределы района и выселение чеченцев-аккинцев в Чечено-Ингушскую АССР [Кульчик, Адилсултанов].

В 1991 г. III съезд народных депутатов Дагестанской ССР все-таки принял решение о восстановлении Ауховского района и переселении лакского населения Новолакского района на новое место, однако оно так и осталось невыполненным. В результате памятник выполняет функции не только мемориального объекта, но и центра политических коммемораций: ежегодно 23 февраля возле него собираются многотысячные митинги чеченцев-аккинцев, обсуждающих проблемы восстановления Ауховского района.

В том же 1989 г. было принято решение создать Мемориал жертвам насильственного выселения и геноцида балкарского народа. На предполагаемом для строительства месте в курортной части Нальчика Долинске был установлен закладной камень с соответствующей надписью: «Здесь будет установлен памятник жертвам насильственного выселения и геноцида балкарского народа 1944–1956». Практически сразу же место создания мемориала приобрело характер центра памяти, возле него стали проходить ежегодные митинги. 8 марта 1994 г. был установлен мемориальный знак на здании железнодорожного вокзала в Нальчике.

Надпись на нем сообщает, что он «установлен в день 50-летия насильственного выселения балкарского народа с родной земли и посвящен памяти жертв геноцида». Однако сам мемориал в Долинске был открыт только 8 марта 2002 г., при этом его первоначальное название было изменено. Сейчас он называется Мемориал жертв репрессий балкарского народа. По поводу исчезновения понятия геноцида адвокат И.А. Кучуков подал иск к правительству республики, но суд отказал ему за необоснованностью требований [Полян, 2016: 87]. Памятные камни также установлены на месте бывших балкарских сел Актотрак, Хушто-Сырт и Думала, мемориальные доски – на месте сел Чилмаз и Губасанты (в настоящее время – поселок Нейтрино). На месте Губасанты также установлен памятник. В 2012 г. был открыт памятник жертвам депортации балкарского народа в Тырныаузе.

На территории современной Чеченской Республики первый памятник, посвященный депортации, появился на окраине Урус-Мартана в 1991 г. На следующий год по инициативе президента Чеченской республики Ичкерия Д. Дудаева был открыт крупный памятник в Грозном, представлявший собой вырвавшую из-под земли металлическую руку с кинжалом, перед которой находился мраморный с позолотой Коран, а вокруг – вайнахские чурты, свезенные из разных районов республики.

Надпись на чеченском языке на одной из окружающих мемориал кирпичных стен гласила: «Не сломимся! Не взрыдаем! Не забудем!» (в переводе на русский язык). Во время боев за Грозный памятник серьезно пострадал. Тем не менее, ежегодно 23 февраля возле памятника в течение нескольких лет продолжали проходить митинги памяти жертв депортации. В 2008 г. мемориал был демонтирован, по официальным разъяснениям руководства республики и города, в связи с переносом на новое место.

В Республике Ингушетии Мемориальный комплекс жертвам репрессий был открыт 23 февраля 1997 г. в селе Насыр-Корт Назрановского района (в настоящее время – Насыр-Кортский городской округ Назрани). Он представлял собой девять традиционных ингушских башен, опоясанных колючей проволокой, символизируя репрессированные народы в СССР. Через 15 лет в честь 20-летия Республики Ингушетия в 2012 г. был открыт существенно обновленный Мемориал памяти и славы. В центре появился памятник уроженцу республики – последнему защитнику Брестской крепости У. Барханову. Рядом – памятник всадникам Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»), в которой добровольно служили ингуши в годы Первой мировой войны. По краям – колоннады с мемориальными плитами, на которых приведены ингушей, имевших государственные награды в период службы в Российской императорской армии, видных революционеров, участников Гражданской войны, просветителей и других деятелей, внесших вклад в создание государственности Ингушетии. В новой концепции мемориала депортация рассматривается как одна из самых важных и трагических вех истории Ингушетии. Но теперь это не только место скорби в связи с нанесенной коллективной травмой, но и место почитания подвигов героев, что подчеркивает планировка парковой зоны.

Мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев в Среднюю Азию в 1943–1957 гг. был открыт в Карачаевске в 2005 г. В апреле 2007 г. на железнодорожных станциях Усть-Джегута и Ураковская были установлены мемориальные доски в честь первых эшелонов с возвращавшимися из ссылки карачаевцами. В отдельных сельских поселениях созданы общие мемориалы в память о погибших в годы депортации и на фронтах Великой Отечественной и других войн. Так, на стеле в Усть-Джегуте высотой 2,5 м выгравированы фамилии и инициалы всех жителей села, погибших в период депортации, в Великой Отечественной и Афганской войнах.

В 2013 г. по инициативе Карачаево-Черкесской региональной общественной организация по содействию защите прав и законных интересов карачаевского народа «Къара-чай-алан халкъ» («Карачай-аланский народ») было принято решение открыть мемориальные камни в память о населенных пунктах в Малокарачаевском, Карачаевском и Зеленчукском районах, которые перестали существовать после депортации. На следующий год был открыт памятник в селе Учкекен Малокарачаевского района. В центре его – бронзовая скульптура женщины с прижавшимися к ней двумя детьми, олицетворяющая образ матери-горянки, перенесшей все невзгоды депортации, но сохранившей свое достоинство и национальный дух, которые сумела передать следующим поколениям.

Приветствуя собравшихся на митинге в честь открытия памятника, председатель Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики А.И. Иванов поздравил их с праздником: «Этот праздник особенный – он возник в результате величайшей трагедии – депортации народа, но народ все-таки вернулся на свою историческую родину, а это действительно большой праздник!» (В Карачаево-Черкесии открыли памятник жертвам депортации карачаевского народа). Эти слова отразили новую важную тенденцию в мемориальной политике – перенос внимания с самой депортации на избавление от нее, на возвращение.

Позже, в начале ноября 2014 г. по обеим сторонам от памятника были установлены 12 мраморных плит, символизирующих населенные пункты района, существовавшие до депортации. На каждой из них высечены данные об их жителях, ушед-

ших на фронт и депортированных. Отдельная плита посвящена карачаевцам из Кисловодска, который в 1943 г. являлся центром Малокарачаевского района.

Еще ранее, в 2007 г. в Кисловодске на проспекте Мира был установлен закладной камень с надписью: «Здесь будет сооружен памятник жертвам геноцида против карачаевского народа в 1943–1956 гг.». Ежегодно в годовщину насильственного переселения карачаевцев на траурные мероприятия сюда собираются представители национальных организаций, духовенства, руководители органов власти и другие почетные гости.

В ряде северокавказских республик проявляется стремление к увековечиванию памяти о Н.С. Хрущеве, с которым связывается реабилитация репрессированных народов. Власти Чеченской Республики даже выразили намерение установить в Грозном и памятник Хрущеву, однако эта идея вызвала неоднозначное отношение жителей республики [Политика памяти в современной России..., 2020: 279–303].

Наряду с этим в последнее время складывается и тенденция к восстановлению памятников И.В. Сталину, нередко вызывающих конфликты. Первое место по количеству памятников И.В. Сталину среди всех регионов России занимает Республика Северная Осетия – Алания (свыше 20), что обычно объясняется его осетинским происхождением. По два памятника находятся в городах Ардон и Беслан, по одному – в городах Владикавказе, Алагире, Дигора, Моздоке, поселках Бекан и Верхний Фиагдон, селах Веселое, Гизель, Даргавс, Кадгарон, Комгарон, Красногор, Кургат, Мизур, Нижняя Саниба, Ногир, Саниба, Чермен, Чикола, Эльхотово, станице Змейской. О четырех памятниках И.В. Сталину известно в Ставропольском крае – городах Зеленокумске и Светлограде, селах Китаевском и Труновском. Три памятника зафиксированы в Краснодарском крае – в городах Белореченске и в Центральном районе города Сочи (здесь это скульптурная группа, посвященная «большой тройке» и включающая, помимо И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля), а также в поселке Октябрьском на территории частного хозяйства.

В 2016 г. был открыт памятник И.В. Сталину в Кабардино-Балкарской Республике в селении Озрек. Еще один стоит в частном доме в селении Герменчик. В 2000-х гг. установлены

памятники И.В. Сталину в Дагестане: в селах Ахты, Новокаякент, Маллакент, Сергокала, Тарумовка, Хив и Чох, а также на частной территории в Дербенте. В то же время установление памятника И.В. Сталину 29 апреля 2021 г. в городе Дагестанские Огни на улице, уже носящей его имя, вызвало резкие протесты. Главным аргументом критиков было то, что при этом оскорбляются чувства чеченцев, ингушей и других представителей депортированных народов. После этого мэр города Д.И. Алирзаев заявил, что бюст установили члены местного отделения КПРФ без согласования с администрацией и местными жителями. Уже 2 мая памятник был демонтирован. Несмотря на это, лидер фракции КПРФ в республиканском парламенте М.Г. Махмудов пообещал, что бюст вернут, когда будут получены все разрешительные документы. Попытки увековечивания И.В. Сталина связываются экспертами главным образом с современными проблемами развития республик, снижением уровня жизни, а также «как запрос на порядок и социальную справедливость, с которыми в коллективной памяти ассоциируется сталинская эпоха» [Чарный].

Заключение

Еще одной группой мемориальных объектов, которые потенциально могут вызывать определенные противоречия, являются памятники, посвященные участникам и жертвам постсоветских конфликтов. Например, в республиках Северной Осетии и Ингушетии в мемориальной сфере закрепляются различные версии событий конфликта в Пригородном районе в 1992 г. с собственными героями и жертвами. Острый характер, особенно в Ингушетии, приобрела проблема увековечивания пропавших без вести, долгое время не находившая отражения в публичном пространстве в целом.

Память об общей истории и культуре, совместно пережитых трагедиях, достижениях и победах позволяет испытывать чувство общности исторической судьбы и является основой для формирования национального и этнического самосознания. Поэтому прошлое выступает важным ресурсом, контроль над которым позволяет мобилизовать общество на решение тех или иных внутри- и, особенно, внешнеполитических задач. Однако

многочисленные мемориальные конфликты, как уже состоявшиеся, так и потенциальные, свидетельствуют о том, что в данной сфере сохраняется определенная основа для политических разногласий.

Достичь согласия в представлениях о многих событиях прошлого все еще не удается. Напротив, обращение к данным событиям часто используется как повод для выражения разногласий отдельных групп и слоев на современном Северном Кавказе, существующих здесь политических и идеологических противоречий. В данной связи немаловажным является привлечение в обязательном порядке представителей научного сообщества при создании мемориальных объектов, связанных с историей и культурой Юга России, с целью как их исторического обоснования, так и изучения возможных политических последствий принятия данных решений.

Список литературы

- Багдасарова Е.* Церемония открытия памятника предводителю черкесов в годы Кавказской войны в Адыгее перенесена. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295136> (дата обращения 7.05.2021). В Карачаево-Черкесии открыли памятник жертвам депортации карачаевского народа. <http://parlament09.ru/node/2230> (дата обращения 13.10.2018).
- Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019. 767 с.
- Дзидзоев В.Д.* От искажений отдельных исторических фактов до фальсификации осетино-ингушских отношений: (исследование конкретного политико-правового казуса): (ответ автору книги «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» В.А. Шнирельману). Владикавказ, 2010.
- Кринко Е.Ф.* История армян юга России: мемориальная версия // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 171–177.
- Кринко Е.Ф.* Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 200–210.
- Кульчик Ю.Г., Адилсултанов А.А.* Чеченцы-аккинцы (ауховцы) и их гражданские формирования. URL: http://www.igpi.ru/bibl/igpi_public/dag_akk/chechen.html (дата обращения 12.04.2019).

- Кушаты О.* Орджоникидзе как символ поверхностной памяти. URL: <http://vestikavkaza.ru/articles/13055.html> (дата обращения 15.06.2017).
- Окунев Д.* «В помощь братьям»: врагов России увековечили в Дагестане // Газета.Ru, 18.12.2018. URL: https://www.gazeta.ru/science/2018/12/18_a_12099043.shtml
- Памятники Ленину. URL: <http://leninstatues.ru> (дата обращения 5.05.2021).
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб., 2020.
- Пользователи Instagram раскритиковали жителей Дагестана за надпись «Сталин» на склоне горы. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349616> (дата обращения: 4.05.2020).
- Полян П.* Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. М., 2016.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
- Хаджич Я.* Война с исторической памятью в Дагестане или как османские солдаты превратились в «защитников свободы России» // Голос Ислама.Ru. 07.01.2019. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=35700>
- Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.
- Чарный С.* Почитание Сталина на Кавказе становится ответом на снижение уровня жизни. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/363585/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 5.05.2021).
- Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
- Юрин А.* Кто ответит: В Адлерском районе снесен памятник «Подвигу русских солдат» // Бдительность. 2020. 12 июля. <http://bditelnost.info/2020/07/12/kto-otvetit-v-adlerskom-rayone-snesyon-pamyatnik-podvigu-russkih-soldat> (дата обращения 6.05.2021).

**ЭТНИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИКО-
УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

М.А. Аствацатурова

Общая постановка проблемы

Постановка проблемы этнических акцентов научного, общественного, информационного дискурса в северокавказском пространстве не теряет своей актуальности и значимости, как в теоретическом, так и в прикладном плане, как, впрочем, он значим и для всего полиэтничного российского общества в контексте государственной национальной политики РФ [Тишков, 2014: 583–600]. При этом стоит отметить, что с учетом проблемно-тематической тесноты общего северокавказского дискурса, перекрещивания и наложения его содержательных сегментов одни и те же субъекты одновременно являются субъектами как информационного и общественного, так и экспертно-аналитического дискурсов, что рельефно проявляется в Северо-Кавказском федеральном округе (далее СКФО). Здесь же отметим, что все содержательные сегменты общего окружного дискурса не только проникают, но и детерминируют общественно-политический и политико-управленческий дискурс СКФО, который при видимой гомогенности имеет особенности контента, распределенные по обществам субъектов РФ СКФО [Российский Кавказ..., 2016].

На протяжении последних 20 лет общественно-политический и политико-управленческий дискурс СКФО, по сути, не меняет своих основополагающих стержней, хотя характер и формы его организации меняются. Здесь стоит отметить, что его характер, как и характер стоящих за ним реальных общественно-политических и политико-управленческих процессов стал инер-

ционным и управляемым, что можно отнести к некоторым позитивам общей стабилизации на Северном Кавказе, которая, в том числе, объясняется снижением общественно-политической активности на общем фоне общественной инерции и даже стагнации.

В то же время очевидная деполитизация этничности, как общая, так и частная, на Северном Кавказе не может рассматриваться как результирующая общественно-политических и политико-управленческих процессов, на наш взгляд, потому, что полной деполитизации этничности достичь невозможно. Этнические сообщества имели, имеют и будут иметь политические интересы, прежде всего потому, что значимые проблемы (земельные, территориальные, статусные, языковые и иные) могут решаться только в сфере политики и политического управления. В этой связи циклическая реполитизация рассматриваемой сферы представляется нам закономерной, хотя и проблемной [Авксентьев, 2020].

Неизменными в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе СКФО остаются этнические акценты. Они обусловлены традиционно значимыми отношениями этнических групп в сфере экономики, собственности, политики, территорий, а также интересов в языковой, культурно-обрядовой, конфессиональной, ментально-этической сферах. Как показывает многолетняя экспертная практика, этническая идентичность и этноидентификационные стратегии остаются во многом определяющими и чувствительными в структурировании общественных и индивидуальных интересов членов северокавказских сообществ, что необходимо учитывать при реализации стратегий и тактик развития региона [Заседание Совета при Президенте РФ, 2019].

С одной стороны, в сообществах СКФО упрочивается идея российской гражданской идентичности (прежде всего, на всех уровнях, общественно-политического и политико-управленческого дискурса СКФО) как идея дальнейшей гражданской консолидации, сплочения перед лицом неблагоприятных внешних и внутренних факторов, а также усиления присутствия федерального центра, вертикализации и персонализации власти в лице Президента РФ. С другой стороны, в сообществах СКФО очевидна выраженная этнотерриториальная, этноконфессиональная, этнополитическая дифференциация, которая сохраняется на базе приоритетов «этнических территорий», этнических интересов, этно-

конфессиональных предпочтений и иных этнодетерминированных проекций группового и индивидуального функционирования.

Многие исследования федерального и регионального уровней отражают снижение градуса межэтнических противоречий, а также некоторую (на наш взгляд, циклично-временную) нейтрализацию «этнических демонстраций». Имея некоторые основания для аналитического оптимизма, укажем, что снижение остроты этнических акцентов общественно-политический и политико-управленческий дискурса СКФО соответствует общим тенденциям сглаживания этой проблематики в общероссийском разрезе. Такие результаты, прежде всего, вызваны исчерпанием на современном этапе радикальной и экстремистской программы в их общественно-массовом выражении, а также общим здравомыслием населения российских регионов, во мнении которого националистические и ксенофобные идеологии во многом себя дезавуировали.

Эти результаты обуславливаются целевой программной деятельностью Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и соответствующих профильных органов власти практически во всех субъектах РФ, в том числе в субъектах РФ СКФО. Также это результаты профилактики и урегулирования конфликтов, которые в сотрудничестве с органами власти и управления проводят национально-культурные автономии, дома и центры национальных культур, советы мира и дружбы, этнические советы как субъекты этнокультурной модели гражданского общества.

Внешние угрозы, антироссийские геополитические вызовы, печальные примеры войн, конфликтов, попыток «цветных революций» по периметру и вблизи границ России побуждают российское общество к гражданскому единству и поиску взаимовыгодных форм межэтнического и межконфессионального сосуществования. Мировая пандемия COVID-19 существенно усугубила состояние социальной защищенности, а также и общее настроение и социальные ожидания граждан России.

Многочисленные внешние и внутренние вызовы и риски в большой степени снижают общественно-политическую активность вообще, и этнополитическую активность, в частности. Российские граждане, населяющие регионы СКФО, ставят про-

блемы межэтнических отношений на последние места в опросах и мониторингах. Это подчеркивалось Президентом РФ В. Путиным на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. При этом глава государства отметил, что *«ключевые ориентиры государственной национальной политики... это укрепление единства народа России, обеспечение межнационального согласия, сбережение этнокультурного и языкового многообразия страны»* [Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям..., 2021].

В настоящих условиях российские граждане выводят на первые места проблемы выживаемости: трудоустройство, инфляция, рост цен и рост безработицы, уровень заработной платы, уровень жизни, общие жизненные перспективы. Межэтнические проблемы отходят на второй и третий планы, уступая место насущным проблемам поддержания жизнеспособности семей, заботы о детях и старшем поколении. Также закономерно, что острые и дестабилизирующие сюжеты этнополитической природы общественно-политического и управленческого дискурса СКФО сменились сюжетами сохранения физического и социального здоровья, противодействия пандемии, а также сюжетами взаимопомощи и гуманитарного добровольчества. Неблагоприятные тенденции способствуют возвышению сообществ над этническими интересами и самопрезентациями. В условиях противостояния реальной угрозе жизни и здоровью общественные активисты, общественные организации и просто активные граждане продемонстрировали способность к объединению, к созданию неэтнических ассоциаций помощи и добровольчества.

В то же время ситуация прямой угрозы вируса, которая проявилась в некоторых субъектах РФ СКФО особенно остро (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), актуализировала в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе СКФО такие проблемы, как дееспособность власти, доверие граждан власти, достоверность антиковидных действий органов власти и органов местного самоуправления. События 2020 г. показали, что в ряде субъектов РФ СКФО (в частности, в Республике Северная Осетия–Алания) власти не смогли предотвратить публичных выступлений про-

тив действий государственных структур. «Антиковидное диссидентство» из сферы личных или групповых воззрений перешло в сферу массовых манифестных выступлений против власти и вынудило силовые и правоохранительные структуры включиться в ситуацию. Также реалии 2020–2021 гг. выявили слабость управленческих и организационных мер по сохранению рабочих мест и профилактике роста безработицы (в частности, в Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике). Неблагоприятные факторы экономики и управления вскрыли и коррупционные схемы в органах региональной власти, которые нанесли урон авторитету регионального управленческого корпуса (в частности, в Ставропольском крае).

Не разворачивая анализ проблемно-тематических новаций общественно-политического дискурса СКФО, вернемся к его этническим акцентам, которые считаем перманентными, имеющими не только устойчивые детерминанты, но и устойчивых носителей и группы спроса. Среди этих акцентов выделим те, которые представляются наиболее острыми, требующими внимания органов власти и управления, как и постоянного интереса экспертов. Их природа и проекции являются системными, многокомпонентными, включающими множество сопутствующих сюжетов – нормативно-правовых, политико-управленческих, статусных, социокультурных и других.

Этнотерриториальный акцент

Проблема малоземелья и спорности территорий является историко-детерминированной на Северном Кавказе и, в данном случае, в СКФО. Особенности природы, ландшафта, климата делают этот регион привлекательным для досуга, отдыха, приключений и творческих порывов, но, однако, существенно затрудняют здесь регулярную и эффективную производственную деятельность, построение прочной экономической и социальной инфраструктуры.

Скудность ресурсов, прежде всего земельных, а также и иных, побуждала население горских районов к весьма сложным и трудоемким жизненным трендам. Среди них: этапные переселения горцев на плоскость, которые организовывались еще в

Российской империи; известное отходничество, к которому прибегали представители северокавказских автохтонов, чтобы в других регионах России заработать средства для решения жизненных проблем (строительство дома, женитьба и др.). Проблема конкуренции в сфере земли (не как средства производства, а как ценнейшей и необходимой Ойкумены происхождения и жизнедеятельности этноса), в сфере территории связана с этнической теснотой, с наложением совместного этногенеза народов, с историческими сюжетами не только взаимодействия, но и конкуренции и конфликтов местных этнических групп. Эти противоречия усиливались внешним вмешательством в ходе многочисленных русско-турецких войн, Кавказской войны, попыток образования на Северном Кавказе имамата как теократического государства, а также последующими многочисленными событиями как позитивной, так и негативной коннотации.

В развертывании исторических, экономических, политических сюжетов неизбежно происходили переделы, разделы, переподчинения территорий, разумеется, без отсылов к мнению населения. Однако стоит подчеркнуть, что с учётом ментальности коренного населения, крайне привязанного к «малой родине», к природным, историко-культурным, мифологическим святыням, которые неизменно увязаны с землей и территорией происхождения, любые массовые перемещения из региона и смещения по территории региона были вынужденными или принудительными. В их числе: мухаджирство по итогам Кавказской войны, перемещения населения в колхозы в период коллективизации, депортации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выезд из региона и массовые перемещения между регионами в ходе распада СССР и постсоветских этнополитических конфликтов.

Проблема малоземелья накладывается на другую проблему, которая также имеет объективные причины. Она формулируется как мозаичный этногенез, чересполосное расселение коренных народов, а также регулярное в разной степени прибытие в регион в разные исторические периоды казачества, русского населения, диаспорных групп, которые ссылались, посылались или приглашались для решения задач военно-политического, экономического освоения региона и включения его в политико-

правовое пространство России. Постепенно на крайне ограниченном территориальном пространстве сложился многоэтничный и многоконфессиональный конгломерат населения, в той или степени укорененный и в разной степени осознающий свое укоренение.

Этнические сообщества коренного северокавказского происхождения сугубо равнодушны к своим историко-территориальным корням, фамильным, клановым, в период территориальным позициям, которые рассматривают в качестве важнейших символов и аргументов в любых противоречиях и инцидентах. Это тем более очевидно, что акции национально-государственного и административно-территориального деления советского периода происходили исключительно «сверху» в рамках вертикальных политико-управленческих доктрин. Нет смысла усматривать лишь жесткий политический цинизм в «ленинской национальной политике», которая взяла за основу развития беспрецедентной советской федерации помимо административно-территориального принципа также и национально-государственный, национально-территориальный, и национально-культурный принципы [Осуществление ленинской национальной политики..., 1970]. Во многом такой подход был оправдан в силу включения в состав Российской империи и далее в состав СССР территорий с исторически закрепленными на них народами. Но нельзя не видеть, что советское национально-государственное строительство породило объединение неродственных в этнолингвистическом отношении народов в бититульных республиках, разделение отдельных народов между несколькими субъектами, замещение одних этнических групп другими, принудительные миграции в регион и из региона. Распад СССР и последующие процессы внутри России, а также внутри региона рождали новые проблемы.

Во многом современные этнотерриториальные и этностапусные инциденты провоцируются непродуманными, либо не обеспеченными профессиональными технологиями решениями власти. Здесь отметим, что федеральное законодательство, как и законодательство субъектов в сфере аграрной экономики, аренды земли, распределения земельных паев во многом не конкретно, далеко не всегда отражает современную ситуацию и совре-

менные потребности сельского населения. Существенные противоречия заложены в нормативно-правовых актах российского и регионального уровней, касающихся земель отгонного животноводства, частного фермерства на горных (альпийских) территориях, а также сохранения природных и историко-культурных комплексов.

Среди этнотерриториальных сюжетов выделим наиболее острые, которые при смягчении характера и формальных проявлений не утратили сложности и провокационного содержания.

Следствия осетино-ингушского конфликта

Симптоматичным и крайне жёстким примером являются осетино-ингушские противоречия 1981 г. и особенно 1992 г. [Цуциев, 1998; Албогачиева, 2012]. Последние события, номинированные в научном, экспертном и политико-управленческом дискурсе как осетино-ингушский конфликт, частично были спровоцированы постановлением Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действия Закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” от 26.04.1991 г. № 1107-1. Данный закон включал ст. 5, которая предусматривала, что *«Восстановление и изменение национально-государственных образований репрессированных народов осуществляются на основе законодательного регулирования межнациональных отношений»*. Стоило изначально предположить, что исполнение статьи о территориальной реабилитации вызовет не только политические, управленческие и организационные трудности, но и жесткое противостояние интересантов территориальных переделов, переподчинение населенных пунктов и возможное вынужденное перемещение населения. Существенным фактором общественно-политического и политико-управленческого дискурса вокруг данной проблемы является сохранение в Конституции Республики Ингушетия ст. 11, которая гласит: *«Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия – важнейшая задача государства»* [Конституция Республики Ингушетия, 1994].

Отметим, что дискурс вокруг самого осетино-ингушского конфликта и его следствий систематически оживляется в периоды памятных дат самого конфликта, а также в День солидарно-

сти борьбы с терроризмом (3 сентября), который в общественном коллективном сознании жителей РСО-А вне зависимости от их этнической принадлежности увязывается с беспрецедентным террористическим актом в сентябре 2004 г. в Бесланской школе. Подчеркнём, что не только террористические вылазки, но и любые прецеденты, касающиеся территорий, подчиненности и названий населенных пунктов и субъектов, а также отмечания народных, религиозных, государственных праздников, отражаются на состоянии осетино-ингушских отношений в самом широком понимании. При этом оживляется «этническая память», взаимные негативные этнические стереотипы, обвинения и недовольства [Ингушетия и Осетия..., 2016].

Некоторая негативная активность общественно-политического и политико-управленческого дискурса вокруг следствий осетино-ингушского конфликта отмечается в связи с принятием Республикой Южной Осетии нового титула – Республика Южная Осетия – Государство Алания. Проблема Аланского наследия в историко-культурном, правовом, политическом и социальном выражении также опосредованно включена в содержание современных осетино-ингушских отношений [Обращение в Администрацию Президента РФ..., 2020]. Это проявилось в обсуждении празднования 1100-летия крещения Алании, указ о чем подписан Президентом РФ В. Путиным в 2017 г., так как непосредственными наследниками алан себя считают не только осетины, но и ингуши, и карачаевцы [Ингуши и балкарцы против..., 2018].

Определенная негативная активность общественно-политического и политико-управленческого дискурса СКФО с особой остротой проявилась в ходе установления местоположения границы между Ингушетией и Чечней в 2018 г. Действия властей практически спровоцировали кризис политического управления в Ингушетии, массовые и организованные протесты ингушского населения, а также и гражданское неповиновение. Непродуманное и не обеспеченное здоровыми организационными технологиями решение об установлении административной границы между республиками и двумя народами вызвало дестабилизацию и обострение этнотерриториальной, этностатусной проблемы по всему СКФО [Призывы о передаче из Чечни в Ставропольский край Наурского и Шелковского р-нов..., 2018].

Состоялась некоторая реанимация опасных аспектов осетино-ингушских отношений и, соответственно, общественно-политического и политико-управленческого дискурса вокруг следствий осетино-ингушского конфликта. Его следствия во многом смягчены самой хронологией, но в то же время являются если не непреодолимыми в обозримой перспективе, то, во всяком случае, крайне сложными для политического и управленческого воздействия.

Состояние черкесского и ногайского вопросов

Явный этнотерриториальный и этностатусный акцент наличествует в дискурсных интерпретациях черкесского и ногайского вопросов среди иных российских национальных вопросов [Кочетков, 2017].

Здесь отметим, что сама категория «национальный вопрос» не рассматривается нами как упрощенный терминологический эвфемизм [Национальный вопрос..., 2013]. Тем более, мы не рассматриваем «национальный вопрос» как вопрос «чисто этнический». Напротив, мы отмечаем, во-первых, его тематическую широту, а, во-вторых, когнитивный ресурс, который призван оживлять соответствующий общественно-политический и политико-управленческий дискурс, что было убедительно подтверждено В. Путиным в известной статье «Россия: национальный вопрос» в 2012 г.

В первом случае представители адыго-абхазских народов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазины – коренной малочисленный народ РФ) осознают проблемы и ущербы, которые нанесены их предкам (а также родственным этническим сообществам – шапсугам, убыхам, бесленеевцам) в ходе Кавказской войны [«Черкесский вопрос»..., 2014]. Здесь отмечались потери населения, вытеснение с территорий этногенеза (по берегам Черного моря на территориях современного Краснодарского края), а также вынужденная эмиграция из Российской империи в Турцию, Сирию и др. Проблема «этнополитического реванша» нагружена крайними требованиями. Среди них – признание современной Российской Федерацией геноцида черкесов (адыгов) в период Кавказской войны и соответственное предоставление

комплексной компенсации черкесам (адыгам) за потери, понесенные в XIX в. Также периодически оживляются идеи объединения черкесов (адыгов) в рамках одного субъекта РФ под эгидой идеи черкесского (адыгского) национального единства [Матвеев, 2011]. Эта идея весьма привлекательна с точки зрения применения коллективных этнических идеологий, но откровенно прозрачна с точки зрения воплощения конкретных организационно-технологических решений.

Отмеченные позиции являются стационарными акцентами общественно-политического и политико-управленческого дискурса черкесского вопроса. При этом зарубежные черкесские организации в том или иной степени принимают участие в его актуализации, вступают в диалог с российскими властями и национально-культурными организациями, а также и с международным сообществом. Содержательные и формальные стержни черкесского вопроса рождают определенные противоречия не только между властями и национально-культурными организациями, но между самими национально-культурными организациями, которые стоят на разных программных платформах – как лояльных, так и оппозиционных власти.

Во втором случае общественно-политический и политико-управленческий дискурс СКФО фиксирует определённый социальный дискомфорт ногайского населения, имеющий выраженные этнотерриториальные акценты. Ногайцы являются коренным народом, в частности, Ставропольского края, имеют близких этнических сородичей в многочисленной тюркской этнолингвистической группе и осознают себя правомочными представителями тюркского мира на Северном Кавказе. Ногайское население проявляет известное и обсуждаемое в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе недовольство, связанное не только с отсутствием соответствующего национально-государственного образования на территории РФ, но и с разделенностью по разным субъектам РФ СКФО, а также с земельными проблемами [Ярлыкапов, 2011]. Ногайский вопрос в рассматриваемом дискурсе оформился как комплекс интересов, проблем, противоречий – экономических, социальных, организационных, управленческих, которые очевидны в муниципальных образованиях, где сосредоточено ногайское население

[Ногайцы Карачаево-Черкесии, 2019]. В частности, типичными противоречиями отмечены выборы глав муниципальных образований на территориях компактного проживания ногайцев, прежде всего, в Дагестане, где ногайское население хочет видеть в администрациях муниципальных образований своих этнических лидеров.

В качестве политико-управленческой меры, которая была нацелена на нейтрализацию остроты территориального акцента ногайского вопроса, в республиках с компактным проживанием ногайцев (Дагестан, Карачаево-Черкесия) были созданы ногайские муниципальные районы, которые, зачастую, в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе трактуются как национальные, хотя такой единицы национально-территориального деления в современной РФ нет. Общественно-политический и политико-управленческий дискурс фиксирует тяготение ногайцев к этнокультурной и этнополитической консолидации, хотя бы в экстерриториальных объединениях, которые систематически обращают внимание региональных властей субъектов РФ СКФО на проблемы ногайского населения.

Состояние ауховского вопроса

Определенный дестабилизирующий потенциал можно найти и в проблеме восстановления Ауховского района в Республике Дагестан. Данная проблема также является одним из сюжетов общественно-политического и политико-управленческого дискурса СКФО с выраженным этническим акцентом. Стремление к восстановлению Ауховского района (образован в 1943 г.) с чеченским населением на территории Дагестана обусловлено общими процессами реабилитации репрессированных и депортированных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. народов СССР. Эту реабилитацию многие целевые группы считают неполной и незавершенной. Серьезной мотивацией требований чеченцев-аккинцев является то, что территорию их компактного проживания в Дагестане, существовавшая в определенных административно-правовых границах на момент их выселения, не восстановлена. Начиная с 60-х гг. XX в. отмечаются локальные столкновения аварцев, лакцев, чеченцев на почве отстаивания прав на территорию.

Сложность проблемы отражена в документах Республики Дагестан, в частности, в 1991 г. III съезд (по другим сведениям, II) народных депутатов Дагестанской ССР принял решение о восстановлении Ауховского района и переселении лакского населения. Некоторые инициативы властей (оргнабор, ограничения прописки, переселение) создали дополнительные трудности и противоречия, так как не были подкреплены эффективными политико-управленческими практиками и не имели успеха у населения [Адиев, 2016].

При этом мы усматриваем в групповых пожеланиях и устремлениях активистов чеченцев-аккинцев выпуклый этнический акцент, так как многие декларации, которые озвучиваются в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе, имеют этноцентристскую направленность, хотя в основе проблемы лежит также земельный, земельно-статусный вопрос [Туаев, 2020]. Они сводятся к стремлению воссоздать на территории Дагестана муниципальный район «этнического содержания» с сосредоточением чеченцев-аккинцев. Именно компактное проживание в «своем этническом районе», по мнению активистов этой идеи, создаст благоприятные условия социальной эволюции соответствующей этнической группы. В то же время возможная этнотерриториальная консолидация чеченцев-аккинцев с созданием «чеченского этнического района» настоятельно требует расселения населения Дагестана, тем более что данная территориальная единица будет непосредственно граничить с Чечней.

Анализируя общественно-политический и политико-управленческий дискурс ауховского вопроса, стоит отметить, что ряд современных политико-управленческих решений региональных властей Республики Дагестан по своему назначению должны были разрешить ситуацию, однако не имеют желаемого эффекта [Правительство Республики Дагестан..., 2019].

Также территориальная проблема с точки зрения историко-статусной принадлежности территорий, населённых пунктов, природных объектов отражена и в современных процессах самоорганизации казачества, как реестрового, так и общественно-го, чья история также отягощена многими политическими, территориальными ущербами. Территориальный вопрос не столь явно, но, тем не менее, актуализирован в расселении и пополне-

ния диаспор старожильческих, а также новой и новейших волн, которые предпочитают этническую концентрацию на обжитых местах и населенных пунктах, которые в том числе и имеют этническую диаспорную детерминацию. В целом, этнотерриториальный акцент как один из самых значительных и болезненных присутствует в содержании всех этнодетерминированных сюжетов общественно-политического и политико-управленческого дискурса СКФО.

Этноязыковой акцент

Уровень его актуализации повышается с 2018 г. – с внесения поправок в Федеральный закон «*Об образовании в Российской Федерации*», хотя и ранее этноязыковая проблема как проблема сохранения родных языков народов РФ и в данном случае – народов Северного Кавказа – систематически актуализировалась в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе СКФО.

Многие этнические сообщества, как автохтонные, так и диаспорные, в общем плане не удовлетворены состоянием дел в части сохранения, изучения и общих социальных перспектив родных языков. Языковая ситуация отражает многие недочеты реального положения с изучением родных, русского (в том числе, как родного языка) языков, а также и иностранных языков в рамках школьных учебных планов. Многие этнические активисты – представители гуманитарной интеллигенции и экспертного сообщества в республиках РФ СКФО – закономерно выражают существенные сомнения в том, что сделанные поправки создадут должную правовую базу для полноценного сохранения родных языков, в том числе языков коренных малочисленных народов, языков диаспорных групп.

Политический императив федерального центра о добровольности (фактически, необязательности) изучения национальных языков в республиках ставит под сомнение их социальные и политические перспективы и вызывает недоумение и недовольство этнических активистов. Протестные настроения более выражены в тех субъектах, где коренное и титульное население не составляет большинства и испытывает беспокойство за судьбу родных языков и культур. Если в Чеченской и Ингушской рес-

публиках практически нет проблем с сохранением чеченского и ингушского языков с учетом их моноэтнического состава и иных социальных характеристик сообществ, то в других республиках такие проблемы очевидны [В Минобрнауки ЧР..., 2017].

Поэтому в Северной Осетии–Алании, Кабардино–Балкарии, Карачаево–Черкесии возникли серьезные протесты против элементов «новой русификации», прежде всего, в среде гуманитарной интеллигенции, ученых-филологов, а также и руководителей национально-культурных организаций. Интересанты общественно-политического дискурса о родных (национальных) языках фиксируют противоречие между правовыми нормами и правоприменением. Так, налицо политико-управленческое и политико-организационное противоречие между статьями Конституции РФ, которые прописывают добровольность изучения языка, выбора языка для каждого гражданина РФ, конституционными нормами республик в составе РФ с существующей общей социальной, образовательной, политической и управленческой практикой. Совершенно очевидно, что если республики зафиксированы в Конституции РФ как государства (в скобках), то их государственные языки, которые они имеют право устанавливать в соответствии с Основным законом страны, своими конституциями и своими законами, должны быть обязательны к изучению, как и русский язык.

Общественно-политический и политико-управленческий дискурс СКФО отражает разноречивость толкования поправки в Конституцию РФ о том, что русский язык, кроме того, что он является государственным языком, является также и языком государствообразующего народа. Трактовка катализовала закономерные разночтения, общественно-политические и общественно-экспертные дискуссии с участием ученых, руководителей национально-культурных организаций, общественных активистов. На наш взгляд, эта поправка при всей ее очевидной идейно-политической направленности и внешней транспарентности косвенно утверждает, что иные народы РФ не являются государствообразующими, что вызывает не только «этнические вопросы», но и «этнические ответы» негативной коннотации. Это более всего может двусмысленно трактоваться теми этническими активистами, которые представ-

ляют интересы титульных народов, имеющих на территории РФ свои национально-государственные образования – республики. Кроме того, в правовой системе РФ не прописана категория государствообразующего народа, что также рождает экспертные разночтения и семантические многовариантности, как позитивные, так и негативные. В отдельных случаях этнические активисты, эксперты, общественники не только стремятся здраво оценивать состояние языковой ситуации, но и консолидируются на позициях «этнолингвистического радикализма».

В условиях нормативно-правовых разночтений в регионах СКФО и в муниципальных образованиях, где функционируют муниципальные школы, важна политико-организационная целесообразность и согласованность действий министерств образования и соответствующих управлений администраций муниципальных образований. Здесь есть потребность во мнении общественно-консультативных советов, а также ученых и методических советов, которые призваны отражать реальную заинтересованность сообществ в такой сложной сфере, как языковые интересы. Повсеместно для смягчения ситуации в субъектах РФ СКФО стали формироваться Центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста» в рамках федерального проекта «Современная школа» нацпроекта «Образование». Также проводятся экспертные сессии и круглые столы с участием гуманитарной интеллигенции, писателей, ученых.

В то же время очевидно, что объективные организационные возможности для изучения родных языков отягощены рядом проблем. К таковым отнесем: определение численности возможных учащихся, желающих изучать родные языки в рамках школьной программы (что особенно сложно сделать в отношении представителей диаспорных сообществ, проживающих концентрированно или рассеянно на тех или иных территориях), согласие родителей несовершеннолетних учащихся, утверждение соответствующих программ, наличие соответствующей учебно-методической литературы и пособий, и, наконец, обеспечение профессиональным учительским и преподавательским корпусом.

Некоторые итоги

Наряду с приведенными соображениями отметим ряд других этнических акцентов, которые очевидны в общественно-политическом и политико-управленческом дискурсе СКФО. Это:

- стремление к позиционированию жителей под консолидирующими этнонимами (устоявшимися или новообразованными) в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. («один народ – одно название»);

- отказ от советской системы этнонимов и топонимов в ходе «этнического переименования» населенных пунктов, улиц и иных объектов;

- стремление учредить новые праздники и памятные даты на основе «этнической памяти» о событиях истории, политики, культуры;

- желание установить и придать «этнический статус» объектам материальной и нематериальной культуры народов;

- стремление расширить номенклатуру продуцентов, потребителей и распространителей этнических акцентов общественно-политического и политико-управленческого дискурса за счет этнических конгрессов, форумов и съездов;

- попытки «примирения» модернизационных общественно-политических и политико-управленческих тенденций с известной архаизацией общественной жизни и группового позиционирования.

Отдельно выделим такую проблему, как перспективы современного российского федерализма и оптимизация вертикальных и горизонтальных отношений при возможных укрупнениях субъектов. В последнее время в общественно-политическом, политико-управленческом дискурсе звучат идеи укрупнения (слияния) субъектов РФ для решения многих проблем: повышение уровня экономического развития, снижение дотационности, развитие социальной инфраструктуры, а также и деэволюция этнократической системы, которая наличествует в республиках РФ СКФО, а также и в иных.

При понимании возможных перспектив решения проблем путем укрупнения субъектов отметим, что мы не видим в этом резерв решения всех проблем. Поэтому с осторожностью и недоверием мы относимся к идеям укрупнения субъектов или к проекту «губернизации» РФ. Напротив, считаем, что сочетание админи-

стративно-территориального и национально-государственного принципов развития РФ придает государственному устройству и национальному строительству гибкость и динамизм. Думается, что на современном этапе особое содержание российского федерализма далеко не исчерпано и имеет ресурсы для позитивной эволюции.

В завершении отметим некоторую устарелость тем, проблем и терминологии; инерционность реакций научного сообщества; низкий коэффициент полезности в плане подготовки конкретных рекомендаций органам власти и управления; слабую ротацию новых научных и экспертных кадров. Кроме того, укажем, что общественно-политический политико-управленческий дискурс в высокой степени находится под контролем со стороны персоналий власти субъектов РФ СКФО.

Список литературы

- Авксентьев В.А.* Риски реполитизации на Северном Кавказе. 2020. URL: <https://www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/VSK-VI/Sbornik/AvksentievVA.pdf> (дата обращения: 1 мая 2021 г.).
- Адиев А.З.* Конфликтный потенциал межэтнических отношений в Республике Дагестан // Ойкумена, 2016. № 3.
- Албогачиева М.* Осетино-ингушский конфликт: причины и последствия трагедии осени 1992 года. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osetino-ingushskiy-konflikt-prichiny-i-posledstviya-tragedii-oseni-1992-goda>. 2012 (дата обращения: 19 апреля 2021 г.).
- В Минобрнауки ЧР обсудили тему преподавания чеченского языка в школах. Чечня сегодня. 9 ноября 2017 г. URL: [www.Chechnya TODAY.com](http://www.ChechnyaTODAY.com) <https://chechnyatoday.com/content/view/308224> (дата обращения: 28 апреля 2021 г.).
- Заседание Совета по межнациональным отношениям. Владимир Путин провёл в Нальчике заседание Совета по межнациональным отношениям. 29 ноября 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).
- Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 31 марта 2021 г. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 25 апреля 2021 г.).
- Ингушетия и Осетия: конфликт без федерального предела // Кавполит, 6.06.2016. URL: http://kavpolit.com/articles/konflikt_bez_federalnogo_predela-26200/ (дата обращения: 1 апреля 2021 г.).

- Конституция Республики Ингушетия. Принята всенародным голосованием 27 февраля 1994 г. Глава первая. Основы конституционного строя. URL: <https://ingushetia.ru/institute/constitution.php> (дата обращения: 30 апреля 2021 г.)
- Ингуши и балкарцы против празднования 1100-летия крещения Алании только в Северной Осетии. URL: <https://onkavkaz.com/news/2134-ingushi-i-karachaevo-balkarcy-protiv-prazdnovanija-1100-letija-kreschenija-alanii-tolko-v-sever.html>. 2018 (дата обращения: 30 марта 2021 г.)
- Косов Г.В.* Некоторые тенденции в информационном обеспечении национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения адыго-абхазских и тюркских народов Северного Кавказа и Крыма // Современная наука и инновации. 2017. № 4. С. 220–231.
- Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М.: ИЭА РАН. 2011.
- Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни. Материалы к слушаниям на тему «Национальный вопрос в общественно-политической жизни России» / Под ред. М.В. Романова, В.В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2013. 168 с.
- Ногайцы Карачаево-Черкесии объединились для защиты своих прав. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/314484/> (дата обращения: 20 апреля 2021 г.).
- Обращение в Администрацию Президента РФ о праздновании 1100-летия крещения Алании. 2020. URL: <http://kkn09.ru/news/580-obraschenie-v-administraciyu-prezidenta-rf-o-prazdnovanii-krescheniya-alanii.html> (дата обращения: 3 апреля 2021 г.)
- Осуществление ленинской национальной политики на Северном Кавказе / Под общ. ред. С. М. Арутюняна. Пятигорск. Ставропольский гос. пед. институт. 1970. 299 с.
- Правительство Республики Дагестан. Постановление от 29 сентября 2017 г. N 223 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановление Ауховского района» (с изменениями на 23 декабря 2019 года) (в ред. Постановлений Правительства Республики Дагестан от 05.03.2019 N 45, от 23.12.2019 N 334). Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346315/> (дата обращения: 30 апреля 2021 г.).
- Призывы о передаче из Чечни в Ставропольский край Наурского и Шелковского р-нов, входивших в состав края до очередного территориального передела на Северном Кавказе в 1944 г. Казаки

- просят присоединить к Ставропольскому краю два района Чечни // Наш город, 23.10.2018. URL: <http://www.nashgorod.ru/news/society/23-10-2018/kazaki-prosyat-prisoedinit-k-stavropolskomu-krayu-dva-rayona-chechni> (дата обращения: 30 апреля 2021 г.).
- Российский Кавказ: территория единства и развития. Международный политологический форум. М.: ФАДН, 2016. 90 с.
- Туаев М.* Операции с землей обострили вопрос восстановления Ауховского района Кавказский Узел. 2020. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346380/> (дата обращения: 28 апреля 2021 г.).
- Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. С. 146–147.
- «Черкесский вопрос». Экспертный доклад. 2014. Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем / Отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН, 2014. 91 с.
- Тишков В.А.* Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации. Избранные публикации. Спецвыпуск 2008–2014. С. 583–600.
- Ярлыкапов:* земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников // Кавказский Узел. 20 декабря 2011 г. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/> (дата обращения: 3 мая 2021).

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б.А. Синанов

Введение

За тридцать лет постсоветского периода отечественная историография обогатилась целым рядом исследований, посвященных различным вопросам проблематики русского населения на Северном Кавказе. Процесс быстрого сокращения русского населения в этнотерриториальных образованиях на юге России обратил на себя внимание исследователей уже в начале 1990-х гг., чего, к сожалению, нельзя сказать о представителях власти и большинства активистов правозащитных организаций, многие из которых и сегодня предпочитают не замечать этой проблемы.

Однако современное русское население Северного Кавказа все чаще рассматривалось в контексте возрождения в конце XX – начале XXI вв. такой социальной группы, как казачество, активно заявившей о своих, не только культурных, но и политических и экономических интересах, а на региональном уровне прямо поставившей вопрос о власти и продемонстрировавшей самые разнообразные формы политической активности. Казачий вопрос на современном этапе развития российского общества является одним из самых острых и неоднозначных. И хотя среди ученых нет единства мнений о природе современного казачества, соотношении в нем этнических, сословных и иных элементов, стоит прислушаться к мнению специалиста в области изучения терского казачества И.Х. Тхамоковой, отмечавшей, что уже в начале XIX в. «этнокультурные границы разделяли не казачество и восточнославянское крестьянство Северного Кавказа, а проходили внутри каждой из этих групп. Казачество отделя-

лось от других групп русского и украинского населения не этнокультурными, а социальными границами, связанными с его сословной принадлежностью» [Тхамокова, 2014: 28]. Таким образом, процесс возрождения казачества, неотделимый от истории его возникновения, роли в историческом прошлом России, является предметом самостоятельных исследований, и частью научных изысканий, посвященных «русскому вопросу» на Северном Кавказе.

Общий анализ научной ситуации

На сегодняшний день можно выделить несколько научно-исследовательских и образовательных центров, в сфере профессионального интереса которых находится современное русское население республик Северного Кавказа, рассматриваемое с позиций этнологии, антропологии, социологии, политологии и истории. Многовековое присутствие славянского элемента, его включенность в этнополитические и этнокультурные процессы в регионе делает данный объект исследования, в том числе, и частью кавказоведческой науки. Ведущие позиции здесь занимают столичные академические институты, в которых сложились признанные кавказоведческие школы и богатые традиции изучения межэтнических отношений в России и за рубежом. Существенный вклад в изучение истории и этнологии русского населения на Северном Кавказе вносят руководители и сотрудники Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) (В.А. Тишков, В.В. Степанов и др.) [Пути мира на Северном Кавказе..., 1999; Российский Кавказ..., 2007; Северный Кавказ в национальной стратегии..., 2008; Межэтнические и конфессиональные отношения..., 2013], многие исследования которых посвящены миграционной подвижности и адаптации русских в зонах позднего расселения, их социально-культурному статусу, формированию мировоззрения, трансформациям в историко-культурном развитии. Такие исследования ИЭА РАН представлены в виде экспертных докладов и связаны с обеспечением практических потребностей российского общества, что является свидетельством актуальности и востребованности этнологической науки для выработки основ управления обществом и государством.

На базе ИЭА РАН и Региональной общественной организации «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» (Сеть этнологического мониторинга) в 2012 г. Минобрнауки совместно с РАН создало Распределенный научный центр межнациональных и религиозных проблем (РНЦ), который охватывает своей деятельностью Северо-Кавказский, Южный и Приволжский федеральные округа. РНЦ осуществляет мониторинг ситуации в южных регионах России, на его основе готовятся аналитические доклады, научные, справочные и методические материалы, содержащие рекомендации, для государственных служащих, политических и общественных деятелей, работников средств массовой информации.

Не менее важным академическим центром, в сфере научного интереса которого находится новейшая история и современное социальное положение русской этнической общности на Северном Кавказе, является Институт российской истории РАН (ИРИ РАН). Автором большинства публикаций по данной теме, вышедших под грифом ИРИ РАН, является известный специалист в области межэтнических отношений доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Бугай [*Бугай, 2011*]. Многолетние изыскания автора также носят не только фундаментальный, но и прикладной характер.

Среди столичных центров социогуманитарного профиля, исследовавших современное русское население в рамках отечественного кавказоведения, следует выделить Российский государственный гуманитарный университет [*Маркедонов, 2007: 120–131*] и Российский институт стратегических исследований [*Атаев, 2013*]. В структуре последнего до недавнего времени действовал сектор кавказских исследований.

С позиции психологии и социологии взаимосвязь восприятия русскими, проживающими на Северном Кавказе, дискриминации и процессов аккультурации, исследуется научными сотрудниками Департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Н.М. Лебедева, З.Х. Лепшокова, В.Н. Галяпина) [*Лепшокова, Лебедева, 2016: 125–138; Галяпина, Лебедева, 2016: 128–141*].

Существенный вклад в разработку проблем русских в системе межэтнических и этноконфессиональных отношений на

Северном Кавказе вносят научно-исследовательские институты и вузы, функционирующие непосредственно в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (ЮФО и СКФО). Их отличает погруженность в региональные этнополитические процессы, что позволяет осуществлять непрерывный мониторинг ситуации, находясь в центре событий. Стоит отметить особую роль в комплексном анализе этносоциальных процессов, протекающих в республиках Северного Кавказа экспертов Южного федерального университета (ЮФУ), образованного в 2006 г. на основе Ростовского государственного университета с включением в его структуру ряда государственных областных вузов. Сотрудниками структурных подразделений ЮФУ – Института истории и международных отношений (Г.С. Денисова и др.) [Денисова, Уланов, 2003] и Института социологии и регионоведения (В.В. Черноус и др.) [Русские на Северном Кавказе..., 2001] – еще в начале 2000-х гг. были осуществлены масштабные исследования социокультурного статуса и перспектив русского населения в национально-государственных образованиях российского Северного Кавказа. С уходом из жизни в 2018 г. В.В. Черноуса, в центре научных интересов которого находились проблемы русского народа и славяноведения, научное сообщество кавказоведов понесло значительную утрату.

Проблемы демографии русского населения на Северном Кавказе в постсоветский период, а также перспективы сохранения русской общности в регионе изучаются в Федеральном исследовательском центре Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН). Основные исследования в этом направлении осуществлялись в Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (С.Я. Суций) [Суций, 2009; Суций, 2017: с. 115–140], который в декабре 2017 г. был объединен в Федеральный исследовательский центр ЮНЦ РАН.

В 2011 г. образован второй федеральный университет на Юге России – Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), который сформирован на базе 11 вузов и филиалов Ставропольского края, прежде всего – Ставропольского государственного университета и Северо-Кавказского технического университета. На сегодняшний день СКФУ является не только образовательным центром, но и центром научной, культурной общественной жизни

региона. На кафедре социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Института математики и естественных наук СКФУ изучаются этнодемографические и этнокультурные процессы, в том числе русского населения, эволюция городского и сельского расселения, миграция и географические проблемы образа жизни (В.С. Белозеров) [Белозеров, 2005].

Важным центром изучения межэтнических и этноконфессиональных отношений является один из ведущих вузов Северного Кавказа, региона Кавказских Минеральных Вод и Ставропольского края – Пятигорский государственный лингвистический университет, переименованный в мае 2016 г. в Пятигорский государственный университет (ПГУ). Здесь сформировался круг авторитетных ученых, как специализирующихся в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений в целом, так и исследующих статус и социальное самочувствие русского населения, миграция которого из республик РФ СКФО все более ощутима (С.В. Передерий, Ю.Ю. Клычников и др.) [Мель, Передерий, 2009: 339–342; Клычников, 2011: 439–442].

С 2006 г. в целях интеграции и координации исследований славянского языкознания, литературоведения, истории, этнографии и фольклористики при Кубанском государственном университете был создан Центр славянских исследований, который в начале 2012 г. был переименован в Научно-образовательный центр (НОЦ) «Северокавказское славяноведение» (сопредседатели Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев). Под эгидой НОЦ ежегодно с 2004 г. издаётся сборник «Мир славян Северного Кавказа» (под редакцией О.В. Матвеева). Основная часть публикаций в сборниках посвящена изучению духовного и исторического наследия кубанских и зарубежных славян, историографии и источникам по их изучению. Представлены в сборниках и авторы, изучающие современную историю русских в регионе.

Непосредственно в национальных республиках Северного Кавказа ведущая роль в изучении судеб и перспектив русского населения принадлежит академическим институтам в Дагестане, Северной Осетии–Алании и Кабардино-Балкарии. В старейшем из них – Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН (СОИГСИ ВНИЦ РАН) – начало исследованию

проблематики современного русского населения в регионе было положено уже в 1990-е гг. (А.Б. Дзадзиев) [Дзадзиев, 1999; Дзадзиев, 2008: 129–146; Дзадзиев, 2005: 62–88] и продолжается по сегодняшний день (З.В. Канукова, Е.В. Федосова, Б.А. Синанов) [Канукова, Федосова, 2011; Синанов, 2015; 223–226; Синанов, 2017: 179–183.].

Одним из наиболее интенсивных темпов оттока русского населения отличается Дагестан. Научное осмысление причин происходящих демографических процессов и выработка возможных путей решения данной проблемы с конца 1990-х гг. осуществляется в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (В.Ф. Алиева, М.-Р.А. Ибрагимов) [Алиева, 2001; Алиева, 2010: 231–251; Егоров, Ибрагимов, 2013: 159–170.], и находит развитие в новых научных работах (М.Ю. Данилюк, О.Б. Халидова) [Данилюк, Халидова, Мишина, 2017: 145–149]. Трансформация этнической идентичности, анализ этнического положения и этнического самочувствия русских Дагестана становятся актуальными направлениями исследований ученых (М.М. Шахбанова, Ю.М. Лысенко, Р.М. Мамараев) [Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2015].

Историко-этнографическое изучение русского населения Кабардино-Балкарии, осуществляется в Институте гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, где, в частности, исследуются роль русского населения в Кабардино-Балкарии и причины его оттока из республики (С.И. Аккиева) [Аккиева, 2013: 9–20], этнокультурные границы, как проходящие внутри восточно-славянских народов – русских, украинцев, казаков, так и разделяющие эти близкородственные народы и группы от кабардинцев и балкарцев (И.Х. Тхамокова) [Тхамокова, 2000; Тхамокова, 2014; Тхамокова, 2016].

Исследования в рассматриваемой сфере ведутся и в высших учебных заведениях республик Северного Кавказа. В рамках этнополитических процессов русские выступали объектами исследований в негосударственном Владикавказском институте управления (Ар.А. Цуциев) [Цуциев, 2005: 152–176; Цуциев, 2006]. Особенности этнического самосознания русских Дагестана, сформировавшиеся в результате многовекового проживания с местными народами в едином геоисторическом пространстве, анализируются

в Дагестанском государственном педагогическом университете (Ж.Т. Гаджимурадова) [*Гаджимурадова*, 2015].

Проанализируем подробнее наиболее значительные исследования по проблемам русского этноса в условиях полиэтничного и поликонфессионального Северокавказского региона в хронологических рамках 1990–2021 гг.

Анализ исследований по проблематике русского населения на Северном Кавказе

Как уже отмечалось, демографические процессы на Северном Кавказе, связанные со стремительным сокращением русского населения обратили на себя внимание исследователей уже в первые постсоветские годы. В контексте этнополитической ситуации в регионе эта проблема нашла свое отражение в целом ряде номеров неперiodического издания ИЭА РАН *«Исследования по прикладной и неотложной этнологии»*. Именно публикацией материалов, посвященных этнополитической ситуации на Северном Кавказе и было положено начало серии в 1990 г. Анализ происходящих этнополитических и этнокультурных процессов с выработкой практических рекомендаций для региональных и федеральных властей был продолжен в последующих публикациях, как обобщающих ситуацию в республиках [*Этнополитическая ситуация... 1993*], так и акцентирующих внимание на каждой из них [*Бабич*, 1993; *Пчелинцева, Самарина*, 1993; *Смирнова*, 1993; *Акжиева*, 1994; *Гостиева, Дзадзиев*, 1994].

Привлечение высококвалифицированных специалистов из регионов, знающих ситуацию «изнутри», позволило детально изучить многие нюансы межэтнических отношений, в том числе, обратиться к изучению истоков проблем русского населения. Так, данная тема нашла свое развитие в одном из разделов независимого экспертного доклада коллектива авторов под редакцией В.А. Тишкова *«Пути мира на Северном Кавказе»*. Автор главы *«Русское население республик Северного Кавказа»* [*Дзадзиев*, 1999] кандидат исторических наук А.Б. Дзадзиев подверг подробному и глубокому этносоциологическому анализу современное положение русских в регионе. Он убежден, что проблема русского населения на Северном Кавказе, особенно в

республиках, «это не только вопрос демографии и миграции, а гораздо более важная и сложная проблема для региона, включающая вопросы обеспечения межэтнического согласия и перспективы дальнейшего развития». Как и другие исследователи, А.Б. Дзадзиев обращает внимание, что процесс сокращения русского этноса начался здесь еще в середине 1970-х гг., но если до начала 1990-х годов сокращение численности русских в республиках Северного Кавказа происходило только за счет их миграционного оттока, то с начала 1990-х годов этот процесс усилился и, характерным для всей Российской Федерации, минусовым показателем их естественного прироста. При этом значительная часть демографических потерь продолжала приходиться именно на миграцию. Так, с 1989 по 1999 годы на долю миграционного оттока пришлось почти 86% сокращения численности русских, а на долю минусового показателя естественного прироста – 14%. Исследуя каждую из республик Северного Кавказа, А.Б. Дзадзиев обращает внимание на плачевное состояние русской общности в Чечне и Ингушетии, характеризуя данную ситуацию как «полный исход» русского населения.

Говоря о положении русских и русскоязычного населения в Чечне, исследователь подчеркивает, что «ни на одной из встреч по урегулированию ситуации в Чечне не шла речь об их судьбе. Не было принято ни одного решения в защиту русского населения в Чечне и защиту прав русских и русскоязычного населения в республиках Северного Кавказа. Не было проведено ни одного парламентского слушания в Госдуме РФ по проблемам русского населения Северного Кавказа, несмотря на неоднократные обращения представителей Терского казачества и Русской общины Чечни» [Дзадзиев, 1999].

Анализируя индексы представленности различных этносов в политической и экономической жизни северокавказского региона А.Б. Дзадзиев опровергает миф о «гегемонизме» русских и «узурпации» ими власти в республиках. Автор приводит неопровержимые данные, что «основная масса русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, была и продолжает быть занята не в сфере управления и “престижных” сферах приложения труда, а в производстве материальных благ, прежде всего в ведущих индустриальных отраслях экономики».

Следует отметить, что изучению проблематики русского населения в республиках Северного Кавказа автор посветил целую серию своих работ, опубликованных в период с 1999 по 2008 годы. Важным результатом исследовательской деятельности А.Б. Дзадзиева можно назвать выделение и характеристика им основных факторов, определяющих миграционный отток русского населения из республик, которые были проанализированы в его последней работе, опубликованной в коллективном труде *«Северный Кавказ в национальной стратегии России»* [Дзадзиев, 2008: 129–146]. К традиционным причинам социально-экономического и политического характера, исследователь добавляет еще девять не менее существенных факторов. К ним он, в первую очередь, относит начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процесс «суверенизации» республик, который усилил напряженность, как между титульными этносами региона, так и между ними с одной стороны, и русскими – с другой. Немаловажным факторами, усиливающими миграционные настояния нетитульных народов, А.Б. Дзадзиев считает: морально-психологический климат, формируемый в этот период общественными организациями титульных этносов и СМИ северокавказских республик; ярко выраженную этническую направленность кадровой политики; слабую работу общественных организаций русского населения республик Северного Кавказа по защите своих интересов и др. [Дзадзиев, 2008: 129–146].

Масштабное исследование «русского вопроса» за два десятилетия новейшей истории России (1990–2010 гг.) было осуществлено профессором Н.Ф. Бугаем в монографии *«Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы – начало XXI века)»* [Бугай, 2011]. Опираясь на накопленный автором богатый материал, анализируется комплекс интенсивных этнополитических процессов, охвативших народы Северного Кавказа в этот период. Н.Ф. Бугай анализирует причины побуждающие русских покинуть Северный Кавказ, «для многих из которых он является родиной в прямом смысле этого слова», и подвергает резкой критике, звучавшие в начале 1990-х гг., обвинения в ответственности исключительно русского народа за все неудачи осуществившихся в стране реформ и социалистических экспериментов.

Отдельное внимание уделено автором значению русского фактора в экономическом и культурном секторе на Северном Кавказе, а также казакам, как составной части русского народа и русского движения на юге России.

Комплексный анализ этносоциальных процессов в северокавказском регионе осуществлен в монографии Г.С. Денисовой и В.П. Уланова *«Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса»* [Денисова, Уланов, 2003]. Авторы рассматривают русское население на Северном Кавказе как активного носителя базовых институтов российской культуры, таких как, государственность, крупных коллективных форм хозяйственной деятельности, идеологии как институционального выражения системы духовных ценностей, важнейшими из которых являются коллективизм, межэтническое сотрудничество, созидательность [Денисова, Уланов, 2003: 254]. В процессе интеграции региона в империю, а затем и в советское государство в поддержании данного статуса русских, в первую очередь, была заинтересована центральная власть. Данное наблюдение позволило авторам выдвинуть гипотезу о «внешней, по отношению к самой русской части населения, заданности ее социокультурных позиций, изменение которых вызвали системные реформы в России» [Денисова, Уланов, 2003: 15]. Таким образом, авторы приходят к выводу, что позиции русского населения в регионе определяются не накалом этнополитических процессов, не открытыми конфликтами, близость которых формирует миграционные установки, и даже не психологическим давлением на эту группу со стороны радикальных идеологов этнонационализма в республиках – эти позиции определяются центром.

Ставя в жесткую зависимость социально-статусные позиции русского населения в стратификационной системе республик Северного Кавказа от действий федерального центра, решение «русского вопроса» в регионе соавторы исследования видят в изменении внутренней политики высшей российской власти.

Большой научно-практический интерес с точки зрения этнодемографии и этногеографии представляет монография профессора В.С. Белозерова *«Этническая карта Северного Кавказа»* [Белозеров, 2005], в которой отражена динамика этнической

структуры юга России, начиная со времен империи, и до наших дней. За этот период автор отмечает смену двух тенденций: на начальном этапе колонизации – «усиление “славянских черт” этнической структуры, или *русификация*, а на современном этапе – усиление “кавказских черт” этнической структуры или *де-русификация*». При этом с точки зрения естественного прироста населения автор называет XX век «для Северного Кавказа триумфальным», так как ни один другой маркорайон России не имел в течение бурного XX столетия столь значительного прироста населения. Соотношение этносов, за счет которых это достигнуто, было разным на разных этапах, но вектор тенденции оставался неизменным [Белозеров, 2005: 9].

За, все усиливающейся, и тревожной тенденцией к этнической гомогенизации республик, по мнению В.С. Белозерова, стоит, как правило, не патологическая вражда, а постоянно возрастающая конкуренция за ставшими вдруг дефицитными рабочие места, за комфортабельное жилье и, по вековой традиции, за некоторые виды сельхозугодий [Белозеров, 2005: 15]. Устойчивый процесс оттока русского населения из национальных республик, происходящий на фоне глубокого экономического кризиса, высокой межэтнической напряженности и продолжающейся на тот период войны в Чечне, нередко поощрялся фактической дискриминацией по этническому принципу.

Рассматривая динамику демографических процессов практически на всем юге России, В.С. Белозеров обращает внимание еще на одну закономерность, актуальную не только на момент проведения исследования, но и в современной ситуации. Данная закономерность выражается в одновременном усилении полиэтничности в равнинном Предкавказье (прежде всего, на юге Ставрополя и в Краснодарском крае, за счет активного расселения титульных народов северокавказских республик и граждан государств Закавказья) и моноэтничности в национальных республиках, сочетающейся с очаговой полиэтничностью там, где их титульные народы проживают совместно (вследствие переселения с гор на равнину, миграции в города и т.д.). [Белозеров, 2005: 283–284].

Среди работ продолжающих исследования этнодемографических процессов и вопросов миграционной динамики народов

Северного Кавказа следует отметить работу *«Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы (модернизационно-трансформационные процессы)»* [Суций, 2009], автором которой является главный научный сотрудник ЮНЦ РАН, доктор философских наук С.Я. Суций. Анализируя социально-демографические процессы сквозь призму модернизации и трансформации в России, автор уже в самом начале своего исследования, обращает внимание на колоссальные демографические потери, являющиеся той ценой, которую заплатила страна за 20 лет реформ. С.Я. Суций констатирует, что «в максимальной степени эти потери пришлись на русских, принявших основной удар системных реформ, и испытывавших максимальное давление со стороны транслируемых с Запада модернизационных ценностей и установок» [Суций, 2009: 19]. И, как справедливо замечает автор, вполне понятно, что подобный сценарий ускоренного естественного вымирания, демонстрируемый на протяжении последних двух десятилетий «русской» Россией, абсолютно неприемлем для северокавказских сообществ.

Естественное демографическое воспроизводство России представляется исследователем «объективной заданностью настоящего времени и всего обозримого будущего». В условиях высокой степени урбанизации российского общества и процессов глобализации, опосредованно стимулирующих малодетность или бездетность семей, С.Я. Суций, с определенной долей условности, обращается к примеру национальных сообществ Северного Кавказа, где культ (культура) семьи, в значительной степени сохраняется, и оказывается уже не столько пережитком прошлого, сколько своеобразным примером для других народов, в процессе своей модернизации перешедших в состояние устойчивой естественной убыли [Суций, 2009: 24].

Анализируя национальную структуру Северного Кавказа в динамике за последние десятилетия автор приходит к выводу, что «почти двухвековой процесс этнокультурной интеграции этого национального макрорегиона в состав России через укоренение в нем русского (и шире – русскоязычного) населения, в целом потерпел неудачу» [Суций, 2009: 75]. Устойчивого славянокавказского общежития в пределах национально-государственных образований не сложилось и русские его интенсивно покидают.

Свой исследовательский интерес С.Я. Суцкий не ограничивает прошлой и текущей ситуацией, особое значение для него имеют наиболее вероятные сценарии эволюции этнической структуры населения республик, поскольку от данной характеристики республиканских сообществ в известной степени зависит устойчивость их социально-экономического развития и способность интегрироваться в жизнедеятельные циклы российского общества.

Попытка оценить возможные изменения численности русского населения республик Северного Кавказа, с использованием метода передвижки возрастов при разных вариантах изменения параметров естественного воспроизводства русских в этом регионе, была предпринята исследователем в статье *«Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века)»* [Суцкий, 2017: 115–140], опубликованной в 2017 г. в журнале «Демографическое обозрение». Рассматривая развитие ситуации с русским населением в каждой из семи республик Северного Кавказа в перспективе до 2030 и 2050 годов, автор констатирует для всех из них один общий неутешительный тренд – сокращение численности русского населения, которое будет происходить по «пессимистическому» или «оптимистическому» сценарию.

По прогнозам автора именно миграция в ближайшие два–три десятилетия сохранится в качестве центрального механизма ускоренного сокращения русского демографического присутствия в республиках региона. При этом, вовлечение в миграционный отток молодых людей в возрасте 20–40 лет способствует старению остающегося русского населения, которое к середине века на 30–40% будет представлено людьми пенсионного возраста, и «тем самым оно вступит в период интенсивного, а спустя еще некоторое время, возможно, и обвального своего сокращения» [Суцкий, 2017: 135]. Таким образом, если по переписи населения 2010 г. в республиках Северного Кавказа насчитывалось 895 тыс. русских (а по оценке автора 855 тыс.), то в зависимости от того или иного демографического сценария к 2030 г. их количество может сократиться от 780 тыс. до 690 тыс., а к 2050 г. численность оставшегося русского населения будет варьироваться в диапазоне от 700 тыс. до 490 тыс. человек [Суцкий, 2017: 136].

В последние годы в республиках Северного Кавказа наметился переход от этнографического описания отдельных титульных народов к изучению, роли, статуса, социальных перспектив и социального самочувствия всех его групп, в том числе и русского населения.

Особого внимания в этой связи заслуживают работы И.Х. Тхамоковой, которая за период с 2000 по 2016 г. опубликовала четыре монографии, посвящённые различным аспектам истории и культуры русского и украинского населения в Кабардино-Балкарии, три из которых хронологически относятся к исследуемому нами периоду. В наиболее ранней из них – **«Русское и украинское население Кабардино-Балкарии»** [Тхамокова, 2000] – на богатом этнографическом материале рассматривается традиционная и современная культура восточнославянского населения республики со второй половины XVIII в. и до начала XXI в. Автор обращает внимание на процессы консолидации русского и украинского населения, как казачества так и крестьянства, наблюдавшиеся на протяжении всего XIX – начала XX столетия.

Тема эволюции этнокультурных границ, проходящих как внутри восточно-славянских народов – русских, украинцев, казаков, так и разделяющих эти близкородственные народы и группы от кабардинцев и балкарцев, нашла свое продолжение в исследовании **«Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ»** [Тхамокова, 2014]. В своей работе автор приходит к выводу, что, несмотря на, многовековой процесс совместной жизнедеятельности, приобщения титульных этносов к русскому языку, а в некоторых случаях и принятие христианства, не повлияли на этнокультурную границу, разделяющую русское население с кабардинцами и балкарцами [Тхамокова, 2014: 129–130]. Отдельное внимание автором уделено этнокультурным границам в условиях мобилизации этничности и процессов глобализация конца XX – начала XXI вв. Именно в этот период республику начинает покидать русское население. Резкий спад в экономике в сочетании с нестабильной политической ситуацией на Северном Кавказе заставили часть русского населения покинуть Кабардино-Балкарию. Отток русского населения из республики продолжа-

ется и в XXI в. Особенно сильны миграционные настроения у молодежи [Тхамокова, 2014: 118].

Изучению антропологии семьи и семейной обрядности, в том числе в XX – начале XXI в., посвящена третья монография И.Х. Тхамоковой *«Семья и семейная обрядность русского населения Кабардино-Балкарии: традиции и современность»* [Тхамокова, 2016]. Проводя сравнительный анализ семьи и семейной обрядности русского населения республики, с одной стороны, и кабардинцев и балкарцев – с другой, автор отмечает, что между ними существуют значительные различия, касающиеся размера семьи, внутрисемейных отношений, обрядности. Средний размер семьи у кабардинцев и балкарцев больше, уровень рождаемости выше, разводов относительно меньше [Тхамокова, 2016: 139].

Проблеме трансформации этнической идентичности, анализу этнического положения и этнического самочувствия, специфике межэтнического поведения русского населения Республики Дагестан посвящена монография М.М. Шахбановой, Ю.М. Лысенко, Р.М. Мамараева *«Дагестанские русские: историко-социологическое исследование»* [Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2015]. Именно на территории современного Дагестана, в низовьях Терека, также как и в его среднем течении – на равнине современной Чеченской Республики, появляются наиболее ранние поселения гребенских и низовых казаков, составивших основу будущего Терского казачества. И именно Дагестан на сегодняшний день является одним из лидеров по темпам оттока русского населения, доля которого в этнической структуре республики на сегодняшний день не превышает 3,6%. Комплексный междисциплинарный подход, использование различных методик социологического исследования позволил авторам осуществить диагностику межэтнической напряженности и межэтнической ситуации в районах проживания русского населения, установить факторы усиления/ослабления межэтнической напряженности, выявить специфику межэтнического поведения дагестанских русских, определить доминирующие типы этнической идентичности.

В монографии З.В. Кануковой и Е.В. Федосовой *«Этнокультурное пространство Северной Осетии»* [Канукова, Фе-

досова, 2011] анализируется история формирования и современное состояние наиболее многочисленных этносов Северной Осетии, в том числе русских и украинцев. Значительную часть работы составляют индивидуальные истории и воспоминания представителей разных этнических групп. Подобные материалы «из первых уст» уже сами по себе могут являться источником для дальнейших исследований. В кругу научного анализа авторов монографии находится и изучение миграционного потенциала Северной Осетии, в который, по заключению авторов, вовлечены представители практически всех этнических групп, проживающих в республике [*Канукова, Федосова, 2011: 280*].

Выводы

Таким образом, отток представителей русского и иного нетитульного населения, изменение этнического состава республик юга России в сторону их гомогенизации привлекли внимание исследователей уже в начале 1990-х гг. Однако в это время русское население рассматривается в контексте общих этнополитических и этнокультурных процессов в республиках юга России. Только на рубеже 1990-х – 2000-х гг. появляются первые исследования, представленные большей частью в виде отдельных статей или глав в коллективных монографиях, авторы которых интересуются, прежде всего, положением русского населения и связанными с ним миграционными процессами.

В начале 2000-х и в последующие годы внимание ученых продолжает привлекать вопрос о причинах, побуждающих русских и представителей других нетитульных этносов покидать республики Северного Кавказа. В этот период появляется ряд историко-социологических исследований, посвященных динамике численности, анализу трансформации социокультурного статуса и перспективам русского населения в регионе. В работах последних лет данные темы продолжают оставаться актуальными, и в то же время они дополняются новым комплексом вопросов связанных с этнической и религиозной идентичностью, взаимосвязью восприятия русскими дискриминации и процессов аккультурации, а также демографической динамикой русского населения республик Северного Кавказа в среднесрочной и более отдаленной перспективе.

Следует отметить, что при довольно развитой географии исследовательских центров, широкому тематическому полю исследований, охватывающему разные направления отечественной социо-гуманитарной науки, следует констатировать отсутствие комплексных исследований, отражающих весь спектр проблем современного русского населения на Северном Кавказе. В количественном отношении специальных работ по данной теме не так много и представлены они, как правило, статьями, либо разделами в монографиях.

Сильной стороной большинства работ анализируемого нами периода является наличие практических рекомендаций по стабилизации положения русского населения на Северном Кавказе. Между тем, можно заключить, что «русский вопрос» представляет собой один из составных элементов широкого проблемного комплекса, решение которого возможно только в результате успешной реализации проекта системной трансформации Северного Кавказа, включающей модернизацию его политической, социально-экономической, культурной жизни, которая в свою очередь предполагает соответствующие изменения социальных реалий всей России.

Список литературы

- Акжиева С.И.* Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // Белые пятна российской и мировой истории, 2013, № 5–6.
- Акжиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1994, № 68.
- Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана (этнодемографический портрет) // Вестник Российской нации, 2010, № 1–2.
- Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана. Причины оттока и пути стабилизации процесса. Махачкала, Издательство ДНЦ РАН, 2001.
- Атаев А.В.* Статус и перспективы русского населения на Северном Кавказе. Москва. Доступ: http://moskvam.ru/publications/publication_964.html (дата обращения 24.07.18).
- Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1993, № 45.
- Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. Москва, ОГИ, 2005.

- Бугай Н.Ф.* Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы – начало XXI века). Москва, Гриф и К, 2011.
- Гаджимурадова Ж.Т.* Феноменология этнического самосознания русских в контексте исторического взаимодействия с традиционными народами Дагестана. автореферат дис. ... кандидата психологических наук / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2015.
- Галяпина В.Н., Лебедева Н.М.* Роль идентичности в межэтнических отношениях русских и осетин в Республике Северная Осетия – Алания (межпоколенный анализ) // *Общественные науки и современность*, 2016, № 5.
- Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1994, № 76.
- Данилюк М.Ю., Халидова О.Б., Мишина Н.В.* Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2017, № 1.
- Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.
- Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.
- Дзадзиев А.Б.* Русское население республик Северного Кавказа // Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков. Москва, 1999. // Валерий Тишков: [сайт]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira/_ruskoe_na.html (дата обращения: 21.06.2018)
- Дзадзиев А.Б.* Русское население республик Северного Кавказа // *Вестник Института цивилизации*, 2005, № 6.
- Дзадзиев А.Б.* Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // *Северный Кавказ в национальной стратегии России* / Под ред. В.А. Тишкова. Москва, ФГНУ Росинформагротех, 2008.
- Егоров В.К., Ибрагимов М.Р.А.* Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // *Федерализм*, 2013, № 2.
- Канукова З.В., Федосова Е.В.* Этнокультурное пространство Северной Осетии. Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2011.
- Клычников Ю.Ю.* Современные политические процессы на Северном Кавказе: конфликтологические факторы // *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2011, № 4.

- Летишкова З.Х., Лебедева Н.М.* Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей) // *Общественные науки и современность*, 2016, № 6.
- Маркедонов С.М.* «Русский вопрос» в северокавказском измерении // *Свободная мысль*, 2007, № 9.
- Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. Москва, ИЭА РАН, Ставрополь, Изд-во СКФУ, 2013.
- Мель Н.А., Передерий С.В.* «Русский вопрос» в национальных республиках Северного Кавказа // *Вестник ПЛГУ*, 2009, № 4.
- Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков. Москва, 1999. // Валерий Тишков: [сайт]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_russkoe_na.html (дата обращения: 21.06.2018);
- Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1993, № 47.
- Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. Москва, Росинформагротех, 2007.
- Русские на Северном Кавказе: вызовы 21 века / отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону, Издательство СКНЦ ВШ, 2001.
- Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. Москва, ФГНУ Росинформагротех, 2008.
- Синанов Б.А.* Конфессиональный фактор в этнической идентичности русского населения Северной Осетии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2017, № 1 (75).
- Синанов Б.А.* Русские в этносоциальной структуре Северной Осетии (1920–2010 гг.) // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*, 2015, № 14.
- Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкессия: этнополитическая и этнокультурная ситуация. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1993, № 48.
- Суций С.Я.* Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы (модернизационно-трансформационные процессы). Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
- Суций С.Я.* Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // *Демографическое обозрение*, 2017, т. 4, № 3.
- Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, Издательский центр Эль-Фа, 2000.

- Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, Издательский отдел КБИГИ, 2014.
- Тхамокова И.Х.* Семья и семейная обрядность русского населения Кабардино-Балкарии: традиции и современность. Нальчик, Издательский отдел КБИГИ, 2016.
- Цуциев А.А.* Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов// Дружба народов, 2005, № 10.
- Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). Москва, Европа, 2006.
- Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамраев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала, 2015.
- Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе / ред. группа: В.А. Тишков, И.Г. Косиков, Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартынова. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1993, № 49.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЕЕ НАРОДОВ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ И ПОСОБИЯХ СКФО И ЮФО

В.В. Трепавлов

Очевидно, начиная с самых первых опытов преподавания отечественной истории, в школьных учебных курсах закрепился русоцентризм – повышенное внимание к прошлому только русских, их социальной организации и духовной жизни – в ущерб многонациональному компоненту российской цивилизации. Этапы и особенности развития русского народа и его восточнославянских предков находились и продолжают находиться в центре изложения истории России в федеральных учебниках. Это оказалось следствием не только объективного численного и культурного доминирования русских в стране, но и определенной идеологической ситуации. «Святая Русь» изначально изображалась как крепость, осаждаемая разномастными врагами – «погаными», «басурманами», «псами-рыцарями» и т. п. Соседи Древней Руси и Московского царства, как правило, преподносились в качестве противников, а борьба с ними и последующее присоединение некоторых из них представало как неприятное и досадное препятствие на пути православной монархии к славе и величию.

Каждое из присоединенных к России государств было в военном отношении слабее ее. Поэтому экспансия XVI–XIX вв., особенно в восточном и южном направлениях, велась под лозунгами не только принятия подданства могущественному и справедливому «белому царю», но и славы русского оружия. В официальной пропаганде, адресованной «иногородцам», российская монархия обретала облик неодолимой силы, собирательницы и защитницы народов. При этом официоз не допускал мысли о каком-либо историческом равноправии уничтоженных государств с Россией. Различные теории «освоения Сибири» (осво-

енной местным населением за тысячи лет до Ермака), «покорения Кавказа», «наименьшего зла» и т. п. оправдывали итоги территориального расширения и завоеваний. Соответствующая обработка велась и посредством просвещения, школьного образования, в том числе в национальных регионах. Естественно, что деятелей эпохи экспансии (Ермака, Ермолова, Скобелева, Суворова и прочих) следовало считать героическими личностями, кузнецами славы и мощи России, а их противники трактовались в довольно зловещем виде и находились на задворках официальной пропаганды и державной идеологии.

В школьных курсах отечественной истории советского времени наблюдалась определенная дозировка в освещении национальных регионов. Особые темы посвящались Закавказью, Средней Азии и Украине. Собственно же российские регионы почти не вызвали интереса у авторов. На страницах современных школьных и вузовских учебников федерального уровня народы Поволжья, Северного Кавказа и Сибири также появляются, как правило, лишь при описании присоединения соответствующих регионов к России – после чего вновь исчезают из повествования.

Сравнительно недавно, начиная с середины 1990-х годов, стали издаваться учебники по истории отдельных российских республик. Они писались специалистами, которые сформировались как профессионалы в условиях советского времени с его неизбежными идеологическими штампами и методологическими установками. Для таких авторов оказалось сложно по-новому, без прежних ограничений, осмысливать явления прошлого. Зачастую предпринималась простая операция замены «плюса» на «минус» при оценке событий и исторических деятелей. Кроме того, недоставало мастерства излагать свои мысли языком, доступным для школьников. Во многом эти особенности авторских коллективов сказываются и в наше время, через 30 лет после распада СССР. Появляются тексты, содержащие устаревшие идеологизированные клише типа «царизм», «трудящиеся массы», «классовая борьба», «феодалная верхушка» и т.п. Встречаются даже ссылки на К. Маркса – видимо, как по-прежнему «неоспоримого авторитета», в том числе при оценке событий кавказской истории (например, его характеристики храбрости черкесов в одном из

адыгейских учебников, оценка Марксом политики Российской империи на Кавказе в кубанском учебнике).

На объективные «родимые пятна» советской эпохи накладывается нерешенность многих принципиальных вопросов региональной истории, в том числе истории народов Северного Кавказа. Трактовки событий в работах современных исследователей во многом зависят, с одной стороны, от официальной правительственной политики и, с другой стороны, от прессинга СМИ. Для немалого числа историков Кавказского региона в разной степени характерны культивирование этновеличия, демонстрация самобытности и исторической значимости своих народов. Иногда это достигается с помощью целенаправленного формирования негативного образа России в качестве державы, некогда «поработившей» и затем «угнетавшей» присоединенные регионы. Еще в большей степени обвинения в адрес «России-завоевательницы» звучат со стороны публицистов и общественных деятелей. Наиболее ярким примером «агрессивности» России представляется им Кавказская война XIX в.

Чеченские радикалы в 1990-ых годах настаивали на признании непрерывного 400-летнего русско-чеченского военного противостояния. Активисты адыгских общественных организаций в последние годы пытаются поставить (вплоть до международного уровня) вопрос о «геноциде» адыгов во время Кавказской войны. Данная проблема обострилась в преддверии Сочинской Олимпиады 2014 г. (как известно, город Сочи находится на исторической территории западно-адыгских этно-локальных групп). Российская сторона объявляется виновницей массовой эмиграции народов Северного Кавказа (так называемого мухаджирства), что также преподносится как одно из проявлений «геноцида». Подобные подходы к интерпретации исторических событий, как правило, имеют конъюнктурную направленность и приурочены к конкретным политическим ситуациям.

Многие авторы учебников в этом регионе предпочитают уходить от подобных идеологически острых тем, фактически замалчивая их. Однако при этом в учебниках по истории отдельных республик явно просматривается стремление завышать степень социального и политического развития народа данной республики (как правило, титульного), преувеличивать его

культурные достижения с древних времен. При этом другие народы, проживающие на территории этого (всегда полиэтничного) северокавказского субъекта Федерации, оказываются в тени народа – главного предмета описания. Там же, где в одном учебнике пытаются излагать историю нескольких народов одной республики, присутствуют взаимоисключающие мнения. То же наблюдается при сравнении учебных текстов по истории соседствующих народов (т.е. из разных республик). В свое время на это обратил внимание полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском ФО (в 2010–2014 гг.) А.Г. Хлопонин: «Доходит до того, что в учебниках 5-го класса в одной республике говорится одно, в другой республике – другое, а в третьей вообще утверждается о геноциде народа со стороны русских» [<https://www.interfax.ru/russia/162238>].

Так, в учебном пособии «История Кабардино-Балкарии», написанном кабардинскими и балкарскими авторами и изданном в 1995 г., в одной главе скифы названы иранцами, а создание майкопской археологической культуры приписывается предкам кабардинцев, но в другой главе эта же культура отождествляется с тюрками, как объявляется тюркским и вообще все степное население, начиная с эпохи раннего бронзового века [История..., 1995].

То же с древними ираноязычными (по мнению большинства ученых) народами скифов и алан. В осетинских учебниках они предстают как великие предки – могущественные завоеватели и носители цивилизации. В чеченском же учебнике для средних школ иранцы, напротив, представлены в виде диких кочевников, веками посягавших на независимость горских народов и нарушавших мир на Северном Кавказе [Ахмадов, Багаев, Ерещенко, 1991]. В ингушском учебнике аланы тракуются как предки именно ингушей [Кодзоев, 2002], а осетины, таким образом, полностью лишаются своего исторического наследия.

Так называемая Историческая Адыгея авторами соответствующего учебника некорректно отождествляется с территорией современного Краснодарского края. По мнению авторов, этот регион, населенный адыгами и их предками, всегда являлся «культурным центром Западного Кавказа, а часто политическим и религиозным». В Исторической Адыгее расцвела якобы

наиболее развитая культура раннего бронзового века – вышеупомянутая майкопская; там обнаружена плита с древнейшей надписью; именно из преданий предков адыгов греки-ахейцы заимствовали мифы о Прометее, аргонавтах и т.п. [*Ловпаче, Паниш, Чич, 2002*].

К числу «вечных» тем полемики в историографии и публицистике относится оценка обстоятельств окончательного присоединения Северного Кавказа к России в ходе Кавказской войны. Ее картина, представленная на страницах большинства региональных учебников, далека от объективности¹. Она однобока и, как правило, чрезвычайно прямолинейна. Авторы не находят полутонов для того, чтобы описать противостояние между горцами и российской армией, остаются за рамками повествования мирные формы интеграции. Это при том, что региональные учебники призваны восполнить пробелы в исторических знаниях, которые возникают при чтении федеральных учебников, в которых такому знаковому событию, как Кавказская война, уделяется крайне незначительное место.

Полярность оценок тех событий во многом связана с тем, что историками до сих пор не достигнут консенсус в трактовке отдельных сюжетов, героев и антигероев той войны. Историография войны чрезвычайно политизирована и мифологизирована: одним в войне видится бесконечная «национально-освободительная», «антифеодальная» и «антиколониальная» борьба, направленная против абстрактного «царизма», другие склонны безоглядно героизировать отдельных ее участников и их поступки, называя теократическое государство Шамиля «демократическим» и «интернациональным».

Для каждого региона характерны свои акценты и выбор доминирующих событий Кавказской войны. Для Дагестана это создание Имамата в нагорном Дагестане и Чечне, для Северо-Западного Кавказа – переселение адыгов в Османскую империю, для Ингушетии – крестьянское «Назрановское возмущение»

¹ Анализ содержания школьных учебников Северо-Кавказского региона относительно освещения Кавказской войны приводится в работах С.Б. Маньшева [*Маньшев, 2019а; Маньшев, 2019б; Маньшев, 2020*], материалы которого использованы при написании настоящей статьи.

1858 г. и т.п. (см., например: [Гаджиев, Шигабудинов, 1993; Чирг, Емтыль, 2002; Долгиева, Дзуматова, Агиева, 2018]).

На протяжении многих страниц учебников ведется повествование о походах и сражениях. У школьника создается впечатление, будто в течение полувека непрерывно шли боевые действия. Однако почти не говорится о мирных контактах между горцами и российскими войсками, не находится места строительству дорог, налаженной торговле, учреждению меновых дворов...

При этом авторы, следуя наезженной советской схеме, отделяют деспотичный и агрессивный «царизм» от исключительно прогрессивного «русского народа». А в основе наступательной политики России на Северном Кавказе лежало, дескать, стремление к захвату новых земель с целью «расширения сферы феодальной эксплуатации».

Более сложную картину генезиса войны предлагают для изучения школьникам Ставрополья. Наиболее важной ее причиной здесь называют геополитическую, так как Кавказ оказался в зоне интересов соседствующих держав – России, Турции и Персии. Кавказская война оказывается вписанной в общий контекст русско-турецких и русско-персидских войн первой трети XIX века. При этом подчеркивается, что намерения империи по прекращению работорговли и набегов горцев, а также кампания по переселению местных народов в Турцию, вызывали их недовольство, что также послужило катализатором войны.

Кроме того, учащимся Ставропольского и Краснодарского краев предлагаются особые курсы по истории казачества. При большей объективности в ходе освещения политики России на Юге, некоторые спорные моменты присутствуют и в этих учебных пособиях. Как и в текстах национальных республик, авторы умалчивают о мирных формах взаимодействия казаков и горцев. Отвага и боевая удаля казаков смакуются подробно и с удовольствием, однако небоевой компонент истории отсутствует абсолютно.

В отношении истории XX века региональные авторы в целом следуют схемам, предлагаемым в федеральных учебниках. Конечно, особняком здесь выделяется коллективная травма нескольких народов – сталинские депортации 40-х годов. В целом, материал излагается взвешенно, при описании постсоветского периода находится место отражению негативных социальных

явлений – падению жизненного уровня населения, безработице, неконтролируемой миграции, нарастанию экстремистских настроений в религиозной сфере и противодействию влиянию исламского фундаментализма.

При всех издержках, присущих региональным учебникам, именно они главным образом выполняют ответственную задачу по формированию у школьников осознания истории России как истории населяющих ее народов. В целом, следует отметить, что учебники «национальных» регионов юга России отличаются этноцентричностью. В учебных же текстах «русских» регионов (Ставрополья и Кубани) наблюдается большая объективность при изложении материала.

Список литературы

- Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ереценко Г.А.* Рассказы по истории родного края. Учебное пособие для учащихся 6 класса. Грозный, 1991.
- Гаджиев В.Г., Шигабуудинов М.Ш.* История Дагестана для 9 класса. Учебное пособие. Махачкала, 1993.
- Долгиева М.Б., Дзуматова З.Р., Агиева Л.Т. и др.* История Ингушетии. 7–9 классы. Учебное пособие для общеобразовательных организаций. Ч. 2. М., 2018.
- История Кабардино-Балкарии. Учеб. пособие для сред. шк. / Под общ. ред. Т.Х. Кумыкова, И.М. Мизиева. Нальчик, 1995.
- Кодзоев Н.Д.* История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 7–9 классов общеобразовательных школ. Магас, 2002.
- Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П.* История Адыгеи с древнейших времен до конца XV в. Учебник для 6-го класса. Майкоп, 2002.
- Маньшиев С.Б.* Национально-региональный компонент исторического образования: основные тенденции и проблемы преподавания в Республике Дагестан // Преподавание истории в школе. 2019. № 7. Т. 1.
- Маньшиев С.Б.* Кавказская война сквозь призму региональных учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 2. М.; СПб., 2019.
- Маньшиев С.Б.* Кавказская война сквозь призму «казачьих» учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 3. М.; СПб., 2020.
- Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х.* История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. Майкоп, 2002.

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В МЕМОРИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ПОИСК ИСТОРИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ
И НАРРАТИВНЫХ ГРАНИЦ**

А.Т. Урушадзе

Введение

Кавказская война занимает центральное место в истории народов Северного Кавказа. Этот военный конфликт не имеет четких хронологических границ и с различной интенсивностью продолжался большую часть XIX в.¹ Именно этому периоду посвящены многочисленные труды как классиков исторического кавказоведения [*Дубровин*, 1871–1888. Т. I–VIII; *Потто*, 1887–1889. Т. I–V; *Эсадзе*, 1907. Т. I–II; *Киняпина*, *Блиев*, *Дегоев*, 1984], так и современных исследователей [*Лапин*, 2008; *Айрапетов*, *Волхонский*, *Муханов*, 2016; *Россия и народы Северного Кавказа*, 2018]. Но Кавказская война по-прежнему не имеет конвенциональной нарративной интерпретации, различные репрезентации ее истории вызывали и продолжают вызывать «войны историографий» [*Олейников*, 2001] и «войны памяти» [*Шнирельман*, 2003]. При этом в современном российском мемориальном пространстве Кавказская война локализована южнороссийским макрорегионом, за пределы которого память о ней не проникает. В российских столицах почти ничего не напоминает о войне, которая началась при Александре I, продолжалась все царствование Николая I (1825–1855) и была завершена только царем-реформатором Александром II в 1864 г.

¹ Номинация «Кавказская война» была предложена военным публицистом Р.А. Фадеевым в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» (Тифлис, 1860). Р.А. Фадеев относил начало войны к вхождению в состав Российского государства Восточной Грузии, которое было оформлено Манифестом императора Александра I 12 сентября 1801 года.

В предлагаемой работе будет показано, что на современном этапе заметен дефицит внятного нарратива о Кавказской войне. При этом, речь идет как об исследовательском осмыслении проблемы, так и о сфере публичной истории. Академическое сообщество пока не предложило нового аналитического языка описания разнородных и противоречивых событий Кавказской войны. В постсоветское время это привело к «кавказской войне историографий», а на современном этапе к возрождению советской концепции «добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства» и маргинализации истории Кавказской войны.

Кавказская война в историографических оценках и мемориальном ландшафте Российской империи и СССР

Российская империя создала впечатляющий мемориальный ландшафт Кавказской войны, который показывал завоевание региона как триумф государства Романовых, воспевал подвиги солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. Кавказской армии). Наиболее значительным «местом памяти» о Кавказской войне в дореволюционное время являлся Тифлисский Александро-Невский военный собор, расположенный на Гунибской площади Тифлиса (ныне – Тбилиси, столица Грузии). Храм был заложен в апреле 1871 г. и торжественно освящен в день 33-й годовщины окончания Кавказской войны – 21 мая 1897 года. Тифлисский Александро-Невский военный собор наряду со многими памятниками российским администраторам и полководцам времен Кавказской войны был разрушен советской властью.

В 1920-е – 1930-е гг. Кавказская война рассматривалась советской исторической наукой как антиколониальное движение горцев Северного Кавказа против экспансии российского царизма. Горцы выступали в качестве «союзников европейской революции» [Дегоев, 2003: 263]. Соответственно имперская армия и администрация являлись жестокими колонизаторами, экспансия которых была нацелена на политическое подчинение и социально-экономическую эксплуатацию населения Кавказа. Памятник первому кавказскому наместнику М.С. Воронцову (1844–1853), установленный в 1867 г., разрушили в 1922 г., ранее

«жертвой» борьбы с монументами в честь «царских слуг» стал памятник генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову в Темир-Хан-Шуре (ныне – Буйнакск) [Ткаченко, 2017: 300–301]. Эту же участь разделили и многие другие памятники имперской эпохи.

Символический вакуум заполнялся культом имама Шамиля – защитника слабых и угнетенных. В соответствии с раннесоветскими историческими интерпретациями беднейшие горцы сплотились под его предводительством для отпора пришлым колонизаторам и местным феодалам. Кавказская война стала историей сплочения трудящихся, которые боролись за свое политическое, социальное и культурное освобождение. Шамиль и его движение рассматривались как историческая аналогия Джузеппе Гарибальди и Рисорджименто.

В 1940-е годы многонациональное советское общество объединилось для жестокого противостояния с внешним врагом. «Антиколониальный» и «освободительный» дискурс Кавказской войны естественным образом оказался непопулярен. Стремление горцев Северного Кавказа к светлым идеалам свободы и справедливости не могло отменить того факта, что в Кавказской войне русские и северокавказские горцы убивали друг друга [Дегоев, 2003: 268]. В послевоенные годы историки заметно снизили активность в изучении проблем истории Кавказской войны. Кровопролитная и беспрецедентно долгая война между «братскими народами» совершенно не соответствовала атмосфере того времени. В 1947 г. началась кампания по пересмотру концепции Кавказской войны ввиду ее «политической вредности» [Дегоев, 2003: 268]. Теперь Россия несла на Кавказ передовую культуру, а горцы во главе с Шамилем выступали в роли приспешников Турции и Англии [Шамиль – ставленник султанской Турции..., 1953]. Знаковой стала публикация в официальном печатном органе ЦК ВКП (б) – журнале «Большевик» статьи первого секретаря ЦК Компартии Азербайджанской ССР М.Д. Багирова под названием «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» [Багиров, 1950]. Автор обвинил историков в «буржуазном национализме», который привел к «неправильному освещению событий», развернувшихся на Кавказе в первой половине – середине XIX столетия. Присоединение Северного Кавказа к России объявлялось прогрессивным истори-

ческим явлением и единственной альтернативой порабощения горцев отсталыми Турцией и/или Персией. Лидеры горского сопротивления признавались за пособников и шпионов иностранных государств – врагов России. Предложенная М.Д. Багировым концепция полностью соответствовала текущему политическому моменту – началу холодной войны.

Ученых, допуская отход от заданной М.Д. Багировым схемы, преследовали. Показательна трагичная судьба философа Г.Н. Гусейнова. В марте 1950 г. он был удостоен Сталинской премии за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века». Однако спустя всего несколько месяцев премии был лишен за то, что «представил в извращенном виде характер движения мюридизма и Шамиля, изображая их в качестве прогрессивного национально-освободительного и демократического явления» [Адамов, Кутаков, 1950: 101]. Книгу Г.Н. Гусейнова обсуждали на специально созванном Общезакавказском собрании интеллигенции 14–15 июля 1950 г., где выступавшие не скупались на обвинения и «разоблачения» [Исмаилов, 2003: 191]. Не выдержав преследований, 15 августа 1950 г. Г.Н. Гусейнов покончил с собой.

Произошедшее с Г.Н. Гусейновым показало повышенную опасность темы Кавказской войны. Это, вкупе с позицией советских идеологов, желавших отодвинуть проблему сложного конфликта в дальний угол общественно-политического пространства, предопределило остановку дальнейшей научной разработки истории Кавказской войны и ее негласное табуирование в мемориальной политике. Память о Кавказской войне в советское время превратилась в полуподпольное явление, что, в свою очередь, стало причиной ее взрывной актуализации на Северном Кавказе в период перестройки и после распада СССР.

Кавказская война – трудная память

Первым и пока единственным лидером постсоветской России, который попытался дать оценку Кавказской войны, был Б.Н. Ельцин. 18 мая 1994 г. пресс-служба российского президента распространила «Обращение к народам Кавказа». Приуроченный к 130-летию окончания Кавказской войны документ распадается на две части. Ключевой тезис первой звучит либерально-

примирительно: «В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера» [Обращение президента РФ..., 2012]. Эти слова могли быть восприняты как сигнал к началу символической деколонизации истории народов Северного Кавказа и, прежде всего, истории Кавказской войны. Возможно, авторы текста рассчитывали на подобный эффект.

Вторая часть обращения актуализирует идеи общей исторической судьбы и политического единства: «В нашем сознании Россия и Кавказ стали неразрывно связанными понятиями, одно невозможно представить без другого. В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, поставлен памятник Марии Темрюковне, на котором высечены слова: «Навеки с Россией». Эти слова святы и дороги каждому россиянину».

Можно предположить, что обращение президента России было вызвано не только памятью об очередной годовщине окончания Кавказской войны, но и тяжелым политическим кризисом на Северном Кавказе, вскоре обернувшимся в трагедию первого раунда чеченской войны. Еще более важно, что две части этого важного текста «включались» в формирование различных нарративов о Кавказской войне.

«Деколонизирующая» часть была (и остается) востребована памятью адыгов и других народов Северного Кавказа. В то время как «объединяющая» на долгие годы вошла в символический арсенал государственной политики памяти. Показательно, что в программной статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в начале 2012 г., идея исторического, государственного и культурного единства многонациональной России является основной и едва ли не единственной. В соответствии с этим предлагалось конструировать и политику памяти: «Культурная политика, которая на всех уровнях – от школьных пособий до исторической документалистики – формировала бы такое понимание единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, также как и потомок “крас-

ного комиссара” или “белого офицера”, видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником “одной для всех” – противоречивой, трагической, но великой истории России» [Путин, 2012].

Память о Кавказской войне невозможно эффективно использовать в качестве исторического примера единения многонационального народа Российской Федерации. Во многом именно поэтому на федеральном уровне о ней почти не вспоминают, а редкие обсуждения порой заканчиваются скандалом². Показательно, что в масштабном проекте мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», которые открыты в 15 крупных городах России с географией от «Южно-Сахалинска до Санкт-Петербурга, от Перми до Махачкалы», места для информации о Кавказской войне как отдельном сюжете российской истории не нашлось [Шнирельман, 2018]. История Кавказской войны в визуальном ряду исторических парков «спрятана» в продолжительный и событийно разнообразный период царствования императора Николая I (1825–1855). При этом ее упоминание имеет исключительно справочный характер.

Причиной такого откровенно периферийного положения Кавказской войны в «большом нарративе» российской истории является не только ее политическая опасность, но и отсутствие конвенционального языка описания противостояния Российской империи и горцев Северного Кавказа. На современном этапе одинаково архаичными представляются и дореволюционные схемы с проблемными дихотомиями «цивилизация – варварство», «солдаты – дикари», и советские шаблоны «национально-освободительной войны» против «царизма» и «колонизаторов». Однако, нового аналитического языка история Кавказской войны не получила до сих пор.

² В декабре 2013 г. в здании Государственной думы подрались два депутата-«единоросса» – А.С. Делимханов и А.А. Журавлев. Причиной конфликта стал памятник чеченским женщинам села Дади-Юрт, которое было уничтожено 14 сентября 1819 г. в ходе одной из военных экспедиций генерала А.П. Ермолова [Ермолов, 2014]. Согласно местному историческому преданию, чеченские женщины, взятые в плен, при переходе через Терек бросились в реку, увлекая за собой солдат-конвоиров. Мемориал на месте аула Дади-Юрт появился еще в 1990 г., а в 2013 г. памятник получил свой современный вид: горная гряда с чеченской боевой башней в середине композиции.

Объяснить отсутствие нового нарратива о самом продолжительном военном конфликте в российской истории и центральном событии истории Северного Кавказа становится еще сложнее если вспомнить общественно-публицистический ажиотаж вокруг этой темы в перестроечные и постперестроечные годы. На фоне резкого обвала государственной идеологии и дискредитации большого советского нарратива о «добровольном вхождении» народов Северного Кавказа в состав Российского государства, адыги начинают своеобразный поход за исторической идентичностью и «адекватным историческим сознанием». Этими идеями пропитано знаковое предисловие книги известного историка-адыговеда В.Х. Кажарова «Адыгская хаса». В этом манифесте, провозглашающем возрождение адыгской этнической истории, автор рассматривает череду событий XIX–XX вв. как делящуюся историческую травму: «Столетняя [Sic! – А.У.] Кавказская война, массовый геноцид, аннексия территории, изгнание большей части народа в пределы Османской империи, военно-оккупационный режим в зонах, отведенных для проживания его остатков, затем Октябрьский переворот, гражданская война, тотальные репрессии сталинизма, усугубленные местными диктаторами, и, наконец, умерщвление духа в годы брежневщины — все это поставило адыгов на грань полной деэтнизации» [Кажаров, 1992: 5]. Ученый объединил имперский и советский периоды, показывая их преемственность в отношении распада адыгской общности и этнической идентичности. Кавказская война и ее трагические итоги определялись автором в качестве причины распада связи времен. В.Х. Кажаров указывал, что «дорога к свободе лежит также и через формирование адекватного исторического сознания» [Кажаров, 1992:7].

Способом формирования нового адыгского исторического сознания историк видел подготовку и издание «многотомной истории адыгов с древнейших времен до наших дней» [Кажаров, 1992: 7]. Эта задача стала приоритетной для появившегося в последние годы советской власти Института черкесской истории и культуры. Однако она так и не была реализована в полной мере. Важнее ее символический смысл: создание отдельного этнического исторического нарратива, пересматривавшего большой нарратив государственной истории.

Манифест В.Х. Кажарова задал парадигму развития адыговедческой историографии. Этническая история адыгов стала доминирующим предметом научных исследований и популяризации прошлого. Аналогичная этнизация история стала фактором развития и других историографических школ Северного Кавказа, которые замкнулись в границах соответствующих субрегиональных нарративов. Спустя 20 лет В.Х. Кажаров писал о первой половине 1990-х годов: «Историки, формируя новое историческое сознание, соответствующее этой потребности, хотели творить и саму историю» [Кажаров, 2012: 32]. Интеллектуалы Северного Кавказа занялись формированием исторического сознания народов через конструирование этнических версий прошлого.

Историческое наследие Кавказской войны обсуждалось и использовалось именно в контексте этнизации прошлого, этнических прав и претензий, поэтому довольно быстро стало основой принятия новых мемориальных законов. Уже 7 февраля 1992 г. Верховный совет Кабардино-Балкарской ССР принял Постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-кавказской войны» [Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-кавказской войны, 1992]. Документ обозначил несколько оценок и требований, которые позднее будут концептуализироваться понятием «черкесский вопрос».

Несмотря на повышенный интерес к событиям Кавказской войны (возможно и в силу его специфического характера) в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, обобщающего научного труда так и не появилось. Как отметил В.Х. Кажаров: «Вопреки ожиданиям эта тема не стала предметом всестороннего комплексного исследования, что явно не соответствовало потребности адыгского народа иметь адекватную историческую память о Кавказской войне» [Кажаров, 2012: 40]. Кавказская война была самой обсуждаемой темой в адыговедении, но при этом осталась недостаточно изученной. Историки-адыговеды признают парадоксальность такого положения, но указывают на целый ряд объективных проблем, встающих на пути написания подобной работы: формирование авторского коллектива, определение конвенциональных концептуальных рамок, вопрос финансирования [ПМА, 2017]. Отчасти историографическую пустоту заполнили документальные публикации,

отразившие различные стороны Кавказской войны и ее последствий [Материалы по истории западных черкесов..., 2012; Адыгские песни..., 2014].

Показательно, что даже 150-летие окончания войны (2014 г.) не стало поводом к появлению обобщающей научной работы. В Нальчике была проведена конференция «Кавказская война: события, факты, уроки (к 150-летию окончания)» и изданы ее материалы [Кавказская война..., 2014]. Это явно контрастирует с другой важной датой, которая отмечалась в 2007 г. – «450-летие союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией». История русско-кабардино-балкарских связей и отношений отразилась во внушительной по объему (720 страниц) и авторскому коллективу работе под заглавием «История многовекового содружества» [История многовекового содружества..., 2007].

«Добровольное вхождение» 2.0?

Вместо так и не сложившегося нового нарратива возвращается старый. С 2000-х гг. на Северном Кавказе усилиями прежде всего официальных властей при поддержке академического сообщества актуализируется концепт «добровольного вхождения в состав России». Эта партийно-историографическая концепция активно разрабатывалась в 1960-е – 1970-е гг. и была призвана доказать, что вхождение народов Кавказа в состав Российского государства имело «прогрессивное значение» и «благодетельные последствия», а кроме того, было для них (народов региона) единственным путем избежать «полного физического уничтожения» в неравной борьбе с Персией и Турцией [Шнирельман, 2006: 133–142]. Важную роль в формировании и развитии концепции сыграл историк В.Б. Виноградов – профессор кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета (с 1975 г.) [Дударев, 2013]. Как справедливо указал В.А. Шнирельман идея «добровольного вхождения» носила не только научный, но и политико-пропагандистский характер [Шнирельман, 2006: 135]. На Северном Кавказе ощущалось социальное и национальное напряжение, разнообразное по своему этническому происхождению население региона с большим трудом трансформировалось в «новую историческую общность

советский народ», провозглашенную Л.И. Брежневым в 1971 году. Своего рода социальным клеем и должна была стать новая интерпретация совместного прошлого.

Немаловажным мотивом для руководства Чечено-Ингушетии была перспектива отметить юбилейную дату добровольного вхождения вайнахских народов в состав Российского государства. Такие юбилеи уже прошли в соседних республиках: Северная Осетия в 1974 г. справила 200 лет добровольного вхождения, а кабардинцы, адыгейцы и черкесы отметили в 1957 г. 400 лет в составе России. Продолжение юбилейной традиции способствовало привлечению внимания союзного руководства, материальной поддержке республики и карьерному продвижению ее начальства. Все это помогло В.Б. Виноградову заручиться поддержкой партийного начальства. Вот как о переговорах с чиновниками вспоминал историк: «Преодолев бюрократические и всевозможные иные препятствия, осенью 1977 г. я был принят первым секретарем обкома КПСС и имел с ним долгую и содержательную беседу о текущем состоянии исторической науки и пропаганды в Чечено-Ингушской АССР. <...> В итоге длительной беседы сошлись на том, что необходимо приступить к разработке целевой комплексной научно-исследовательской и пропагандистской программы “Чечено-Ингушетия в системе русско-кавказских историко-культурных связей”» [Виноградов, 2006: 27–28].

Концепция «добровольного вхождения» в формулировках В.Б. Виноградова обсуждалась в Москве в 1978 году. По воспоминаниям В.Б. Виноградова среди ученых-историков были и оппоненты новой интерпретации. Так, с критикой положений «добровольного вхождения» выступали такие известные кавказоведы как Е.Н. Кушева и Л.И. Лавров. В том же году в Грозном состоялась всероссийская конференция по историографии истории народов Северного Кавказа и Дона, а накануне в газете «Грозненский рабочий» была опубликована статья В.Б. Виноградова и С.Ц. Умарова «Вехи единства», которая очерчивала проблемное поле последовавших дискуссий. Авторы статьи подчеркивали длительность процесса вхождения Чечено-Ингушетии (sic!) в состав России и предлагали выделять в нем два разных по своему историческому содержанию этапа: «добровольное вхождение» вайнахских народов в пространство им-

перии Романовых и «установление колониального режима» [Ве- хи единства, 1982: 12–13].

Эти тезисы получили развитие в совместном докладе М.О. Бузуртанова, Н.К. Байбулатова, М.М. Блиева, В.Б. Вино- градова и В.Г. Гаджиева «Основные этапы и закономерности вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», который был представлен в 1979 г. на конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа», проходившей 2–4 октября в Грозном. Период XVI–XVIII вв. маркиро- вался как время установления и укрепления русско-вайнахских связей, в результате чего в 1781 г. Чечено-Ингушетия вошла в со- став России. В докладе отмечалось, что «лишь в дальнейшем насаждение царского военно-административного аппарата и уси- ление феодального гнета повлекли за собой развертывание народ- но-освободительной борьбы горцев уже внутри Российского госу- дарства, передовые слои которого сочувствовали этой борьбе... Ни в коем случае нельзя смешивать такие неравнозначные, происхо- дившие в разное время события, как добровольное вхождение че- ченцев и ингушей в состав России и окончание так называемой Кавказской войны, инспирированной политикой реакционных внутренних и внешних сил на Кавказе» [Ве хи единства, 1982: 15].

Эти концептуальные положения составили ядро теории «добровольного вхождения», которая закрепилась в советской ис- ториографии. Вот как она представлена в фундаментальной обоб- щающей работе «История народов Северного Кавказа», вышедшей под редакцией академика А.Л. Нарочницкого: «В XVI–XVIII вв. у народов Закавказья и Северного Кавказа – армян, грузин, азербай- джанцев, адыгов, кабардинцев и осетин, а также народов Дагеста- на, Чечни и Ингушетии – усиливалась ориентация на Россию, шел сложный и продолжительный процесс добровольного вхождения их в состав российского государства» [История народов Северного Кавказа..., 1988: 9]. Кавказская война в этой концепции оказалась локальным внутренним конфликтом, случившимся после вхожде- ния региона в пространство Российского государства. Некоторым современным авторам это дает повод писать о движении Шамиля как о разновидности сепаратизма [Матвеев, 2012].

Как уже отмечалось, в советский период с размахом отмечали юбилеи «добровольного вхождения»: 400 лет присоединения Ады-

геи, Кабарды и Черкесии в 1957 г.; 200 лет присоединения Северной Осетии в 1974 г.; 200 лет присоединения Чечни и Ингушетии в 1981 г. К этим празднествам выпускали памятные медали, которые содержали явные признаки антиисторического модернизма. Так, к примеру, на реверсе медали, посвященной присоединению Чечни и Ингушетии, отмечено: «200 лет добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России 1781–1981». Отметим, что Чечено-Ингушская автономная область была образована 15 января 1934 г., а два года спустя получила статус автономной республики (Чечено-Ингушская АССР).

Рис. 1. Памятник «Навеки с Россией». Нальчик. Фото апреля 2021 г. Архив полевой экспедиции Южного научного центра РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге

С идеей «добровольного вхождения» связано и формирование мемориального ландшафта городов Северного Кавказа. Наиболее знаковые и масштабные памятники в ряде республиканских столиц посвящены «многовековому единству» народов Северного Кавказа и Российского государства. В 1957 г. в Нальчике был установлен памятник в честь 400-летия добровольного вхождения Кабарды в состав России (Рис. 1). Монумент изображает дочь кабардинского князя Темрюка Идарова и вторую жену Ивана IV Грозного – Ма-

рию Темрюковну (1546–1569). На постаменте памятника крупная надпись – «Навеки с Россией», которая впоследствии неоднократно воспроизводилась на других подобных мемориалах.

В 1957 г. должен был появиться еще один памятник, символизирующий русско-адыгское содружество и боевое братство. Планировалось открытие памятника в Майкопе. Однако, состоялось оно только 11 лет спустя – в 1968 г. [Бондарь, 2020]. Мемориал получил неофициальное название «Дружба» и изображает двух воинов – русского и адыга (Рис. 2). На постаменте та же знаковая надпись – «Навеки с Россией».

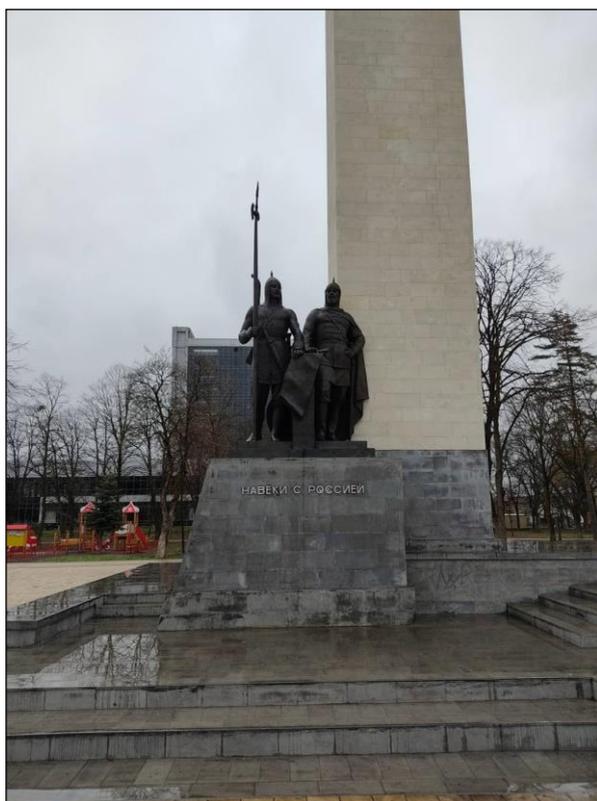

Рис. 2. Мемориал «Дружба». Майкоп. Фото апреля 2021 г. Архив полевой экспедиции Южного научного центра РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге

Памятники в Нальчике и Майкопе занимают центральное доминантное положение в архитектурном ансамбле центральной части городов. Эмоциональное переживание их значения заметно снизилось, однако, они остаются важной частью городского ландшафта и приобрели соответствующие прозвища³.

В 2000-е «юбилейная» традиция была возрождена. Крупным общественно-политическим событием стало 450-летие вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства в 2007 г. Празднование прошло по лекалам советского времени: выпуск памятных медалей, научная конференция, публикация обобщающего исторического труда, привычный антиисторический модернизм (Кабардино-Балкарская автономная область была образована в 1922 г.). Апогеем юбилейных торжеств стало открытие арки Дружбы, сооруженной на автомобильном въезде в Нальчик со стороны Пятигорска. Венчает арку надпись – «Навеки с Россией».

Вокруг юбилея проходили многочисленные дискуссии, которые отмечены поиском новой формулировки для обозначения того, что же произошло в русско-адыгских отношениях в 1557–1561 гг. Ряд историков и общественных лидеров отвергали концепт «добровольного вхождения» и со ссылками на работы известных советских и российских историков (Е.Н. Кушева, А.М. Некрасов, В.В. Трепавлов) предлагали говорить о «заключении военно-политического союза».

Юбилеи «добровольного вхождения» отмечали и в других республиках Северного Кавказа. В 2015 г. в Ингушетии праздновали 245-летие добровольного вхождения в состав Российского государства. Интересно, что в отличие от советской традиции, которая отнесла этот исторический акт к 1781 г., в 2004 г. участники республиканской научно-практической конференции в Назрани отодвинули его на 11 лет назад – в 1770 г. В октябре 2013 г. в Дагестане отмечали 200-летие присоединения к России. В этой связи тогдашний глава Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипов отметил: «Двести лет тому назад Дагестан окончательно вступил в состав Российско-

³ Памятник в Нальчике жители иногда именуют «Статуей Свободы», а майкопский мемориал известен в городе как «Иван и Махмуд».

го государства. До этого были бесконечные войны, бесконечные претензии и притязания великих держав. Война за этот регион не давала Дагестану спокойно жить. И вот двести лет тому назад мы обрели российскую судьбу. Мы стали единой страной» [Кондратьев, 2013].

В блогосфере и открытых форумах информационных агентств критики 200-летия «окончательного вступления» риторически вопрошали региональную власть: «А Шамиля вы куда денете?». Действительно, празднование 1813 г. как даты вхождения Дагестана в Россию оставляла вне исторического времени борьбу трех имамов и их мюридов с российской администрацией, которая последовала в 1828–1859 гг. и завершилась в высокогорном аварском ауле Гуниб.

Символическое возвращение сформулированного еще в советский период дискурса единения, который востребован современными региональными властями, наталкивалось на критику части научной общественности, чувствовавшей утрату права на значимое публичное высказывание. В одном из интервью известный историк С.Х. Хотко сказал: «Ситуация с запланированным празднованием 450-летия добровольного вхождения Адыгеи в состав России показывает, насколько сегодня чиновники игнорируют историческое сообщество. Могли бы, честно говоря, и посоветоваться с нами» [Салямова, 2006].

Вместе с тем, актуализация темы «добровольного вхождения» в новых условиях приводит к неожиданным мемориальным новациям. На примере Кабардино-Балкарии видно, как балкарское население в лице своих интеллектуалов и общественных лидеров выстраивает самостоятельный нарратив о «добровольном вхождении». Материальным воплощением этой мемориальной стратегии стали каменные плиты в честь «200-летия добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства», установленные в популярных туристических локациях – Голубые озера и Чегемские водопады (Рис. 3–4).

Мемориальные символы выполнены по общему образцу, центральным элементом которого является репрезентация Обращения к командующему российскими войсками на Кавказской линии генералу Г.А. Эммануэлю от балкарских и дигорских старшин о принятии этими народами присяги на верность (11 января

1827 г.): «...быв отправлены к вашему превосходительству для испрошения покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича яко поставленного от него наместника с тем ежели наше прошение принято буде, то мы равно и весь народ за отдачею уже аманатов детей наших принес и на верность подданства присягу всероссийскому ве-

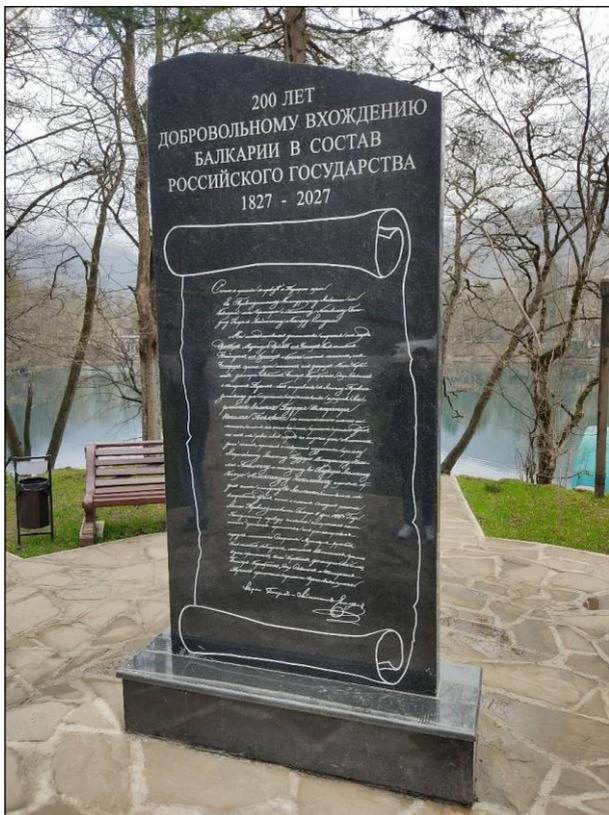

Рис. 3. Памятная стела «200-лет добровольному вхождению Балкарии в состав Российского государства». Голубое озеро, Кабардино-Балкария. Апрель 2021. Архив полевой экспедиции Южного научного центра РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге

ликому государю Императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу и

затем буде готовы и на службу его величества, если в том мы востребованы будем...» [Века совместной истории..., 2017: 517; Муратова, Хаширов, 2019: 99]. Этот документ рассматривается

Рис. 4. Памятная стела «Добровольному вхождению Балкарии в состав России 200 лет». Голубое озеро, Кабардино-Балкария. Апрель 2021. Архив полевой экспедиции Южного научного центра РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге

в качестве добровольного волеизъявления балкарского народа. Мемориальные акции, связанные с годовщинами вхождения Балкарии в состав России, проводятся ежегодно с 2012 г. Балкарские общественные активисты и депутаты представительных институтов различного уровня в публичных выступлениях

неизменно подчеркивали престижность отдельной («балкарской») даты «добровольного вхождения». В 2017 г. празднование 190-летия добровольного вхождения Балкарии в состав Российского государства прошло на официальном уровне: праздничные мероприятия состоялись в Нальчике и районных центрах КБР. Вероятно, 200-летие пройдет с еще большим размахом, об этом говорит установка памятных плит за семь лет до юбилейной даты.

Возрождение юбилеев «добровольного вхождения» показывает несколько важных тенденций исторической политики. Во-первых, официальным властям (федеральным и региональным) привычнее и безопаснее при оценках прошлого использовать советские концепты и шаблоны, к которым относится и «добровольное вхождение». Вкупе с советским мемориальным наследием, которое занимает доминантное положение в российских городских центрах, это создает эффект символического возвращения к ценностям и установкам советского времени. Во-вторых, современные юбилеи «добровольного вхождения» демонстрируют непреходящую актуальность этнизации прошлого на Северном Кавказе. Отдельная дата «добровольного вхождения», подчеркивающая самостоятельность связей с Российским государством, выступает элементом историко-мемориального престижа.

Юбилеи «добровольного вхождения» очевидным образом маргинализируют тему Кавказской войны. В историографии закрепилась устойчивая традиция указания на этот военный конфликт как на «так называемую Кавказскую войну» [Клычников, 2015: 133–142], или закавычивать эту номинацию – «Кавказская война» [Виноградов, 2015: 35–44; Клычников, 2014: 201–209]. Содержанием Кавказской войны в такой интерпретации становятся незначительные и разрозненные столкновения официальной российской администрации и отдельных горских лидеров, которые представителями кавказоведческой школы В.Б. Виноградова (одного из авторов теории «добровольного вхождения») объединяются в концепте «северокавказский кризис XIX века» [Виноградов, 2007: 49–53].

Маргинализации Кавказской войны как аналитической номинации, научной проблемы и, как следствие, важной части

российского прошлого способствует отсутствие новых концептуальных исследований. Последняя обобщающая работа, построенная на прочных теоретических основаниях и представляющая научное осмысление Кавказской войны, была опубликована в 1994 г. [Блиев, Дегоев, 1994]. Фундаментальное исследование М.М. Блиева и В.В. Дегоева базировалось на концептах «военной демократии» и «набеговой экономики», а основным теоретическим источником являлась работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В последующих многочисленных работах Кавказская война распадалась на отдельные события, эпизоды, биографии. Нового концептуального прочтения предложено не было. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, историография Кавказской войны сложна и противоречива [Тишков, Перхавко, 2014: 23]. Новые теоретические подходы должны быть основаны на комплексной работе с обширным документальным массивом и внимании к современным концептуально-методологическим инструментам.

Заключение

В современном российском научном и общественно-политическом пространстве Кавказская война пока не получила нового связного концептуального нарратива. Дефицит языка осмысления приводит к ее забыванию на федеральном уровне – с одной стороны, и периодическим мемориальным кризисам на региональном уровне – с другой. Актуализация старых советских интерпретаций («добровольное вхождение») вряд ли сможет способствовать общественному высказыванию коммеморативной травмы Кавказской войны.

Список литературы

- Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11.
- Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. А.М. Гугова, М.А. Табишева, Н.Г. Шериевой. Нальчик: Печатный двор, 2014.
- Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII — первой четверти XIX в. М.: «Кучково поле», 2016.

- Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994.
- Бондарь В.В.* Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. № 3.
- Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017.
- Вехи единства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982.
- Виноградов Б.В.* «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сборник научных статей по материалам всероссийской научной конференции / отв. ред. Т.В. Коваленко; редкол. И.И. Горлова, А.В. Крюков, Н.А. Костина. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015.
- Виноградов В.Б.* Мои журналистские и общественные университеты. Москва-Армавир: [Б.и.], 2006.
- Виноградов В.Б.* Северокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Щурыгин, 2007.
- Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: «Русская панорама», 2003.
- Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I–VIII. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871–1888.
- Дударев С.Л.* Виталий Борисович Виноградов (страницы жизни и творчества) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1.
- Исмаилов Э.Р.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945–1953 гг. Баку: «Адилъоглы», 2003.
- История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.–1917 г.) / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
- Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: КБИГИ, 2014.
- Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992.
- Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX–XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012.

- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Издательство МГУ, 1984.
- Клычников Ю.Ю. Военно-политические усилия российской власти по ликвидации северо-восточного «очага» так называемой Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сборник научных статей по материалам всероссийской научной конференции / отв. ред. Т.В. Коваленко; редкол. И.И. Горлова, А.В. Крюков, Н.А. Костина. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015.
- Клычников Ю.Ю. Современный научный дискурс проблемы так называемой «Кавказской войны» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3.
- Кондратьев Ю. 200 лет Дагестана в России – начало длинного пути // <https://www.pravda.ru/districts/south/makhachkala/11-12-2013/1185115-regioni-0/> (Дата обращения: 1.11.2018).
- Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: «Европейский дом», 2008.
- Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: ООО «Омега Паблишер», 2012.
- Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / Сост. А.В. Сивер. Нальчик: КБИГИ, 2012.
- Муратова Е.Г., Хаширов А.В. Георгий Арсеньевич Емануэль и народы Центрального Кавказа (1826–1831) // Кавказология / Caucasology. 2019. № 3.
- Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-кавказской войны / Верховный совет Кабардино-Балкарской ССР. Постановление. Нальчик, 1992. 7 февраля. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/450209027> (Дата посещения: 28.09.21).
- Обращение президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа // Коммерсант. М., 2012. 11 июля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1978317> (Дата посещения: 15.03.2018).
- Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001.
- Полевые материалы автора. 2017. Интервью с А.Х. Абазовым.
- Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I–V. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887–1889.
- Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. М., 2012. 23 января. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата посещения: 15.03.2018).

- Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик, 2018.
- Салямова А.* Самир Хотко: 450 лет назад Адыгья не вошла в Россию // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/105321/> (Дата обращения: 1.11.2018).
- Тишков В.А., Перхавко В.Б.* Итоги Кавказской войны и переселение горцев Кавказа // Вестник Российской нации. 2014. № 1.
- Ткаченко Д.С.* Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Ставрополь: «Печатный двор», 2017.
- Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат, 1953.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
- Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
- Шнирельман В.В.* Манеж 2013–2016: Публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории // Историческая экспертиза. 2018. №. 3.
- Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I–II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907.

**ДИСКУРС О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ
МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ**

В.А. Танайлова

Введение

В этой работе анализируются материалы, собранные в социальных сетях, преимущественно в ВКонтакте, Facebook и Telegram. Источниками информации стали сообщества, посвященные истории Кавказского региона, его культуре, также среди них есть группы, которые специализируются на новостном формате. В качестве примера назовем самые крупные из изученных автором сообществ: История Кавказа, Кавказ сейчас, Кавказ Факты, Новости Кавказа, inforce, ChechenCenter, 1Adat и несколько личных страниц со значительным количеством подписчиков¹. Суммарное количество подписчиков исследованных сообществ, каналов и страниц около 300 тысяч человек. Подписчики, которые проявляют активность в исследованных автором сообществах, в абсолютном большинстве случаев репрезентуют себя в качестве представителей различных народов Северного Кавказа. Во многих группах посты предлагаются самими подписчиками, они отбираются и редактируются администраторами, после чего размещаются на стене группы. Итак, исходя из просмотренных постов, а главное, комментариев под ними, автором было сделано некоторое количество выводов относительно темы памяти о Кавказской войне в пространстве социальных сетей и возможностей ее использования в качестве символического ресурса в процессе радикализации местных кавказских обществ.

¹ Используемые в данной статье цитаты взяты автором из публикаций и обсуждений, размещенных в вышеперечисленных сообществах. Мною был проанализирован материал за период с 2018 по 2021 гг.

Рассматривая социальные сети как исследовательскую область цифровой антропологии, автор согласен с подходом Ильи Утехина, который говорит, что «фундаментально методы в области цифровой антропологии не отличаются от традиционных качественных этнографических исследований. Все те качественные методы, которые касаются включённого наблюдения с разными степенями и формами включённости, всё это остаётся релевантным» [Утехин, 2017]. Однако, тут возникает вопрос в какой момент пространство социальных сетей становится полем, а когда мы работаем с ним как с архивом. «На уровне повседневного использования под входением в поле и в социологии, и в антропологии обычно понимается не просто факт физического проникновения на определенную территорию, а установление контакта с кем-либо из информантов» [Козловская, 2017]. Это утверждение верно и для понятия поля в цифровой антропологии. Однако, на текущей стадии данного исследования социальные сети все же чаще выступали для автора в качестве архива. И, как и при работе с любым другим архивом, необходимо понимать, что цифровой архив по целому ряду причин не отображает в полной мере состояние общества здесь и сейчас. Тем не менее, то, что является для исследователя полем или архивом, для пользователя оказывается важнейшим в современном мире коммуникационным пространством, которое оказывает огромное влияние на общество и протекающие в нем процессы [Pentland, 2014; Haidt J., Rose-Stockwell T., 2019; Поченцов 2018, 2019, 2020].

Концепция радикализации

В качестве концептуальной основы я возьму определение радикализации, которое дает в одной из работ Донателла делла Порта: «Радикализация – это эскалация от ненасильственного репертуара действий к все более жестким действиям насильственного характера. Радикализация осуществляется путем сложного набора взаимодействий, которые разворачиваются с течением времени» [della Porta, 2018: 462]. То есть, радикализация – это постепенный процесс, являющийся результатом взаимодействия между отдельными лицами, группами и институциональными

субъектами. Существует несколько важных факторов, определяющих процесс радикализации тех или иных сообществ, – это политические возможности, организационные ресурсы и символические ресурсы, к которым, несомненно можно отнести и социальную память [Sageman, 2004; Sageman, 2008; Wiktorowicz, 2004; McCauley, Moskalenko, 2008; Hegghammer, 2006]. Как замечает Гудвин коллективные травмы и обиды сами по себе могут быть толчком для начала процесса радикализации сообществ [Goodwin, 2004]. В этом смысле память о Кавказской войне может быть такой избранной травмой. В связке с памятью о других травматических исторических событиях в разных республиках Кавказа эта память может стать сильным контекстом для радикализации отдельных групп.

Кавказская война оказывается важным событием, о котором знают и помнят. Другой вопрос, что именно о ней знают, как представляют акценты, что «помнят», а что конструируют заново, отчасти исходя из современных реалий. В попытках ответить на эти вопросы, автором была частично исследована не просто память о Кавказской войне, представленная в поле социальных сетей, а несколько этнонациональных образов Кавказской войны, которые в этом поле сформировались. Каждый такой образ служит одним из многочисленных элементов построения соответствующий групповой идентичности, которая, в свою очередь позволяет утвердить противопоставление свой/чужой, где в качестве чужого может выступать как любое другое отличное кавказское сообщество, так и «русские завоеватели». В этих образах очень многое различается: датировки, главные события, ее герои и предатели. Нами выделены ключевые моменты дискурса о Кавказской войне в социальных сетях, вокруг которых формируются самые острые прения и которые сопровождаются высказываниями радикального характера.

Роль Российской Империи в Кавказской войне

Начну с того, что вызывает менее всего споров, но оказывается темой, которая, с точки зрения подписчиков в соцсетях, проводит очевидный рубеж между Кавказом и Россией. Речь идет о месте Российской Империи в Кавказской войне. Тут все однозначно: Российская империя – «захватчик, оккупант и тиран». Современ-

ная Россия является наследником имперских амбиций и идеалов и, по сути, продолжает политику притеснения кавказских народов: «История повторяется..., генерал-губернаторы были при царях, вот и снова и царь и генерал-губернаторы..., опять карательные экспедиции, так же сжигание аулов, только теперь домов».

Надо заметить, что среди вступающих в полемику в изученных нами сообществах тех, кто говорит от лица русских крайне мало, поэтому какие-либо споры касательно описанного выше отношения к Российской империи и современной России возникают редко. Основными сюжетами, которые вызывают более всего откликов среди подписчиков оказываются те, что связаны с деятельностью генерала А.П. Ермолова и Г.Х. Засса. Последний более всего известен в социальных сетях тем, что отрубал адыгам головы и насаживал их на копья, а также рассыпал отрубленные головы в различные музеи России и Европы. В целом отношение к завоевателям Кавказа выражает такой комментарий одного из подписчиков: «“Дикие” кавказцы, которым эти генералы несли свою “культуру” никогда не позволяли себе ни глумления над павшим противником, ни надругательства над женщинами. Так кто же тут “полудикари” и “варвары”? Какую культуру принесли эти нелюди, “благородные” русские генералы?».

Комментариев относительно русского народа в целом немного, откровенно оскорбительных еще меньше. Отчасти это вызвано тем, что записи оскорбительного и тем более националистического характера удаляются. Более того, комментарии с употреблением нецензурных выражений часто встречают неодобрение у других подписчиков из числа самих же кавказцев. Они считают, что это выставляет их в невыгодном свете, демонстрируя низкую культуру. Однако, это не мешает активно оставлять комментарии типа: «Давайте дальше любить тот народ (*русских*), который пытался нас когда-то уничтожить...Обращаюсь ко всем кавказцам поймите вы все русские нам враги, а не друзья...» Иногда на подобные высказывания подписчики отвечают, что Кавказ завоевывала «российская власть» и российский народ не имеет к этому никакого отношения. Таким образом происходит некоторое различие между «российской властью» и «российским народом».

Бурную реакцию вызывают посты о представителях кавказских народов, которые находились на службе в армии Российской империи и о наградах, которые им за это вручались. Так, пост, посвященный наградам Российской империи времен Кавказской войны, был озаглавлен так: «Медали, пропитанные кровью, медали, которыми нельзя гордиться...» Представители кавказских народов на службе Российской империи называются предателями, которые запятнали честь своего народа. Интересно заметить, что тема службы кавказцев на стороне Российской империи часто перетекает в обсуждениях современных событий и тут больше всего осуждения изливается на осетин и чеченцев: «Так ты осетин, ну все с тобой ясно... Там же в Осетии русских любят больше, чем своих», «А Осетия, тем временем была и остается форпостом России», «Ты добровольный раб Кадырова, а значит раб российской власти».

Пост об Арцу Чермоеве, чеченце, воевавшим на стороне Российской империи и удостоенном высочайшим указом императора титула князя, вызвал такую реакцию: «Что может быть хуже для народа, чем такой человек?» Кстати, этот пост собрал под собой более двухсот комментариев.

Итак, в поле обсуждения Кавказской войны место и характер участия в ней Российской империи – это, пожалуй, основной момент, который практически не вызывает разногласий у представителей разных кавказских обществ, мнение которых зафиксировано в социальных сетях.

Дискуссии об участии в войне отдельных народов Северного Кавказа

Некоторые исследователи по-разному датируют Кавказскую войну, но если мы обратимся к общим источникам информации типа энциклопедий, то скорее всего увидим промежуток времени с 1817 по 1864 годы. В соцсетях же дело обстоит несколько иначе. Для дагестанцев, по большей части аварцев, Кавказская война – это война Северо-Кавказского Имамата с Российской империей. Они не отрицают участие других кавказских народов в войне, но считают, что все, что было до и после существования Имамата, – это отдельные столкновения, но не полноценные

военные действия: «Аварцы последние были в Кавказской войне, кто до конца сражался, когда Имама Шамиля взяли, тогда только объявили о завершении войны русские. Аварцы начали эту войну и закончили ее...».

Черкесы раздвигают временные границы войны до 101 года. Для них Кавказская война и Русско-Черкесская – синонимы. «101 год воевали Адыги, несмотря на численное превосходство Российской империи». На стене одной из групп был размещен пост, предложенный одним из подписчиков-черкесов. Озаглавлен он был следующим образом: «Как называется война: Кавказская, русско-кавказская или русско-черкесская?» Вот выдержка из этого поста: «В российской истории Кавказской войной называется война, которую Россия вела на Кавказе в 19 веке. Удивительно, что временной интервал этой войны исчисляется с 1817 по 1864 год. Странным образом куда-то исчезли с 1763 по 1817 годы. За это время была в основном покорена восточная часть Черкесии».

Что касается чеченцев, то они причисляют к событиям Кавказской войны не только более поздние по времени восстания в Чечне, но даже в двух раундах чеченской войны 20-го века видят логическое продолжение Кавказской войны: «Ваш Шамиль сдался в плен, а чеченцы продолжили войну вплоть до 20-го века». Пример кумыкского мнения на этот счет: «Пожалуй ни один кавказский народ не воевал с русскими дольше, чем кумыки, с 1560 по 1877 год».

Что касается постов о сражениях Кавказской войны, то авторы чаще всего описывают отдельные битвы, которые в достаточной мере известны. Это штурм Ахульго, взятие Гергебиля, взятие Гуниба, Ичкеринское и Салтинское сражения. Есть сражения, о которых пишут и знают в основном представители какого-то одного народа. Так множество черкесов отметились комментариями под постом о Кайтукинском сражении 1779 года. Представители других народов относятся с недоверием к таким сообщениям и часто называют их сказками. Но и взгляды на общеизвестные военные компании времен Кавказской войны сильно разнятся. Например, пост: «Даргинские воины в количестве 400 человек стали мучениками в битве при осаде крепости Ахульго». Вот ответный комментарий: «Это все сказки и никаких даргинцев в Ахульго не было!».

Образы героев

Чрезвычайно острой и спорной темой оказываются герои Кавказской войны. Во многих группах был выложен один и тот же список самых заметных участников Кавказской войны со стороны народов Кавказа. Озаглавлен он так: «Деятели Черкессии, Абхазии, Имамата, Осетии, иностранцы, помогавшие горцам в войне с Российской империей». В комментариях разгорелись споры о том, кто настоящий герой, а кто «стяжал чужую славу и не отдался по настоящему правому делу борьбы с захватчиками». Вот пример обмена мнениями между подписчиками: «Байсангур покончил жизнь самоубийством в 1861 году, а наиб Хаджимурад пал в бою в 1859 году. Шахид ИншаАллагъ и разрубил 17 кяфиров...», «Хаджимурад менял стороны чаще, чем ты носки, какой он Шахид?...Байсангур Шахид, которого повесили за то, что он пошел до конца, как мужчина и мусульманин».

Вообще, в группах размещается много постов про различных участников Кавказской войны, в основном это наибы Шамиля от разных народов, но есть и другие военные деятели. Сам Имам Шамиль – это отдельная тема для словесных баталий. Отношение к нему сильно разнится, и далеко не все считают его героем и главным действующим лицом Кавказской войны. Так, в нескольких группах был выложен фильм 1992 года «Рай под тенью сабель», посвященный Шамилю. Вот один из комментариев: «Внатуре, про этого предателя еще и фильм сняли». Шамиль подвергается нападкам по большей части со стороны чеченцев. Осуждают его главным образом за то, что он сдался в плен, а не погиб в борьбе с Российской империей, как должно «истинному предводителю мусульман». Кроме того, некоторые подписчики, которые позиционируют себя как правоверные мусульмане-сунниты не одобряют еще и причастность Шамиля к суфизму: «Суфизм, также как шиизм – зараза!».

Заключение

В одном из сообществ автором был найден комментарий, отражающий суть взаимоотношений представителей разных обществ Кавказа в русле обсуждения Кавказской войны: «Никто не хочет славой делиться, хоть правду напиши, хоть неправду».

Сегодня Кавказская война – это некий индикатор, степень и характер участия в ней определяет статус того или иного кавказского народа. Сами кавказцы часто пишут о том, что доблесть – это одно из важнейших качеств для них. Кавказская война оказывается источником той самой доблести, к которому можно обратиться как к последнему аргументу в любой неблагоприятной для «национальной гордости» ситуации.

В пространстве памяти различных сообществ Кавказская война принимает те формы, которые соответствуют их сегодняшним потребностям и самоощущению. Эта война может быть отправной точкой, из которой можно проследовать как в прошлое, так и в будущее относительно нее самой. Путь в прошлое уводит к дебатам о происхождении и историческом характере того или иного народа, из которых и выводится характер его участия в Кавказской войне. Путь в будущее доводит до споров о современных конфликтах на Кавказе различного масштаба, от локальных столкновений в пределах одного городского района до, например, войны в Чечне. На самом деле комментарии о Кавказской войне далеко не всегда сопутствуют постам о ней. Часто отсылки к Кавказской войне оказываются там, где разговор касается современных столкновений интересов различных кавказских сообществ или же политики федерального центра относительно республик Северного Кавказа.

Несмотря на все споры о том, какой народ достойнее показал себя во время Кавказской войны, множество людей пишут о том, что память об этой войне должна объединять, а не разделять кавказские народы: «К большому сожалению, мы не пришли до сих пор к выводу о том, что нам всем нужно быть вместе, по этой причине мы будем получать то, что заслуживаем». Часто авторы комментариев используют по отношению друг к другу обращение «брат»: «В этом и есть наша беда и наша глупость. Так было всегда, брат, никому не выгодно наше единство».

21 мая в группах публикуются посты в честь годовщины окончания Кавказской войны. Все они схожи между собой и имеют заголовки типа: «скорбная дата», «помним и скорбим» и т. п. Комментарии под ними обычно не содержат никаких споров и разногласий: «Братский поступок *(по поводу траурного*

шествия в день окончания войны), поддержка и солидарность», «Кавказ един!», «Солидарность – это хорошо».

Очевидно, что тема Кавказской войны может нести в себе объединяющий потенциал для кавказских народов. Но также очевидно, что единение это зиждется на принципе «против кого дружите», а дружат в данном случае против «России». Что понимается под «Россией» – это, в свою очередь, вопрос, который требует отдельного разъяснения. Вот хороший пример комментария, который был крайне одобрительно встречен подписчиками: «Цель таких мракобесов как вы – чтобы народы Кавказа оставались разрозненными и поработанными, находясь под прямой оккупацией русского кяфира, постоянно выпячиваясь, споря и конфликтуя между собой, решая, какой народ круче, какой народ более мусульманский, чем остальные, и кто кого предал в русско-кавказских войнах. Вот она политика “разделяй и властвуй” как работает. Но люди не хотят этого понимать!».

В современной литературе существует вполне резонное мнение, что мобилизация сообществ для участия в действиях радикального характера возможна, в том числе, путем актуализации существующих коллективных обид, которые могут находиться не только в поле актуальных экономических и политических претензий, но и в символическом поле социальной памяти [Cederman, 2013]. Любую память можно инструментализировать. Любая травматическая память имеет потенциал, который может быть использован в процессе радикализации того или иного сообщества.

Источники

История Кавказа https://vk.com/istoria_kavkaza
Кавказ сейчас https://vk.com/caucasus_now
Кавказ Факты https://vk.com/kvz_fact
Новости Кавказа <https://vk.com/kavkazws>
inforce <https://vk.com/vkinforce>
ChechenCenter <https://www.facebook.com/ChechenCenter/>
1Adat <https://t.me/IADAT>

Список литературы

Козловская А. Цифровая этнография. Тьюторил Анны Щетвиной и Полины Колозариди, 2017 (http://clubforinternet.net/school_18/)

ethnography?fbclid=IwAR3PNhYUV6eCeAFtwf8HLiKIN5q22wRhmCpDCE_hjN6LbFKeG9YPUJDyOKQ).

Почепцов Г. Как операции влияния, массовая культура и соцмедиа выстраивают новую реальность, 2018 (https://www.researchgate.net/publication/324783973_Kak_operacii_vliania_massovaa_kultura_i_socmedia_vystravaivaut_novuu_realnost_How_influence_operations_mass_culture_and_social_media_build_a_new_reality).

Почепцов Г. Уход медиа из информационного пространства в виртуальное, 2019 (<https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/23801/2019-11-17-ukhod-medya-yz-ynformatsyonnogo-prostranstva-v-vyrtualnoe/>).

Почепцов Г. Миры создаются и разрушаются в наших головах или как трансформации коммуникаций изменяют человечество, 2020 (https://www.researchgate.net/publication/339031172_MIRY_SOZDA_UTSA_I_RAZRUSAUTSA_V_NASIH_GOLOVAH_ili_KAK_TRANSFORMACII_KOMMUNIKACIJ_IZMENAUT_CELOVECESTVO).

Утехин И. Цифровая антропология, 2017 (<http://clubforinternet.net/school/lesson4?fbclid=IwAR1koKIJJGdxclEwKpYZnm30wQOLJPRcMvyzRh8phvILJdMRL6lStKoBGrM>).

Cederman L.-E., Skrede Gleditsch K., Buhaug H. Inequality, grievances, and civil war. Cambridge University Press, 2013.

della Porta D. Radicalization: A Relational Perspective. *Annual Review of Political Science*, 21:461–74, 2018.

Goodwin J. Review essays: What must we explain to explain terrorism? *Soc. Mov. Stud.* 3:259–65, 2004.

Haidt J., Rose-Stockwell T. The Dark Psychology of Social Networks, *The Atlantic*, December 2019 (<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/12/social-media-democracy/600763/>).

Hegghammer T. Terrorist recruitment and radicalization in Saudi Arabia. *Middle East Policy* 13(4):39–60, 2006.

McCauley C, Moskalenko S. Friction: How Radicalisation Happens to Them and Us. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2008.

Pentland A. Social Physics: How Good Ideas Spread – The Lessons from a New Science, New York, 2014.

Sageman M. Understanding Terror Networks. Philadelphia: Univ. Penn. Press, 2004.

Sageman M. Leaderless Jihad. Philadelphia: Univ. Penn. Press, 2008.

Wiktorowicz Q. Islamic activism and social movement theory. In *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*, ed. QWiktorowicz, pp. 1–33. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2004.

**ОЗНАЧАЮЩЕЕ БЕЗ ОЗНАЧАЕМОГО?
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

А.А. Кочергин

В настоящее время одним из устойчивых стереотипов о Краснодарском крае у многих не проживающих в нем россиян, скорее всего, является видение его как казачьего региона, территории кубанского казачества. Для жителей края такая репрезентация представляется не столь однозначной, она, по преимуществу, остается аморфной, что обуславливает относительно слабую региональную солидарность. Губернатор В.И. Кондратьев в 2016 г. целью социокультурного развития Кубани манифестировал возвращение казачьего уклада жизни, но по прошествии пяти лет все более становится очевидно, что и этот этап в наблюдаемом весь постсоветский период процессе культивирования краевыми элитами казачьей идентичности региона остается малорезультативным.

Организационное развитие кубанского казачества

В Краснодарском крае так называемое «движение по возрождению кубанского казачества», также как и аналогичные активности во многих других регионах бывшего СССР, было инициировано в позднесоветские годы энтузиастами-интеллектуалами, вспомнивших о своих корнях в условиях возникшего плюралистического социокультурного дискурса и расширения возможностей идентификационного выбора. Как отмечает, в частности, О.В. Рвачева, первоначальным содержанием данных инициатив было желание потомков казаков вернуть утраченные связи с прошлым своих предков, восстановить историческую правду о казаках и даже в какой-то мере сконструировать новую историю, в которой образ казака-патриота, опоры и защитника Отечества доминировал бы над всем остальным.

Обобщенно, основными идеями казачьего ренессанса провозглашались возрождение и сохранение истории и культурного своеобразия казачества, утверждение патриотического служения казачества в настоящем времени и возрождение казачества как народа [Рвачева, 2016: 131]. Следует признать обоснованным провозглашенный рядом исследователей тезис, что единственной основой для идентификации потомков казаков Российской империи как представителей казачества выступила «мобилизованная память», и современное казачье движение правомерно характеризовать как неоказачество [Маркедонов, 2005: 231–232]. Как декларируют представители третьей волны исследований памяти, практики производства памяти стали частью процесса производства идентичностей и формирования сообществ.

Неоказачье движение на первых порах развивалось стихийно, как низовая инициатива, одно из проявлений разнообразных перестроечных кружков по интересам. Организации, позиционирующие себя как казачьи, стали массово создаваться, в том числе и в Краснодарском крае, на рубеже 1980–1990-х гг. Общеизвестно, что институционализация кубанских неоказачей началась в 1989 г. с «Кубанского казачьего клуба», который создали члены кружка по изучению проблем военной истории России и казачества на историческом факультете Кубанского госуниверситета (г. Краснодар). Руководителем этих объединений был доцент кафедры дореволюционной истории СССР КубГУ В.П. Громов. Вскоре и другие казачьи организации появились по всему краю, и уже в октябре 1990 г. состоялось их общекраевое собрание – Всекубанский Учредительный съезд казаков, на котором была образована Кубанская казачья Рада, призванная стать объединяющей институцией кубанских казаков. При этом доминирующей самопрезентацией утвердилась манифестация кубанских казаков как этноса, отдельного народа, что, в частности, было закреплено в учредительных документах ККР. Так, в ее уставе отмечалось: «Кубанская казачья Рада представляет собой объединение представителей кубанского казачества и выходцев из него на основе совместной деятельности, восстановления и сохранения казачества как особой этнической группы населения России, имеющей равные права на самовыражение и культуру наряду с другими народами нашей страны» [Устав..., 2009: 261].

Уже советские органы власти в целом благосклонно отнеслись к казачьему активизму, а со сменой политического режима в стране обретшая большую самостоятельность краевая власть увидела в казачестве значимый мобилизационный ресурс. Поначалу не обошлось без эксцессов. Первый постсоветский губернатор края В.Н. Дьяконов, проявивший в пылу чрезмерного реформаторства амбиции стать казачьим атаманом, вступил в конфронтацию со значительной частью институционализирующихся казаков, что обернулось организационным расколом в кубанском казачестве, попытках создать еще одну претендующую на гегемонию общекраевую казачью организацию. Но ККР продемонстрировала себя как сильного политического актора, способного на активные протестные действия. В свою очередь, инициированные губернатором, прежде всего социально-экономические, управленческие решения не нашли поддержки ни среди широких слоев населения, ни среди местной элиты, и уже в декабре 1992 г. В.Н. Дьяконов был освобожден с поста главы администрации Краснодарского края.

При последующих губернаторах произошла нормализация отношений между региональной властью и казачьими активистами, ориентированная на учет интересов друг друга. Элитные круги края признали в казачестве потенциал в конституировании субъектности региона, казачьи лидеры обеспечили консолидацию своего сообщества и желаемую организационную гегемонию. Еще в 1992 г. ККР была преобразована во Всекубанское казачье войско, а после включения его в 1998 г. в Государственный реестр казачьих войск РФ – в Кубанское войсковое казачье общество «Кубанское казачье войско». Со стороны властей вектор на институциональную монополию в казачьем движении был закреплен в краевом законе «О реабилитации кубанского казачества», в частности, в ст. 9 постулировалось, что «на территории Краснодарского края может быть создано только одно краевое кубанское казачье этническое общество».¹

Уже при губернаторе края Н.И. Кондратенко (1996–2001 гг.) казачьи руководители были инкорпорированы в региональные

¹ Закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. № 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества».

органы власти. Так, атаман ККР-ВКВ-ККВ В.П. Громов после того как пробыл депутатом Законодательного собрания Краснодарского края первого созыва (1994–1998 гг.), в котором возглавлял комитет по вопросам местного самоуправления и делам казачества, в 1998–2000 гг. занимал пост заместителя главы администрации Краснодарского края, в 2000–2007 гг. – руководителя краевого департамента по делам казачества и военным вопросам. В 2000-ые гг., при губернаторе края А.Н. Ткачеве (2001–2015 гг.), поступательно оформилось практическое слияние и поглощение реестрового кубанского казачества краевой властью, символом чего стало избрание, а по факту назначение атаманом ККВ в 2007 г. до этого никак не манифестировавшего свою принадлежность к казакам вице-губернатора края Н.А. Долуды.

К 2020-м гг. ККВ предстает уже не столько как самостоятельный актер, сколько как подчиненная структура краевых властей. И отсутствие более года из-за чиновничьих игр в администрации края войскового атамана, после того как в ноябре 2019 г. Н.А. Долуда был назначен Президентом РФ атаманом Всероссийского казачьего общества, служит наглядным подтверждением данной ситуации. Только после того, как утряслась кадровая чехарда среди власть предержащих, и вице-губернатором, курирующим вопросы физической культуры, спорта и казачества, стал А.И. Власов, кандидатура последнего была поддержана на выборном сборе ККВ как нового атамана войска.

Социокультурные факторы конструирования казачьей идентичности региона

Одним из определяющих факторов симбиоза власти и казачества, выбора стратегии по конструированию казачьей идентичности региона следует признать наблюдающийся все эти годы массовый миграционный приток в Краснодарский край и сопровождающий его конфликтный дискурс. Пики миграционного прироста населения пришлось на начало 1990-х и 2010-х гг., когда положительное сальдо миграции ежегодно достигало до 100 тыс. человек, но даже на минимуме в начале 2000-х гг. оно превышало 10 тыс. человек. «Борьба с мигрантами» уже с конца 1980-х гг. утвердилась как один из основных инструментов по-

литики по консолидации краевого сообщества и обеспечению поддержки региональной власти со стороны местных жителей. В данных условиях кубанское казачество представало органичным партнером для краевой элиты, поскольку антагонизм казаков и «пришлых» и по сей день выступает конституирующим фактором казачьей идентичности [Кочергин, Мигранты как..., 2018: 99–105].

Немаловажным обстоятельством явилось и то, что у краевых властей фактически был крайне узкий выбор социокультурных авторитетов, на которых можно было опереться в идентификационном конструировании региона. Своего рода визитными карточками края, обладавшими соответствующим потенциалом, были прежде всего те деятели культуры, которые выступали проводниками казачьего проекта. В широком публичном пространстве кубанская культура если с кем и персонализировалась, то больше всего с В.Г. Захарченко и Кубанским казачьим хором в области музыкального творчества, В.И. Лихоносовым и его романом «Наш маленький Париж» в литературе. Изначально и все последующее время всемерную поддержку казачьему возрождению демонстрировали и представители Русской православной церкви (Московский Патриархат). При этом активным поборником идеи оказывания края проявил себя архиепископ Исидор (с 2001 г. митрополит Екатеринодарский и Кубанский), возглавивший Краснодарскую и Кубанскую епархию еще в 1987 г. (умер в 2020 г. от последствий COVID-19).

На казакоцентризме оказалась сфокусирована и местная историческая наука, а в еще большей степени ее популяризаторы. В концептуальном наполнении данного дискурса значительную роль сыграли разработки этнографа Н.И. Бондаря (одновременно работавшего в Кубанском госуниверситете, Краснодарском институте культуры и в Центре народной культуры Кубани под руководством В.Г. Захарченко) по обоснованию истории кубанского казачества как этнической. Согласно им, кубанское казачество – результат не только (и не столько) политических, но этнокультурных и этносоциальных процессов: «По своей сути казачество, несмотря на конкретные акции правительства, сословием в точном смысле этого слова не было» [Бондарь, 2003: 252]. В данном случае речь необходимо вести о возникновении новой этнической общности с такими признаками, как общая

территория, наличие специфических черт в языке и культуре, самоназвание и двойное самосознание.

В соответствии с концепцией Н.И. Бондаря, этногенез кубанских казаков полиэтничен в своей основе. В него вливался не только славянский компонент – преобладающий, но и незначительное количество представителей других народов (адыги, греки, цыгане и др.). Тем не менее «на Кубани в качестве исходных этноопределяющих начал выступили два компонента – русский и украинский» [Бондарь, 2003: 243]. Формирование кубанского казачества как этнической общности проходило в несколько этапов. На первом – «примерно с 1792–1794 гг. по 1850-е гг. включительно – шло складывание украинской и русской казачьих этнографических групп» [Бондарь, 2003: 246], определяющими являлись внутриэтнические консолидационные процессы. С 1860-х гг. начался новый этап в этнической истории кубанского казачества, характеризовавшийся усилением ассимилятивных и консолидационных процессов на межэтническом уровне. «Во второй половине XIX в. на Кубани формируется единое этнокультурное пространство. Итогом этнокультурных и этнических процессов объединительного характера стало зарождение особого самосознания и самоназвания – кубанские казаки» [Бондарь, 2003: 247]. При этом отмечается, что, начиная со второй половины 1860-х гг., казачье население на Кубани не составляло абсолютного большинства, во многих станицах иногородние преобладали. Однако их влияние на казачью культуру признается минимальным, и утверждается, что имела место адаптация пришлого населения к местной культуре.

В советский период определяющей была антиказачья политика со стороны государства, которая «приводит к резкому снижению этнического статуса кубанского казачества» [Бондарь, 2003: 248]. На этом этапе последнее превращается в этническую группу. А уже с 1990-х г. можно говорить о возрождении кубанского казачества как субэтноса. Данная концепция была ретранслирована в различных учебных пособиях по истории региона для всех уровней образования, стала базовой для краеведческих публикаций в СМИ.

В 2000-ые гг. мейнстримом местного историописания, все более выступающего мифом основания, утвердилось постули-

рование, что «настоящая» история края начинается с Жалованной грамоты Екатерины II (1792 г.) и переселения на Кубань черноморских казаков в конце XVIII в., а до этого данная территория характеризуется как неосвоенный край, некий «исторический коридор». Как отметил Д.В. Сень, «именно этот период активно пропагандируется в качестве онтологического Начала в истории региона и того исторического “водораздела”, который отделяет его “русскую” составляющую прошлого от “нерусской”» [Сень, 2008: 32]. При этом и последующая история Кубани преимущественно преподносится как поле свершений казаков, другие ее акторы остаются на периферии исторического нарратива. На манифестации такой версии сфокусирована и реализуемая властями Краснодарского края историческая политика, квинтэссенцией которой могут служить слова губернатора В.И. Кондратьева: «Не было бы казаков – не было бы и нынешней Кубани. За короткий срок казаки из фактически пустой земли, которая им была дарована, смогли сделать самый благодатный край России» [Вениамин Кондратьев]. Ее идеологическое содержание сконцентрировано на утверждении кубанских казаков как патриотов и государственников, защитников православия и интересов Отечества [Кочергин, Не было бы..., 2017: 150–153].

Проблемой для логической стройности и убедительности такого исторического дискурса выступает прерывание казачьей истории (или даже ее конец) в советский период, обусловленное прежде всего открытой репрессивной политикой большевистского государства в отношении казачества на первом этапе своего становления. Это неудобство пытаются преодолеть посредством переноса фокуса внимания на значимость современных практик по восстановлению казачьего исторического наследия, стараясь не акцентироваться на том, что привело к необходимости процесса такого возрождения. При этом презентация казаков как репрессированного народа остается одной из конституирующих мифологем современной идеологии кубанского казачества, она закрепилась как одна из содержательных линий их коммеморативных практик. В частности, значимую часть проводимых ККВ поминовений составляют мероприятия, посвященные трагическим событиям гражданской войны конца 1910-х – начала 1920-х гг., случаям массового убийства казаков

большевистскими отрядами [Кочергин, Дискурс репрессированного народа ..., 2018: 53–56].

Символическая политика властей Краснодарского края

Политика оказывания края реализуется посредством использования широкого репертуара символических форм презентации. Прежде всего, акцент на казачью идентичность Кубани как субъекта новой Российской Федерации был закреплен в учреждающих его документах и символах. В принятом в 1997 г. Уставе Краснодарского края² регион был объявлен «исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края», и первоначально предполагалось даже учитывать данное обстоятельство при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (этот тезис был убран из документа в 2001 г.). Казачьи прототипы имеют в своей основе утвержденные в 1995 г. официальные символы Краснодарского края: герб – изображение исторического герба Кубанской области (1860–1918 гг.); флаг – цвета флага Кубанского края (1918–1920 гг.); гимн – стихотворение К. Образцова (полкового священника о. Константина), положенное на музыку и как песня «Ты, Кубань, ты, наша родина» получившее популярность среди казаков Кавказского фронта Первой мировой войны, а в последующие революционные годы воспринимавшееся как кубанский гимн. Последние два на момент принятия краевого закона «О символах Краснодарского края»³ были официальными символами Всекубанского казачьего войска.

Выделяющимся казачьим дискурсом отличается наградная система Краснодарского края. Наряду с высшими краевыми наградами «Герой Кубани», «Герой труда Кубани» и медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани», имеющей три сте-

² Закон Краснодарского края от 18 июля 1997 г. № 95-КЗ «О внесении изменений и дополнений в Государственный Устав Краснодарского края».

³ Закон Краснодарского края от 5 мая 1995 г. № 5-КЗ «О символах Краснодарского края».

пени, отдельным законом учреждены награды Краснодарского края за вклад в дело служения кубанскому казачеству.⁴ Таковыми к настоящему времени являются: орден «За выдающийся вклад в развитие кубанского казачества», медали «Князь Григорий Потемкин», «Атаман Антон Головатый», «Атаман Захарий Чепега» и учрежденная в феврале 2019 г. «Ветеран Кубанского казачьего войска».

Исключительная значимость казачьим истеблишментом была предана кампании по возвращению в Россию регалий исторического Кубанского казачьего войска, тем более что в ходе всех коллизий XX в. практически полностью сохранилась коллекция регалий только кубанских казаков, других же войск были утеряны. Она представляет собой пожалованные казакам за особые заслуги представителями высшей государственной власти Российской империи предметы и знаки, включая знамена, прапоры, значки, булаву, перначи, насеку, литавры, печати, оружие и мундиры, а также ряд других вещей, в том числе и оригинал Жалованной грамоты Екатерины II от 30 июня 1792 г.

Регалии олицетворяют доблесть кубанских казаков, считаются главной святыней войска и для обоснования исторической преемственности имеют первостепенное значение. В 1920 г. они были вывезены из России, и уже после Второй мировой войны оказались в США. Все это время сохранявшиеся предметы находились во владении Кубанского казачьего войска за рубежом. Надежды на возвращение регалий краснодарские активисты стали высказывать с нач. 1990-х гг., однако американские казаки преимущественно неодобрительно относились к данной идее, увязывая возможность ее реализации лишь тогда, когда в России установится стабильная антикоммунистическая власть, прочные позиции займет ККВ, будет восстановлена историческая справедливость в отношении казачества.

Страстным сторонником возвращения регалий проявил себя губернатор края А.Н. Ткачев, и, мобилизовав все возможные ресурсы вплоть до инициирования судебных разбирательств в американских судах, краснодарской стороне в ходе трудных

⁴ Закон Краснодарского края от 1 июля 2008 г. № 1518-КЗ «О наградах Краснодарского края за вклад в дело служения кубанскому казачеству».

длительных переговоров удалось добиться согласия зарубежных кубанских казаков на возврат регалий в Россию. В октябре 2006 г. в г. Краснодаре был подписан договор о передаче регалий краевым властям. С 2007 г. в несколько этапов происходило фактическое их возвращение, и в октябре 2011 г. поступила последняя партия. В настоящее время коллекция регалий состоит из 247 предметов, значимая часть которых выставлена в самостоятельной экспозиции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Процесс возвращения реликвий сопровождался масштабной медийной кампанией, так что об их существовании и значении узнало большинство жителей края. Сейчас некоторые из предметов активно используются на различных казачьих мероприятиях, а посещение указанной музейной экспозиции постулируется необходимым условием воспитательной работы со школьниками.

Не менее резонансно, но с неудовлетворительным пока для краевой элиты результатом происходила реализация идеи по возвращению краевой столице Краснодару первоначального названия Екатеринодар. Такое переименование играет значительную символическую роль, постулируется необходимым условием для утверждения казачьей идентичности региона. Но каждый раз, как этот вопрос выносился в повестку дня, большинство горожан демонстрировало негативное отношение к данной инициативе [Кочергин, 2006: 47–50]. Последняя попытка его актуализации была предпринята в мае 2014 г. на волне патриотического подъема в связи с крымскими событиями, актуализировавшими, среди прочего, и исторический дискурс о славных свершениях эпохи Екатерины II. Как аргументировал необходимость переименования тогдашний мэр краевой столицы В.Л. Евланов, «историческая справедливость должна восторжествовать. Как Крым вернулся в Россию, так и Краснодар должен вернуть свое исконное название, полученное с рождения. Это будет правильно» [Кочергин, 2016: 610–611]. Однако результаты проведенного по заказу краснодарских властей социологического исследования показали, что за переименование выступили только 21,5% опрошенных, после чего вопрос в очередной раз был снят с повестки дня.

Продуктивной стратегией по приучению жителей края к идее казачьей идентичности региона выбрано обеспечение ши-

рокого визуального присутствия казачьего символизма в повседневной жизни кубанцев. Ставка сделана на то, чтобы как можно больше наблюдаемого в окружающей действительности напоминало им об этом. В фокусе соответствующей активности прогнозируемо оказалась краевая столица. Как это водится, не обходится и без перегибов. Так, во второй половине 2000-х гг. в рамках очередной кампании по инициированию переименования Краснодара в Екатеринодар, наряду с соответствующими памятными табличками, указывающими как называлась та или иная улица в досоветский период, в городе появились, например, и уличные урны со стилизованным изображением вензеля императрицы Екатерины II.

Однако материальное воплощение культивируемой казачьей идентичности региона призваны олицетворять, прежде всего, архитектурные сооружения, позиционируемые как его визитные карточки. В контексте гегемонии дискурса казачьего возрождения первостепенное значение было придано восстановлению памятников прошлого, уничтоженных в советский период. Старт данной практике еще при губернаторе края Н.И. Кондратенко положило восстановление памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска. Первоначальный обелиск был сооружен в 1897 г. и разобран в начале 1930-х гг. Выбор именно этого объекта обусловили как значимость связанного с ним исторического дискурса, так и прагматические соображения. Без особых усилий его можно было соорудить на том же самом месте в центре города, являющегося сейчас одним из самых посещаемых, а изначально незатейливые архитектурные решения памятника позволяли восстановить его в прежних формах и ограничиться относительно небольшими расходами на соответствующие работы. Во время празднования 300-летнего юбилея Кубанского казачьего войска в октябре 1996 г. состоялась закладка нового монумента, а торжественно он был открыт уже 16 октября 1999 года.

Масштабное строительство развернулось при губернаторе края А.Н. Ткачеве, при этом историческая аутентичность объектов порой была принесена в угоду нынешним политическим интересам. Войсковой собор святого благоверного князя Александра Невского возвели на новом месте, в начале центральной улицы краевой столицы – Красной. Исторический Александро-

Невский войсковой собор, освященный в 1872 г. и взорванный в 1932 г., находился на Базарной площади Екатеринодара (в настоящее время это сквер напротив здания краевой администрации). В 2000 г. состоялся конкурс проектов на воссоздание собора, тогда же было решено восстановить его на новом месте. В декабре 2003 г. прошла торжественная церемония закладки камня на месте будущего храма, в мае 2006 г. он был освящен.

Памятник императрице Екатерине II воздвигли на прежнем месте, но архитектурный комплекс был творчески переработан современным скульптором А.А. Аполлоновым. Сооружение первоначального монумента было приурочено к столетнему юбилею переселения на Кубань казаков Черноморского войска. В сентябре 1896 г. прошла торжественная закладка памятника, открыт он был только в мае 1907 г. В 1920 г. монумент был демонтирован, а в 1931 г. сдан на переплавку. В 2002 г. принимается постановление главы администрации Краснодарского края «О воссоздании памятника Екатерине II в городе Краснодаре», и в сентябре 2006 г. состоялась торжественная церемония открытия комплекса. Однако не все архитектурные решения автора были воплощены до конца из-за его финансовых разногласий с властями, и композиция так и стоит с некоторыми недоделанными элементами.

На новом месте была построена Александровская триумфальная арка. Изначально ее соорудили в 1888 г. на участке дороги, ведущей от железнодорожного вокзала к центру города, в честь приезда в Екатеринодар императора Александра III. В 1928 г. она была разрушена. В 2006 г. принимается решение восстановить архитектурный памятник. Поскольку чертежи разрушенной арки не сохранились, современным архитекторам пришлось воссоздавать памятник по фотографиям. Сооружать ее решили на аллее все той же улицы Красной. Открытие новой арки состоялось в апреле 2009 г. Одновременно рядом с аркой был открыт памятник св. Екатерине, ранее в городе не существовавший.

Большую символическую нагрузку призван нести другой новый для города архитектурный объект – памятник Кубанскому казачеству, воздвигнутый у входа в здание краевой администрации. Конкурс на лучший проект монумента был проведен в

2003 г., и изначально предполагалось, что он будет посвящен кубанским казакам – *основателям* Кубани, о чем свидетельствовала надпись на закладном камне. При этом в конной статуе планировалось отразить образ казака-запорожца в шароварах и с оселедцем, прототипом которого выбрали А.А. Головатого, войскового судью Войска верных черноморских казаков, возглавлявшего один из переселенческих отрядов. Однако когда уже был отлит каркас статуи, разразился российско-украинский пограничный конфликт вокруг косы Тузла, в котором оказался активно задействован губернатор края А.Н. Ткачев, манифестировавший откровенно антиукраинскую позицию [*Кочергин*, 2003: 42–46]. В таких обстоятельствах предполагавшаяся визуализация памятника была оценена краевым истеблишментом как неприемлемая, ее концепцию пришлось менять, и в конечном итоге на монументе предстал казак в черкеске и папахе, с полковничьими погонами на плечах и полным бантом солдатских георгиевских крестов на груди. Торжественное открытие памятника состоялось 7 апреля 2005 г., на Благовещение, а относительно его атрибуции решено было ограничиться надписью «Кубанскому казачеству посвящается».

Реальность казачества в современной жизни должно подтверждать и как можно широкое непосредственное присутствие казаков как осязаемых субъектов в повседневной жизни кубанцев. На обеспечение этого условия ориентированы усилия по регулярному проведению церемониала «Час славы Кубани», когда в теплое время года по воскресеньям в полдень почетный караул ККВ проводит шествие по ул. Красной и церемонию развода караула у памятника Кубанскому казачеству. Во многом данную роль играет и ежегодный апрельский парад ККВ, приуроченный к дате принятия закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»,⁵ в котором к таковым отнесено и казачество. Парад проводится с 1992 г., но в 2000-ые гг. данной практике был придан большой масштаб, мероприятие в прямом эфире стала транслировать краевая телерадиокомпания «Новое телевидение Кубани». В последние годы в нем принимает уча-

⁵ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов».

стие до 10 тыс. человек, в том числе помимо непосредственно самих казаков, представляющих все отделы войска, еще и учащиеся казачьих классов и кадетских корпусов. Непременными участниками мероприятия являются и руководители края, с приветственной речью выступает глава региона.

Не в последнюю очередь указанную функцию призваны реализовывать и получившие распространение в 2010-ые гг. такие формы деловой активности казаков как профессиональные дружины по охране общественного порядка и ЧОПы. На начало 2021 г. соответствующие казачьи дружины действовали во всех 44 муниципалитетах края, и в общей сложности 1768 казаков оказывали на постоянной основе помощь полиции, участвуя в патрулировании улиц городов, станиц края и на пунктах пропуска на объектах транспортной инфраструктуры.

Во время действия режима карантина в связи с пандемией COVID-19 2700 казаков было привлечено в состав мобильных отрядов самоконтроля. В контексте позитивной репрезентации участия казаков в обеспечении общественной безопасности исключительно большое значение придается их привлечению к охране порядка во время крупнейших спортивных (зимняя олимпиада 2014 г., чемпионат мира по футболу 2018 г. и т.п.) и иных мероприятий.

В целом же, во время проведения различных массовых акций краевого или федерального уровня на помощь сотрудникам полиции по охране общественного порядка во всех населенных пунктах края одновременно выходит до 5 тыс. казаков. В казачьих ЧОПах уже работает порядка 2,2 тыс. человек. Под их охрану переведено более 2 тыс. объектов краевой и муниципальной собственности, в том числе многие школы, детские сады, спортивные сооружения. В период курортного сезона установилась практика взятия под охрану ЧОПами ККВ имущества муниципальной собственности, находящегося на набережных в городах Черноморского побережья, то есть фактическое их патрулирование казаками. Среди прочего, тем самым обеспечивается как можно максимальное визуальное присутствие казаков. Как подчеркнул атаман ККВ Н.А. Долуда, обосновывая необходимость привлечения казачьих ЧОПов к охране образовательных учреждений, «ребенок, который заходит в школу, должен видеть, что его

охраняет казак в казачьей форме, это тоже элемент воспитания и возвращения казачьего уклада жизни» [Николай Долуда...].

Интенсификации распространения казачьего компонента в краевой системе образования региональной элитой придается первостепенное значение, и в последние годы уже манифестируется цель его присутствия на всех уровнях: от детских садов до вузов. С середины 2000-х гг. во всех общеобразовательных учреждениях края как обязательный предмет для всех возрастов было введено «Кубановедение», ведущее место в котором занимает репрезентация региона как казачьего. Параллельно краевыми властями поступательно реализовывалась идея развития непосредственно казачьей системы образования. Еще в 1996 г. в г. Краснодаре открывается первый в крае казачий кадетский корпус (в настоящее время их уже семь, в них обучается порядка 1200 ребят). В школах сначала по инициативе энтузиастов образуются казачьи группы и классы, в 2000-ые гг. этой практике придается официальный институциональный статус, а в 2016 г. по настойчивому предложению губернатора края В.И. Кондратьева казачьи классы в обязательном порядке формируются во всех общеобразовательных учреждениях края.

Одновременно интенсифицируется процесс по приданию школам статуса «казачьих». В конце 2020 г. таковых в крае насчитывалось уже 67, всего же в школах функционировало порядка 4,5 тыс. казачьих классов и групп, и в совокупности казачьим образованием было охвачено более 97 тыс. школьников. С 2018 г. активизировалось насаждение казачьего компонента в дошкольных образовательных учреждениях. Опыт отдельных энтузиастов по организации детсадовских казачьих групп по инициативе атамана ККВ Н.А. Долуды было решено распространить по всему региону вплоть до создания казачьих детсадов. И менее чем за год статус «казачья образовательная организация» получили более десятка детсадов, а к концу 2020 г. таковых насчитывалось уже 25.

Отличительными характеристиками казачьих образовательных структур выступают как дополнительные учебные дисциплины (кубановедение, основы православной культуры, история кубанского и российского казачества, традиции кубанского казачества (декоративно-прикладное творчество, фольклор), курсы

военно-спортивной направленности), так и ношение учащимися специальной форменной одежды, соответствующим образом стилизованной (в ноябре 2019 г. был утвержден единый стандарт такой формы).

Казачью репрезентацию региона призваны осуществлять и другие элементы символической инфраструктуры. Так, с 2011 г. началось вещание радиостанции «Казак FM», подконтрольной администрации края. Основу программной политики радиостанции составляют фольклорные и современные казачьи песни, а также авторский контент о казачьих культуре, истории, традициях и самобытности региона. В 2009 г. в станице Тамань был открыт «Выставочный комплекс «Атамань», на создание которого власти мобилизовали ресурсы всех муниципалитетов края. На площади более 60 га раскинулась стилизованная казачья станица, представляющая собой, как гласит сайт организации, «эталон кубанской казачьей культуры, чрезвычайно разнообразной, красивой и щедрой. Это крупнейший и единственный в своем роде выставочный комплекс под открытым небом, который перенесёт Вас на сотни лет в прошлое и позволит почувствовать дух казачества, негибаемой воли и бескрайней свободы» [О нас]. Согласно официальным отчетам об итогах деятельности «Атамани», в курортный сезон здесь проводится до 20 культурно-массовых мероприятий, а в целом данный объект этнотуризма ежегодно посещает порядка 130 тыс. человек.

Отношение жителей края к конструированию казачьей идентичности региона

Таким образом, краевая элита уже длительное время прилагает разнообразные усилия по конструированию казачьей идентичности региона, однако вопрос результативности данной политики остается открытым. Приходится констатировать, что в крае слабо развита социологическая экспертиза, тем не менее, имеющиеся данные исследований позволяют сделать некоторые наблюдения. Прежде всего, активность властей по оказыванию края не остается незамеченной его жителями: «Мы здесь на каждом шагу видим вот этот медийный образ казака, который стал самым популярным. Только заезжаете в Краснодар, вас

встречают на плакатах везде казаки. Просто даже захотите, не ошибетесь, что вы в Краснодаре, что вы в казачьем крае». ⁶ Воспринимают они ее преимущественно спокойно, без сильных эмоциональных переживаний, что во многом обусловлено тем, что рассматривается данная политика идентичности как нечто внешнее, не касающееся непосредственно самих жителей края: «Конечно же, говорят, что мол, зачем нам это нужно, но в основном, к этому относятся просто спокойно, как к некой прихоти властей и т. д.».

Обуславливается такое отношение еще и тем, что транслируемый исторический дискурс оценивается как однобокий, имеющий тенденцию опускать отрицательные моменты прошлого, все упрощающий. Это провоцирует индифферентность к официальной исторической политике, насаждаемому краеведческому уклону в образовании, но вместе с тем и настороженность возможными последствиями в случае глубокого и тщательного погружения в историю: «Сейчас положение очень зыбкое. С одной стороны, мы поднимаем интерес к истории, к нашей родине, а с другой стороны, если мы будем укреплять этот интерес, люди начнут копать, и вот здесь уже начнутся проблемы».

Отношение к современным казакам демонстрируется скорее скептическое, преемственность их с историческими казаками ставится под сомнение, как и возможность возрождения сути казачества в условиях XXI в.: «Да, действительно, в последнее время очень сильно стал подниматься вот этот дух, что мы казаки, казачество. Но, скажем так, многие люди, особенно молодежь, не задумываются о том, кто же были такие казаки, и что же они из себя представляют... Молодежь считает, что это просто некий фарс и некий стиль, как сейчас это модно». При этом не отрицается наличие кубанской идентичности, но она не определяется этническими коннотациями и актуализируется преимущественно в случаях выезда в другие регионы. В свою очередь, жители края из числа недавно в него переселившихся, а их

⁶ Материалы фокус-группы, проведенной в г. Краснодаре в августе 2016 г. в ходе реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» в Южном федеральном округе.

доля в населении региона становится лишь все больше, склонны подчеркивать минимальное присутствие регионалистской артикуляции в повседневной жизни: «Здесь я себя чувствую очень комфортно, я не слышу от молодежи на каждом шагу какие-то возгласы по поводу Кубани, я не думаю, что на повседневном уровне люди делают на этом акцент. Это может возникнуть спонтанно, как среди молодежи, так и не молодежи, например, в связи с какими-то праздниками» [*Кочергин*, Казачья идентичность ..., 2017: 99–100].

Можно констатировать, что реализуемая властями края политика идентичности не резонирует с представлениями его жителей. Исследования современной социокультурной ситуации в Краснодарском крае преимущественно свидетельствуют о том, что у местного населения сложилось несколько типов локальной идентичности с различной степенью комплиментарности между собой и идентичностью общероссийской. Такая гетерогенность объясняется как пространственной протяженностью края, так и сложной и противоречивой историей его заселения в последние 200 лет. Как представляется, можно выделить следующие виды локальной идентичности: кубанская (казачья), космополитичная городская, причерноморская и адыгско-шапсугская [*Савин*, 2017: 60]. И.С. Савин отмечает, что предпринимаемые краевой властью усилия по утверждению казачьей идентичности как базовой для всего населения пассивно воспринимаются в большинстве своем русскими и рождают скрытое неприятие со стороны нерусского населения, что без особых усилий может привести к возникновению линий отчуждения в обществе. «Для изменения ситуации в социуме необходимо предусмотреть и разработать нарративы, объясняющие включение в символический народ Краснодарского края нерусского населения, привлеченного для освоения региона в период после завершения Кавказской войны, и потомков шапсугов, оставшихся после завершения военных действий. Это позволит укрепить взаимодоверие и внутреннее единство среди жителей края и существенно снизит риски внешнеполитического воздействия» [*Савин*, 2017: 67–68].

Однако кубанские власти остаются непреклонными в своей символической политике. Так, в апреле 2019 г. практически молниеносно произошло переименование площади перед здани-

ем Законодательного собрания Краснодарского края в Казачью. Соответствующие формальные процедуры были осуществлены в течение нескольких дней. Такая быстрота принятия решения, как и в целом его необходимость, вызвали недоумение общестственности, а публичная реакция в соцсетях оказалась по преимуществу негативной.

Представляется, что солидаристский потенциал скорее могут содержать нарративы, артикулирующие поликультурность региона, а акцент на его разнообразное культурное и историческое наследие должен совмещаться и переплетаться с распространением и поддержкой современных форм культуры и организации жизненного пространства. Пример того колоссального со стороны жителей края внимания и одобрения, которые сопутствуют инициативам последних лет местного предпринимателя-миллиардера С.Н. Галицкого по преобразованию в русле актуальных урбанистических идей городской среды краевой столицы (построенный парк ФК «Краснодар» уже стал ее визитной карточкой), свидетельствует о значительном потенциале такого социокультурного дискурса для конструирования региональной идентичности, которую готова будет позитивно воспринимать и интериоризировать значительная часть населения.

Выводы

Краснодарский край отличается культурным многообразием своего населения, сосуществованием разных видов локальных идентичностей. Наблюдавшийся весь постсоветский период массовый миграционный приток только способствовал интенсификации этнокультурной пестроты региона. Движение по возрождению кубанского казачества, несмотря на свой институциональный успех, так и не стало действительно массовым, и для большинства жителей края предстает как одна из субкультур, скорее воспринимаемая как инсценировка прошлого, чем соответствующая актуальности настоящего времени и обладающая потенциалом для будущего.

В этих условиях одновекторность политики местных властей по культивированию казачьей идентичности края, реализуемая посредством навязывания разнообразных соответствующих культурных практик и потребляющая значительные бюд-

жетные ресурсы, не резонирует с социокультурными представлениями подавляющей части населения, выступает фактором, в том числе и межэтнической, напряженности и потенциальной конфликтности, негативно сказывается на достижении единения и солидарности регионального сообщества. Более продуктивной видится переориентация краевой идентификационной политики на презентацию поликультурности края, ставшего родной землей для выходцев из всех регионов России, в котором богатое этнокультурное наследие находится в симбиозе с актуальными общероссийскими культурными практиками.

Список литературы

- Бондарь Н.И.* Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Российское казачество / Отв. ред. Т.В. Таболина. М., 2003. С. 241–255.
- Вениамин Кондратьев: не было бы казаков – не было бы и нынешней Кубани // РИА Новости, 28.08.2017 (<https://ria.ru/interview/20170828/1501219729.html>).
- Кочергин А.* Строительство дамбы на косе Тузла // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 52.
- Кочергин А.* Дебаты о переименовании Краснодара // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. № 68.
- Кочергин А.А.* Мониторинг этнополитической ситуации: Краснодарский край // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Т. 2 / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М., 2016.
- Кочергин А.А.* Казачья идентичность, историческая память, этнический дискурс: случай кубанского казачества // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / Под ред. А.К. Аликберова (отв. ред.), И.С. Савина, А.Ю. Скакова, Л.И. Цвижбы. М.: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2017.
- Кочергин А.А.* «Не было бы казаков – не было и нынешней Кубани»: официальная историческая политика в Краснодарском крае // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18–20 октября, 2017 г.). Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СКФУ, 2017.

- Кочергин А.А.* Дискурс репрессированного народа в этнической идентичности кубанского казачества // Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции: материалы научно-практической конференции 12 октября 2018 г. / отв. ред. Р.В. Евстифеев. Владимир, Владимирский филиал РАНХиГС, 2018.
- Кочергин А.А.* Мигранты как значимый «Другой» кубанского казачества // XII Ждановские чтения «Формирование российской, этнонациональной и национально-гражданской идентичностей в региональных сообществах на Юге России». Материалы Всероссийской научной конференции (18–19 октября 2018 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018.
- Маркедонов С.М.* Неоказачество Дона, Кубани и Ставрополья как социально-политический феномен постсоветской России // Кавказский сборник. Т. № 2 (34). М., 2005.
- Николай Долуда:* «На Кубани должно быть, как минимум, миллион казаков» // Администрация Краснодарского края, 17.02.2016 (<https://admkrain.krasnodar.ru/content/1239/show/406987>).
- О нас // Государственное автономное учреждение культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс «Атамань» (<http://www.atamani.ru/o-nas/istoriya-atamani>).
- Рвачева О.В.* Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4.
- Савин И.С.* Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе (по материалам полевых исследований 2016–2017 гг.) // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / Под ред. А.К. Аликберова (отв. ред.), И.С. Савина, А.Ю. Скакова, Л.И. Цвижбы. М.: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2017.
- Сень Д.В.* «Контролеры памяти» и этногенетические построения: к вопросу о роли исторических мифов в «войнах памяти» // История края как поле конструирования региональной идентичности: Материалы семинара, проведенного ВолГУ и Ин-том Кеннана Международ. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
- Устав Кубанской казачьей Рады // Бурмагин А. Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей Раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 гг. Краснодар, ООО фирма «Пульс-Софт», 2009.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

А.Б. Бугаев

Введение

Историко-культурная и этническая тематика в учебно-научном и общественно-политическом дискурсе не только Северного Кавказа, но и всей России в целом занимает исключительно важное место. Наше Отечество – Россия – многонациональное и поликонфессиональное государство. Процесс его формирования был длительным, многомерным, противоречивым, на отдельных этапах – драматическим. Но в целом траектория его развития, бесспорно, была поступательной.

Существует точка зрения, что «исторический опыт мирного сосуществования и сотрудничества чеченцев и русских уходит своими корнями в VI–VII вв. нашей эры». Точно установлено, что первые, документально подтвержденные контакты представителей чеченских обществ, сегментов формирующегося этноса, и официальных представителей русской стороны имели место в конце XVI века. Можно констатировать, что эти «дипломатические» шаги скорее всего были стимулированы взаимными интересами, обусловленными масштабной исторической конъюнктурой в отношениях не только между народами, но и цивилизациями.

XVII–XVIII вв. – это, условно говоря, этапы расширения этих связей, их многообразия. Они вполне закономерно оказывали результативное влияние на процесс этногенеза горских народов, их эволюцию. Но были и ситуации взаимного недоверия, в результате чего происходили столкновения, в т.ч. и военного характера. Так произошло в 1785–1791 гг., когда вспыхнуло восстание под предводительством Шейха Мансура. В XIX

веке – 1818–1864 гг. – значительный период времени охвачен Кавказской войной. При этом следует отметить, что несмотря на эти серьезные коллизии во взаимоотношениях сторон, между ними устанавливались и усиливались заинтересованные и взаимовыгодные связи в социально-экономической сфере, в частности торговые и культурно-образовательные.

Эти важные сюжеты истории объемны и многогранны. Такие масштабные свойства характерны для процессов формирования национально-государственных сообществ народов различной исторической судьбы и неоднородных культурно-исторических типов. Здесь наряду с общими, базовыми компонентами научный интерес представляют и так называемые национально-культурно-государственные атрибуты, имманентно присущие реально существующим историческим акторам. Следовательно, в современных условиях, когда межгосударственные и межнациональные отношения подвергаются новым серьезным испытаниям, изучение исторического опыта совместного творчества народов имеет практическое и научно-познавательное значение.

Борьба за историю: актуализация темы

Нередко можно услышать и прочесть, что на современном этапе развития российского государства как никогда происходит и «борьба за историю». Сегодня такая актуализация многогранной задачи профессионального сообщества, бесспорно, важна. Ученые-историки Чеченской Республики в эту борьбу за историю, включая и национальную историю, вовлечены, можно сказать с конца 50-х гг. XX в. и по сегодняшний день. Почему с 50-х? Напомним, с этого времени начался процесс восстановления не только национальной автономии вайнахских народов, упраздненной в феврале–марте 1944 года, но и их многовековой истории, тоже одновременно подвергнутой жестокой репрессии. Правда, не в духе господствовавшей в то время методологии, а в соответствии с догмами большевистской идеологии умолчания, главным образом, болевых точек национальной истории. Поэтому тематика дискурса того времени, как известно, имела строго обозначенные концептуальные параметры. И эта целенаправленная координация продолжалась, во всяком случае, в Чечено-Ингушской АССР практически вплоть до конца 80-х гг. XX в.

Почему мы об этом вспоминаем? Почти 30 лет назад – на рубеже 80-х–90-х гг. XX в. – в Чечено-Ингушской Республике разразился политический кризис, последствия которого по всем жизненно важным критериям оказались трагическими не только для самой республики и ее многонационального населения, но и для всей России в целом. Каковы были предпосылки, в чем причины этой большой беды? Вопросов множество. А еще значительно больше ответов, причем самых разнообразных, как по своей сути, так и почти невообразимо фарисейских, которые тиражируются коммерческими издательствами не ради пополнения знания, а для «сенсаций» и барыша.

Чеченское общество с конца 80-х гг. XX в. было политически расколото. И эта полярность, сыгравшая свою роль в созревании глубокого политического кризиса, в заметной степени была спровоцирована и борьбой за историю. Тиражировались разные концепции, изобретались разного рода идеологические ярлыки, которые скоропалительно вешались на тех, кто осмеливался даже попытаться сказать правду об историческом прошлом своего народа, в т. ч. и совсем недавнего времени. Историческое сознание чеченского народа, травмированное неизгладимой памятью о драме выселения, порою синоминутно и болезненно, бывало иногда агрессивно, реагировало на эти партийно-пропагандистские манипуляции.

Борьба за историю продолжается: рубежи оппонирования...

Чем-то напоминающий такой подход – спекулятивное пальпирование болезненно воспринимаемых событий, их целенаправленная фальсифицированная реконструкция в публикациях, интернет-ресурсах и разного рода носителях – продолжается и сегодня. Так воспроизводятся бытовавшие этнические стереотипы, так они тиражируются. Но для справедливости следует отметить, что происходит все это в наше время не под диктат правящей номенклатуры, а нередко – вопреки ее установкам.

Применительно к Чечне можно обозначить два условных уровня (рубежа) этого «противостояния», или, говоря, более мягко, «оппонирования»: домашний и зарубежный. Домашний –

это собственно российский рубеж (российские акторы), включая и его внутричеченский сегмент. А зарубежные позиционеры – это в основном диаспорный компонент, его преобладающая часть – это недавние чеченские мигранты. В таком измерении я представляю себе примерную организационно-структурную конструкцию общего формата общественно-политического дискурса и в широком плане, и на уровне региональном – северокавказском.

С моей точки зрения, учебный и научный дискурсы, участники которых в основном нацелены на получение и расширение эвристических и профессиональных знаний, независимо от официального формата, объективно являются частью общественно-политического дискурса. И в том, и в другом варианте дискурс, как правило, предполагает полемику. Такой «режим», как нам представляется, запрограммирован априори. И вряд ли на каком-либо уровне удастся уйти вообще от постановки и обсуждения контекстуальных вопросов, связанных в той или иной степени со стержневой сутью «белых пятен» истории, которых, как известно, немало. И очень важно, что государство, его лидеры сегодня настойчиво ориентируют научные сообщества на поиск и реконструкцию правды истории.

Отечественная учебная литература, в данном случае по истории России, которая в соответствии с утвержденными стандартами в воспитательных и познавательных целях используется в образовательных учреждениях и центрах страны (школах, колледжах, вузах и т.д.), с моей точки зрения, страдает схематичной постановкой и аналогичным освещением регионального компонента, особенно проблемных аспектов, т.н. болевых точек.

Банальная истина: воспитывает гражданина, патриота правда истории. В школах, средних и высших учебных заведениях страны, как в центральных, так и региональных вопрос «Почему?» неизбежно задается вчера и сегодня. Он будет задаваться завтра и послезавтра. Поэтому правильно поступают там, где не уклоняются от аргументированного, обоснованного, убедительного ответа на самые сложные вопросы. Как отмечали классики исторической науки, «история злопамятна».

Востребованные аспекты отечественной истории

С учетом формата публикации мы лишь пунктирно обозначили заметно востребованные аспекты отечественной истории, в т.ч. и северокавказских народов, в повестке дня современного учебного, научного и общественно-политического дискурса: процесс формирования единого российского государства, его этапы и характер; Кавказская война: причины и последствия; Первая мировая война, участие в ней горских народов и их воинских формирований; российские революции 1917 года и их место в политической жизни горских народов; гражданская война и денкинская оккупация Северного Кавказа: вклад горских народов в разгром региональной контрреволюции; социалистическая модернизация и ее значение для горских народов; народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, их вклад в разгром немецких агрессоров; причины депортации народов; национально-государственное строительство на Северном Кавказе после XX съезда КПСС; Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и его значение; парад суверенитетов в СССР, РСФСР и их последствия.

В последнее время заметно возрос общественный интерес к вопросам административно-территориального устройства России в целом, ее регионов в частности, что скорее всего связано с реализуемой плановой программой уточнения и координатного описания административных границ между всеми субъектами Российской Федерации.

Видимо, в первую очередь необходимо сказать о дискурсе, который происходит в соответствии с учебными планами, академическими заданиями, общественно-политической повесткой дня на профильных площадках. Бесспорно, это в значительной степени управляемый процесс, однако не беспроблемный. Острые дискуссии, жаркие споры и в этих аудиториях не исключены. Они происходят, порою даже выходя за некую «красную черту» рабочих программ, в целом, не являясь помехой для реализации поставленных целевых задач.

Перечисленные выше аспекты тематического перечня востребованы и в неформальной среде, в ее различных аудиториях. При этом мы не склонны утверждать, что участники этого сек-

тора всецело ориентированы на неадекватные оценки событий исторического прошлого. Мы лишь заметим, что степень и мера их ответственности, а точнее – безответственности, несравнимы с долгом школьного учителя, вузовского преподавателя, профессионального научного сотрудника.

Вместе с тем необходимо учитывать, и это исключительно важно, что в условиях свободного доступа к сетевым источникам информации учащаяся молодежь, все, кто профессионально занимается поиском знаний, в том числе и в академических рамках, имеют возможность не только для анализа и сравнения объема, новизны, достоверности, актуальности полученных, открытых знаний, но и для резонанса, в т.ч. и общественного.

Несколько слов о школьном образовании в Чеченской Республике

С июня 2000 г. – с момента создания администрации Чеченской Республики во главе с Ахмат-Хаджи Кадыровым – задача восстановления системы образования республики, в первую очередь общеобразовательной – являлась одной из самых приоритетных. Началась также работа по подготовке республиканских учебников. Проблемы эти были исключительно серьезные. Школы начинали функционировать в условиях военных действий. За парты садились малыши-первоклассники и старшеклассники. А вопросы у них были одни и те же: Почему война?

Низкий поклон Валерию Александровичу Тишкову, покойным академиком Юрию Александровичу Полякову и Саламбеку Наибовичу Хаджиеву за то, что они в то сложное время инициативно создали фонд содействия восстановлению образовательной системы республики, направили учебную литературу для общеобразовательных школ, высших учебных заведений.

Сегодня руководством республики перед педагогическим и академическим сообществами поставлена задача создать качественные учебники для общеобразовательных школ, соответствующие требованиям федеральных государственных образовательных стандартов.

Коллеги из Северной Осетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии знают о том, что Чечено-Ингушская Республика из всех северокавказских республик в советскую эпоху являлась

единственной республикой, не имевшей своей писанной истории. Кстати, в 60–70-е гг. XX в. в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Северной Осетии, Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону и других центрах Советского Союза для Чечено-Ингушетии готовились высококвалифицированные кадры учителей, врачей, культуры, науки.

В период двух «военных кампаний» 1990-х гг. в Чеченской Республике была уничтожена практически вся материально-базисная инфраструктура. Десятки сел и ряд городов были превращены в руины. Огромный ущерб был нанесен музейным и архивным объектам, в результате чего они понесли невосполнимые утраты. Это относится как к раритетам музейным, так и к уникальным документальным источникам. Сегодня, благодаря помощи федеральных и региональных музейных и архивных центров, профильные республиканские учреждения восстановлены и успешно функционируют. К настоящему моменту в республике нет заметных следов войны. Создана совершенно новая хозяйственно-экономическая организационная модель, восстановлены все разрушенные населенные пункты, в т.ч. города Грозный, Гудермес, Аргун, Шали, Урус-Мартан.

Распоряжением Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова была создана комиссия, перед которой были поставлены задачи собрать архивный материал, а на их основе подготовить и издать труды, посвященные различным вехам национальной истории Чечни, ее славным сынам и дочерям. За прошедшие годы собраны документальные источники в Турции, Иордании, Иране, Франции, Грузии, Азербайджане, Армении, Узбекистане, Казахстане, в регионах Северного Кавказа. Комплексным научно-исследовательским институтом РАН (КНИИ РАН), Академией наук Чеченской Республики (АН ЧР), вузами региона проведены международные, всероссийские и республиканские научные форумы, материалы которых опубликованы солидным тиражом. Сотрудниками этих учреждений изданы монографические исследования, сборники статей [Ахмадов, 2019; Гарсаев, Гарасаев, 2019, Исторические личности Чечни... Том 1. Книга I, 2020; Исторические личности Чечни... Том 1. Книга II, 2020; История чеченцев..., 2018; Этногенез и этническая история..., 2018].

В республике издаются журналы, имеющий вполне достойный рейтинг: Вестник АН ЧР (журнал, включенный в перечень индексируемых изданий ВАК, 4 номера в год), Вестник КНИИ РАН, Архивный вестник Архивного управления правительства Чеченской Республики, Вестник Чеченского института повышения квалификации работников образования – учреждения Минобразования и науки ЧР) и другие.

Еще в 2012 г. под руководством академика В.А. Тишкова издана коллективная монография «Чеченцы» [Чеченцы, 2012]. Под руководством профессора Д.С. Курумова и при финансовой поддержке «Благотворительного Фонда имени Зии Бажаева» в 2020 г. немалым тиражом изданы сборники материалов XIX века [История Чечни..., 2020; Фольклор и этнография чеченцев..., 2020].

История народов Северного Кавказа: незавершенный проект

В конце 1970-х – начале 80-х гг. XX века шла активная работа по подготовке четырехтомной Истории народов Северного Кавказа. Общее руководство проектом осуществляли директор Института истории СССР АН СССР академик А.Л. Нарочницкий и председатель Северо-Кавказского центра высшей школы член-корреспондент АН СССР Ю.А. Жданов. В авторский коллектив входили известные ученые из северокавказских регионов и союзных академических учреждений. В 1988 г. были изданы первые два тома [История народов..., 1988]. Третий и четвертый тома, подготовка которых велась под руководством члена-корреспондента АН СССР Ю.А. Полякова, к концу 80-х гг. находились на стадии завершения. Но их издание не состоялось из-за обстоятельств, не зависевших от авторского коллектива или его руководителя. С распадом СССР фундаментальные (серийные) исследования по истории народов, в т. ч. и народов Северного Кавказа, оказались невостребованными.

Идея актуализации названного незавершенного проекта, иначе говоря, возобновления его реализации с целью переосмысления в свете новых концептуальных парадигм, а на этой основе – его логического завершения, периодически декларируется на различных академических уровнях. В начале 2000-х гг. академик Валерий Александрович Тишков в одной из своих публикаций, посвященных анализу причин распада СССР и ме-

ста этнического фактора в этом драматическом процессе, отмечал: «...возникновение 15 новых государств вызвало к жизни историко-политические интерпретации в рамках быстро сформировавшихся национальных историографических школ». При этом он вполне резонно констатировал: «Отныне едва ли эти версии будут когда-либо совпадать друг с другом. Они не совпадали и в прошлом, что проявилось, например, в провале советского академического проекта 1970-х годов по созданию региональных историй как историографических эталонов, предназначенных для общего потребления в республиках Средней Азии и Закавказья, а также для региона Поволжья и Северного Кавказа» [Тишков, 2005]. Аналогичную мысль почти в это же время высказал другой корифей отечественной исторической науки академик Ю.А. Поляков.

Бесспорно, совпадение точек зрения этих двух выдающихся ученых не было случайным. Оба имели по-настоящему дружеские и творческие (научные) связи практически во всех регионах многонационального Советского Союза, периодически участвовали в мероприятиях, проводимых по инициативе местных официальных органов, научно-исследовательских учреждений, и не только в качестве представителей вышестоящих академических инстанций, но и в роли непосредственных докладчиков и активных участников дискуссий по актуальным проблемам исторической науки.

Вспоминая время работы над подготовкой серийных трудов региональных историй, Ю.А. Поляков писал (в 2004 г.): «Были разработаны и опубликованы небольшими брошюрами проспекты истории Закавказья, Поволжья, Прибалтики, Средней Азии. Однако с самого начала возникли открытые (а главное – подспудные) трудности, разногласия, противоречия. Ученые разных республик, казалось дружные и единые в марксистско-ленинском понимании истории, на деле не находили общего языка, когда речь заходила о конкретных проблемах взаимоотношения народов, начиная с глубокой древности». При этом ученый отмечал, что «лишь на Северном Кавказе работа приняла результативный характер» [Поляков, 2004].

Вопрос об актуальности данного фундаментального труда и желательности осуществления его переиздания – переработан-

ного и дополненного с учетом всех обстоятельств и нюансов – нами с президентом Академии наук ЧР профессором Ш.А. Гапуровым поднимается не впервые: в публикациях, докладах на различных академических форумах [Бугаев, «Академический проект...», 2014: 507–512; Бугаев, Научное наследие..., 2014: 50–57; Бугаев, 2015: 163–173; Гапуров, Бугаев, Гациева, 2019: 59–63].

Важную роль в актуализации исследования проблем региональной – Юга России – истории играют международные форумы-кавказоведов. Изначально инициатива их проведения была сформулирована Виктором Владимировичем Черноусом. Первый форум состоялся 14–15 октября 2013 г. Его организаторами выступили Центр региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российский институт стратегических исследований, Академия наук Чеченской Республики, Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты» и другие научные и вузовские учреждения. Бесспорно, участники форума стремились «сделать шаг к ослаблению политизации исторической науки на Кавказе и Юге России, перейти от бескомпромиссной полемики различных школ и направлений, в том числе этноцентричных, к конструктивному диалогу по спорным и дискуссионным вопросам истории народов Кавказа, русско-кавказских отношений».

Серьезное внимание было уделено проблемам методологии региональной истории, вопросам понятийно-терминологического инструментария исторических исследований, предложены пути консолидации историков Юга России. По итогам работы была принята Хартия кавказоведов и создана рабочая консультационная группа историков-кавказоведов (председатель В.В. Черноус), поддержана идея разработки этического кодекса кавказоведа. По итогам форума издан сборник статей [Материалы Международного форума..., 2013]. К настоящему времени состоялись уже семь таких форумов. Материалы издавались оперативно и рассылались в регионы, в т.ч. и в образовательные центры. Участники в целом положительно отнеслись к идее подготовки и издания новой многотомной региональной истории.

Заключение

С какой целью мы привлекаем внимание к проекту «История народов Северного Кавказа» участников Научной сессии?

Во-первых, т. н. «плюрализм» в понимании и оценках ряда общественно-резонансных событий и фактов из истории народов Северного Кавказа, который по сей день имеет место в научных и общественно-политических дискурсах, в связи с чем временами ощущается высокоградусная «острота» полемики, порою односторонняя и однобокая, как нам представляется, должен быть преодолен подлинно творческим подходом к их осмыслению.

Во-вторых, общий взгляд, сформулированный на основе совпадающих результатов научного поиска и их концептуального осмысления, затем изложенный в коллективном академическом издании, мог бы сыграть роль конструктивного ориентира в своеобразном лабиринте постоянно расширяющихся и не утихающих дискурсов. Обращаемся с просьбой высказать свои предложения по актуальности указанного проекта. Быть может на этой основе нам удастся совместно сформулировать коллегиальное мнение и предложить соответствующим инстанциям – правительственным и академическим – оказать нам возможную помощь и поддержку, необходимые для подготовки (в течение пяти–семи лет) и издания этого труда, исключительно важного не только в плане академическом и познавательном, но и в плане политическом. Конечно, очень рассчитываем, что наша инициатива получит поддержку академиков Валерия Александровича Тишкова и Талии Ярулловны Хабриевой не только в плане ее одобрения, но и в части ее практической реализации.

В качестве ремарки хотелось бы отметить, что научно-практические мероприятия, в данном случае гуманитарно-исторического профиля, проводимые под эгидой Российской академии наук в регионах Юга России, в частности в республиках Северного Кавказа, с нашей точки зрения, стали редкостью. Подготовка регионального фундаментального труда вполне могла бы стимулировать такую работу. Опыт 1970–80-х гг. об этом свидетельствует. Нам, представляется, что «белые пятна» и «болевые точки» в отечественной истории, преподавание и изучение которой призвано способствовать достижению целей вос-

питания гражданина-патриота, возможно и необходимо преодолеть, творчески ориентируясь на совместные концептуальные оценки и выводы.

Список литературы

- Ахмадов Я.З.* Чечено-русские отношения в XVIII веке. Исследование и материалы. Т. 1. / Авт.-сост.: Ахмадов Я.З. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2019.
- Бугаев А.М.* «Академический проект История народов Северного Кавказа»: решения, проблемы, задачи. Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / сост. В.Б. Жиромская; отв. Ред.: В.А. Тишков, Ю.А. Петров; Ин-т росс. истории Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук Рос. акад. наук, Науч. совет Рос. акад. Наук по исторической демографии и исторической географии. М.: [ИРИ РАН], 2014.
- Бугаев А.М.* Научное наследие академика Ю.А. Полякова и современные проблемы исследования истории Северного Кавказа. Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2014.
- Бугаев А.М.* Академик Ю.А. Поляков: значение научного наследия в свете современных проблем кавказоведения // Гуманитарий юга России. № 1. 2015.
- Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Гациева Т.И.* «История народов Северного Кавказа» – незаконченный проект региональной истории: к вопросу о его реактуализации // Научная мысль Кавказа. № 1. 2019.
- Гарсаев Л. М. Гарсаев Х. А-М.* Чеченские мухаджиры и их потомки в истории и культуре Иордании. Историко-этнографические очерки / Л.М. Гарсаев, Х. А-М. Гарсаев. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2019.
- Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., г. Ростовна-Дону) / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: МАРТ, 2013.
- История народов Северного Кавказа / Отв. ред. А.Л. Нарочинский. Т 1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.; Т. 2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988.
- Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Том 1. Книга I. Политические и общественные деятели. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Ма-

- гамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020.
- Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Том 1. Книга II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020.
- История чеченцев в письменных источниках (Сборник документов и материалов с древнейших времен до начала XX в.). Нальчик. ООО «Печатный двор», 2019.
- История Чечни в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. Сборник материалов / Сост. А.И. Алиева / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. М.: Литера, 2020.
- Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. Сборник материалов / Сост. А.И. Алиева, И.Б. Мунаев / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. М.: Литера, 2020.
- Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Сборник документов. 2-е издание. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2019.
- Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Сост. С.М. Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2005.
- Чеченцы / Отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; КНИИ РАН. М.: Наука, 2012.
- Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). // Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ
В СВЕТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В 2018–2020 гг.**

Т.С. Чабиева

Республика Ингушетия (РИ) – является самым молодым регионом в составе РФ, образованным в нынешнем статусе Постановлением Верховного Совета страны от 4 июня 1992 г.¹ Признание самоуправления для народа и его национальных интересов явилось судьбоносным процессом, что отражается и в его исторической памяти, неоднократно упоминается в общественном сознании в условиях современных трансформационных процессов в регионе.

Ингушетия имеет свою специфику не только в сфере духовной и материальной культуры, но и в социальной организации, которая отражается в многочисленности родовых отношений и суфийских общин. Последние определенным образом принимают участие (часто – активное) в реализации общественно-политической жизни региона и его национальных ориентиров. С 2018 г. суфийские братства и ряд общественных институтов составили основную часть общественно-политического дискурса проблем истории ингушей.

Актуализация интереса к историческому прошлому в республике началась с 26 сентября 2018 г., когда главы регионов Р. Кадыров и Ю.-Б. Евкуров подписали соглашение о закреплении границы между Чечней и Ингушетией. Это привело к массовым акциям протеста в ингушском регионе. А 30 октября того же года Конституционный суд Ингушетии признал республиканский закон о границе с Чечней неконституционным. Однако

¹ Закон РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» от 04.06.1992 N 2927-1 (последняя редакция).

Конституционный суд России 6 декабря 2018 г. признал законность соглашения и объявил его вступившим в силу. Данное решение вызвало продолжение протестного движения среди ингушского населения, так как референдум по вопросу границ в республике не был проведен. Собственно, с этого периода, можно говорить, о новом этапе в самосознании ингушской общности и возрастающем влиянии ее позиций и деятельности и на социально-политические процессы в регионе.

Помимо вышесказанного, данные события привели и к серьезному обострению ситуации, которая могла вызвать серьезный очаг конфликтогенности, что необходимо учитывать новой ингушской власти. Поспешные решения в области территориальных размежеваний, при реализации в последующем национальной политики региона, должны учесть опыт 2018–2019 гг.

Одновременно с эскалацией конфликта с Чечней сохраняется напряженность на территории совместного проживания ингушей и осетин в Пригородном районе. Проблемы социальной направленности, а также программа возвращения беженцев на протяжении последних пяти лет республиканскими властями не реализуется, а любой бытовой конфликт между представителями двух национальностей автоматически обозначается в качестве межнационального. Как следствие, вопрос Пригородного района вновь актуализировался в митинговом движении ингушей в 2018 г.

Здесь все чаще слышны лозунги о необходимости решения территориального вопроса по западной границе, поскольку вопрос восточный обозначен в качестве инициативного. Вновь в общественном движении звучат требования реализации принятого Верховным Советом РСФСР закона «О реабилитации репрессированных народов» 1991 года. Закон признавал право репрессированных народов на восстановление территориальной целостности, существовавшей до политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Возвращаясь к проблеме нового территориального конфликта, следует отметить, что «исторические» споры по вопросу о принадлежности Сунженского и Малгобекского районов

ведутся еще с середины 1990-х гг., и неоднократно эти споры переходили в конфликты и столкновения на границах Чечни и Ингушетии, но быстро улаживались, переходя в закрытую форму конфликта.

Формально современной границей между республиками считалась граница 1934 г., однако её демаркация из-за существующих территориальных разногласий до сих пор не проведена, что является источником разногласий между регионами, и что в свою очередь провоцирует заявления и публикации историков и архивистов с обеих сторон о принадлежности спорных районов. Это обстоятельство явилось неким феноменом Интернет-пространства, поскольку наблюдались скрытые ранее межэтнические претензии, разрыв традиционных институтов межпоколенческого диалога, конфликт власти и общества.

До начала данных процессов подобного рода тенденция в медийном пространстве не наблюдалась: ощутимы были конфликты между ингушами и осетинами на основе исторической памяти 1992 г. о трагических событиях вокруг Пригородного района, чувствовалось определенное напряжение между чеченцами и дагестанцами, также связанные с территорией и границами, но конфликт чеченцев и ингушей не имел столь напряженного характера и не отражался в социальных сетях.

Основными интернет-площадками развивающейся конфликтогенности от имени чеченцев и ингушей стали Фейсбук и Инстаграм. В результате анализа данных социальных сетей нами сделаны следующие выводы:

1. Дискурс в интернет-пространстве способен провоцировать конфликт и вызывать скрытую этническую неприязнь между ингушами и чеченцами;

2. Несмотря на то, что в основном в социальных сетях присутствует молодежь, данный конфликт представлен различными возрастными группами;

3. Зачастую заявления и высказывания сторон конфликта наблюдаются как с авторизованных (реальных) страниц, так и с фейковых;

4. К диалогу в сети впоследствии подключились не только представители общественности, но и представители власти и государственных структур;

5. Социальные сети выступили в качестве основной площадки обсуждения и открытых заявлений общественности по принятому соглашению о территориальных границах осенью 2018 года;

6. Помимо представителей Чечни и Ингушетии, в медийный дискурс были включены представители Северной Осетии и Дагестана;

7. Наиболее востребованной явилась интернет-площадка Фейсбука и Инстаграма, которая в кратчайшие сроки обновлялась новыми информационными блоками и постами.

Чеченцы и ингуши имеют общую историю, схожую культуру, некоторые особенности ментальности и этнопсихологию, отсюда и название двух народов в виде общего термина – *вайнахи*, который часто встречается в медийном пространстве во время обсуждения данного конфликта. Отчетливо звучат фразы о том, что «вайнахи – это прошлое, сейчас этот термин неприемлем», «не нужно более сводить все к общей истории, мы разные», «проект “вайнахи” прекратил свое существование», «ингуши – это всего лишь одно из племен чеченского этноса» и т.д.

Именно Инстаграм и Фейсбук стали теми медийными площадками, которые способствовали распространению информации по ситуации на границе республик и организации массового митинга общественности на протяжении двух недель.

Призывы справедливого решения территориального вопроса сменялись возгласами смены власти, поскольку их авторитет имел весьма низкий рейтинг. Данные социальные сети позволили известным религиозным деятелям и общественникам размещать аудио и видеосъемку, нередко эти съемки носили коллективный характер, когда весь род (тейп) собирался со своим обращением к руководству республики. Помимо активизации деятельности общественности в Ингушетии, к дискурсу присоединилась и проживающая за рубежом ингушская общественность.

Такая активность ингушской медиасферы не могла остаться без ответной реакции со стороны соседнего региона, результатами которой были официальные извинения, обвинения и визиты в республику. Так, после обращений в социальных сетях, глава Чеченской республики Р. Кадыров приезжал в Ингушетию

и вел переговоры со старейшинами и другими представителями ингушской стороны.

Удивительно, но в кратчайшие сроки в медийном пространстве со стороны чеченской блогосферы появились блогеры, представители прежней оппозиции нынешней чеченской власти, критиковавшей ее за жесткие методы правления в регионе, но выступающие в данной ситуации в ее поддержку.

Основным языком общения, несмотря на достаточно схожий языковой характер чеченцев и ингушей, был русский язык. На родных языках высказывались исключительно внутри своих сообществ, к примеру, чеченцы писали чеченцам на родном языке, когда аргументы на русском языке были ограничены, ингуши же зачастую просили писать исключительно на русском, поскольку в обсуждениях нередко участвовали представители иных национальностей.

Стоит отметить, что во время митинга также высказывались на ингушском языке, но позднее перешли на русский, чтобы во время размещения видео и аудио материалов в социальные сети, всем было понятно, о чем конкретно шла речь. На начальном этапе оскорбительные выражения и высказывания в сети не наблюдались, но по мере разрастания конфликта и включения в него представителей власти появлялись и нелюбезные высказывания, обращения и т.д. Наиболее рьяно с критикой обращались к главе Ингушетии, на имя которого посылались многочисленные проклятия на ингушском языке, в буквальном переводе которых, звучало выражение «прекращения существования его рода», «наказания Всевышнего на всю его родословную» и т.д.

В указанный период в интернете был создан блог (страница) «Фортанга.орг»², по одноименному названию реки, вдоль которой определялась граница между регионами и которая стала источником основной информации по складывающейся ситуации в Ингушетии. В настоящее время у страницы есть свой сайт, где общественники, правозащитники, юристы, историки и политологи выступают авторами ключевых заметок. Сайт принадлежит ингушской оппозиции, на его страницах размещается актуаль-

² <https://fortanga.org/>

ная информация по ситуации в регионе, а также разные обсуждения. Те, кто ведет агрессивную полемику и высказывается некорректно, руководство данного сообщества отправляет в черный список. Сайт неоднократно подвергался взлому, как и его дочерние сообщества в соцсетях.

На протяжении осени 2018 г. работа велась данным сообществом весьма активно, общественность поддерживала ее деятельность, и не сомневалась в достоверности публикуемой информации. В начале 2020 г. рейтинг страницы во всех социальных сетях резко возрос. Согласно проведенному мониторингу, среди подписчиков данного сообщества, в котором отражаются интересы исключительно ингушской стороны, наблюдается значительное число представителей чеченской национальности. В своих высказываниях, за редким исключением, они достаточно нейтральны. К примеру, на посыл ингушей о необходимости скорейшего решения территориального конфликта, чеченские блогеры бравируют тем, что «...для начала верните свой Пригородный район, после этого посмотрим, как будет решаться вопрос с Чечней».

Особое внимание блогерами уделяется высказываниям лидеров оппозиции, представителей научной интеллигенции и политиков. Здесь, выражения практически не подбираются. Блогеры, которые дают весьма критические комментарии, часто пользуются в этом случае информацией личного характера, часто компрометирующей объект критики, Это выступает в качестве подтверждения несостоятельности и отсутствия права вообще давать им какую-либо оценку событиям в регионе.

Медийное пространство чечено-ингушской блогосферы выступило уже в текущем году с новым посылом своей деятельности. Дело в том, что в начале 2019 г. оппозиция стала размещать в различных социальных сетях видеоролики, где описывалось критическое социально-экономическое положение Ингушетии, коррупция и произвол чиновников. Данные видеообращения вызвали широкий резонанс в медийном пространстве и стали началом нового призыва общенародных митингов, поскольку мириться с существующим режимом республиканской власти общественность более не желала.

В Республике Ингушетия 26 марта 2019 г. прошла вторая волна народного возмущения проводимой главой региона политикой и работой парламента республики. Очередной общенародный митинг стал продолжением событий осени 2018 г., поскольку требования народа не только не были услышаны региональными властями, но и впоследствии появились попытки лишить в перспективе народ права решать судьбу республики. Ингушская общественность вновь заявила о своей гражданской позиции.

В это же время мы обнаруживаем, что в Чечне общественность в основном выступала в поддержку главы Ингушетии, отмечая, что «...ингушам следует ценить такого руководителя, который не допустил кровопролитных столкновений и который так много делает для республики...». На официальных страницах главы Ингушетии также обнаруживаются в основном самые положительные комментарии, и часто от представителей соседних регионов в поддержку его политики.

Отличительной особенностью митинга 26 марта были прежде всего требования, которые обозначены в качестве ключевых, а именно: отставка главы региона, всенародные выборы нового главы региона, то есть возврат прямых выборов и роспуск Народного собрания. Недоверие к главе Ингушетии дополнилось недоверием общественности к депутатам, которые в очередной раз продемонстрировали «бесхребетность» в решении ключевых вопросов республиканской важности. Многие из них удалились из социальных сетей под натиском общественного мнения и негативных к ним обращений.

Помимо очевидной разобщенности между чеченцами и ингушами в результате сложившейся ситуации, наблюдается незначительный, но, тем не менее, раскол и внутри ингушской общественности: часть населения поддерживает решения властей.

Также следует отметить, что одиночные пикеты с требованием отставки главы Ингушетии и Парламента проходили в Москве, территориально близко к зданию Администрации Президента РФ, что свидетельствует о настроенности общественности обращать внимание Федерального центра на проблемы региона. О пикетах в центральных регионах общественность узнает также из социальных сетей, которые быстро распространяются.

Центром сосредоточения общественности Ингушетии в 2019 г. выступила вновь столица Магас, и это было ключевым требованием общественности, поскольку административные учреждения расположены в этом городе и опыт проведения двухнедельного митинга на этой площадке позволял духовенству, представителям родов, общественным институтам, проводить массовые мероприятия уже в привычном месте.

Последствиями данных движений общественности стали столкновения между силовиками и митингующими, где последние оказали значительное сопротивление, в результате чего открытые стычки вызвали еще большее негодование со стороны митингующих, и было объявлено, что пока их требования не будут приняты, митинг не прекратиться.

Старейшины и религиозные деятели оказались в весьма затруднительном положении, поскольку в большинстве своем управлять массовым мероприятием было сложно, в том числе потому, что в настроениях общественности прослеживалось сильное негодование поведением властей.

Лидерами общественного настроения выступили представители местной интеллигенции, чиновники в прошлом и старейшины, которые на протяжении последних месяцев 2018 г. вели активную просветительскую работу с населением, оказывали юридическую и иную помощь и в целом разъясняли возможные последствия политики региональной власти. Следует отметить, что, несмотря на разногласия, возникающие в рядах общественности, их объединяла идея наведения порядка в регионе и раскрытия коррупционных схем, которые лишают регион социально-экономического развития, а также идея формирования независимой комиссии по правомерности решения вопроса территориальных границ с учетом исторической достоверности и объективности.

Что же касается современного состояния исторической науки в Ингушетии, то она оставляет желать лучшего. Отсутствие внутринаучного диалога, попыток объединиться в исследовательской работе столь незначительного числа научно-исследовательских центров создает целый спектр проблем. Именно такие процессы способствуют инициативам создания альтернативных научных клубов, которые ставят перед собой

цель независимого исследования проблем истории ингушей. Таким центром в условиях конфликта стал научно-исторический клуб под названием «Кавкасион», в который вошли ряд историков, «отколовшиеся» от НИИ им. Ч. Ахриева. Данный клуб является закрытым, а вступление новых членов в его ряды планируется путем согласия 2/3 от общего числа членов клуба. Одним из заявлений клуба было то, что его работа позволит в будущем подготовить почву для создания научно-исследовательского центра в г. Магас, т.е. аналога уже имеющегося в регионе центра.

Фактически идея возникновения клуба выстраивалась вокруг необходимости оказания помощи Общенациональной комиссии ингушского народа по рассмотрению вопросов, связанных с определением территорий и границ Ингушетии, созданной делегатами Первого всемирного конгресса ингушского народа 30 октября 2018 года. Большинство членов клуба являлись противниками принятого территориального соглашения между республиками. Следует отметить, что за исключением нескольких представителей местной исторической науки, в большинстве своем местные ученые не выразили свою реакцию в отношении событий 2018 г., и соответственно получили серьезную критику со стороны ингушской общественности.

В указанный период в Ингушетии активизируется публикация исторических материалов. Так, вышла в свет новая книга «Аланы. Асы. Ингуши» [Зурабов, 2020] известного общественного деятеля М. Зурабова, в которой автор опубликовал малоизвестные материалы, отражающие события в жизни ингушского народа со времен далекой древности. Хронологическая таблица событий, проанализированных в издании, начинается с III в. до н. э. и заканчивается 2018 г. Роль и место М. Зурабова весьма значительно в современной исторической полемике по вопросам территориальных границ Ингушетии. Будучи членом Совета тейпов Ингушетии, М. Зурабов неоднократно был инициатором диалога между представителями двух сторон. Его поездка в Грозный в 2019 г., в результате которой была сделана попытка подтвердить неизменность позиции ингушей по вопросу о границе, вызвала многочисленные споры. Поводом для поездки стало выступление М. Даудова в прямом эфире на республиканском телевидении с

заявлениями о том, что переданные земли никогда не были ингушскими³.

Весьма активной была деятельность ингушского писателя И. Кодзоева, который пишет исторические повести и романы на русском и ингушском языках. В среде молодежи Ингушетии они пользуются большим успехом, а встречи с писателем проходят в многочисленных аудиториях с активным обсуждением истории ингушей, традиций и обычаев [Кодзоев. 2020].

В среде общественности в последние годы нарастает серьезное недовольство «замалчиванием» республиканскими властями как ситуации в целом, так и высказываний подобного характера со стороны представителей соседнего региона. Очевидно, что между ингушским обществом и ингушской властью существует отчужденность и два института функционируют самостоятельно. Как свидетельствует ход развития событий, общественная инициатива в историческом дискурсе является результатом игнорирования властями указанной проблемы.

Одной из очевидных проблем в сложившемся общественно-политическом дискурсе также следует назвать возможные столкновения между ингушами и чеченцами. В Ингушетии в настоящее время функционирует республиканская установка на сглаживание возникших противоречий с Чечней. Однако земельной проблемы это не касается, поскольку позиция ингушской стороны по вопросу земель и соглашения о границах остается неизменной.

В настоящее время в Ингушетии функционируют несколько общественных институтов, которые сыграли ключевую роль в оппозиционном движении 2018 г. Речь идет о Совете тейпов (родов) и Мекх-Кхел (народное собрание). В 2019 г. в результате активной общественно-политической деятельности Управление Минюста по Ингушетии подало в Верховный суд республики иск о ликвидации «Совета тейпов ингушского народа». Формальным поводом для заявления стало то, что организация не устранила нарушения, которые выявили проверки со стороны

³ Ингушский активист предъявил Даудову документы на приграничные земли. Источник: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/341202/>. Дата обращения: 22.04.2021.

Минюста. Интересны основные претензии Минюста по Ингушетии, где вызов депутатов законодательного собрания Ингушетии в шариатский суд обозначается незаконным вмешательством в деятельность государства со стороны Совета тейпов. И вторая претензия касается препятствования Советом тейпов исполнению Конституционного суда РФ, признавшего законным соглашение о разграничении границы между Чечней и Ингушетией.

Здесь же следует отметить, что по инициативе бывшего главы региона был создан альтернативный оппозиционному Совет тейпов. Провластная позиция альтернативного Совета является одной из причин его функционирования в настоящее время. Острые проблемы общественности им игнорируются, в то время как оппозиционный Совет теряет свой юридический статус.

Говоря об общественном институте Совет тейпов, понимается прежде всего его основное представительство – это наиболее уважаемые, почтенные в возрасте представители крупных родов. Как и в прошлом, их первоначальная миссия – это контроль над порядком в своих семейно-родственных кланах, строгость меры наказания за провинность своих представителей. Неудивительно, что когда возникла ситуация с территориальными спорами, одним из методов высказывания своей позиции Совет тейпов выбрал коллективные выступления в медийном пространстве. Зачастую наиболее эмоциональные заявления получали реакцию из соседнего региона. Так, неоднократно были визиты представителей чеченских властей в республику, во время которых обстановка в регионе накалялась, и любая провокация могла способствовать открытому конфликту.

Что касается общественно-религиозного института – Шариатский суд Ингушетии, то он также принял активное участие в общественных обсуждениях, и в настоящее время он продолжает принимать участие в общественных обсуждениях. Два социальных института в Ингушетии – религия и общество неразрывно связаны друг с другом.

Таким образом, общественно-политический дискурс интересен с точки зрения его новой площадки вещания. В период 2018–2021 гг. в медийном пространстве кавказской блогосферы развернулись серьезные конфронтации как межэтнического, так

и межпоколенческого характера. Основным источником столкновения между представителями чеченской и ингушской национальностей явились возникшие территориальные претензии на ингушские земли, в результате чего все медийное пространство заполнили многочисленные заявления политологов, ученых, представителей общественности и местных традиционных институтов. Следует также отметить, что движение «сопротивления» ингушской общественности посредством медийного пространства получило поддержку в регионах страны и за ее пределами, о чем свидетельствовали одиночные пикеты представителей разных национальностей в Санкт-Петербурге, Москве, в странах Европы.

Интересен новый феномен массовых обращений в соцсетях представителей крупных фамилий и родов Ингушетии: в основном старшее поколение в окружении своих ближайших родственников, как правило, мужчин, делают обращение к главе региона о его личной ответственности за ситуацию неправомерного задержания в регионе представителей общественного движения. Практически у каждого лидера общественного мнения своя личная страница в каждой из социальных сетей, где любой желающий может задать вопрос или прокомментировать главный посыл ее авторов. Страницы, как правило, в открытом доступе, что облегчает возможность комментировать, либо поддерживать связь с ее владельцем.

Социальные сети Фейсбук и Инстаграм выступили в качестве социальных площадок с широкой аудиторией, представленной интересами двух сторон, демонстрирующим свою информированность о событиях осени 2018 г. и готовыми вести как пропаганду, так и общественно-политические обсуждения в рамках данного пространства и в отношении проблем исторического прошлого.

Что касается межэтнических отношений в регионе в рамках нового общественного диалога, то они находятся на весьма сложной стадии своего развития. Говорить однозначно о гармонизации этих отношений, о том, что политика региона настроена уверенно в этом направлении, пока не приходится, поскольку события осени 2018 г. и современные тенденции свидетельствуют, что региональная власть принимает политические ре-

шения без должного учета общественного мнения, вызывая тем самым падение своего авторитета.

Список литературы и источников

Зурабов М. Аланы, Асы, ингуши. Назрань, Южный издательский дом. 2020.

Кодзоев И. Сага о железном кулаке. Нальчик. 2020.

<https://www.kavkaz-uzel.eu/>

<https://fortanga.org/>

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ
И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ
РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ–АЛАНИЯ**

З.В. Канукова

В последние годы мы наблюдаем появление новых форм и практик взаимодействия общества и науки, связанных с вовлечением широкой общественности в обсуждение научных проблем и особенностями современного научного просветительства. Научно-популяризационная деятельность основана на принципе передачи заинтересованной части общества фундаментального знания в доступной форме, но содержание этой деятельности всегда определялось самим научным сообществом. Сегодня академическая наука в определении содержательной части научного просветительства вынуждена считаться с общественным запросом на те или иные темы. При этом параллельно научной сфере развивается своего рода «народная история» (folk history) с локализацией и претензией на ведущие позиции в медиaprостранстве.

Социальный запрос формируется обществом под влиянием различных факторов и обстоятельств. В Северной Осетии острую общественную реакцию вызывают проблемы, связанные с историко-культурным наследием. Как комплекс культурных, религиозных, идеологических и других факторов, культурное наследие интегрировано во многие сферы жизнедеятельности социума. Поэтому, в частности, местное сообщество наиболее остро реагирует на вопросы, связанные с аланским наследием.

Аланское наследие в научном и общественном дискурсе

На протяжении последних лет в общественный дискурс периодически вбрасываются проекты, основанные на фальсификации

истории и культуры. Тактика «покушения» на историко-культурное наследие или то, что кажется покушением, вызывает общественное возмущение, которое проявляется в различных формах, вплоть до митинговых. Например, в последние пять лет в республике, которая не отличалась особой гражданской активностью, прошло три массовых митинга. Наряду с такими острыми проблемами как борьба за ликвидацию экологически вредного производства завода «Электроцинк» (октябрь 2018 г.) и протест против жестких ограничительных мер, связанных с распространением COVID-19 (апрель 2020 г.), граждан республики беспокоит историко-культурное наследие.

Более тысячи человек в марте 2017 г. вышли на митинг против переименования Республики Ингушетия в Аланию. Поводом для митинга стала петиция на сайте сбора голосов Change.org. и последовавшие за ней провокационные заявления в социальных сетях, дестабилизирующие обстановку в регионе. Инициаторы митинга в своих выступлениях убеждали собравшихся в том, что установка «аланских ворот» в Ингушетии, внезапная смена своих великих предков вайнахов на алан, постановка вопроса о переименовании республики являются новыми инструментами для решения старого вопроса о возвращении «исконных земель», но в изменившейся парадигме. На смену посылу «осетины не кавказский народ, а пришлые ирано-язычники, которые должны освободить территорию», появился новый: «мы тоже аланы, а значит, земли принадлежат и нам». Митингующие выражали возмущение бездействием республиканской власти и напоминали, что равнодушное отношение к своей культуре неминуемо приводит к ее утрате и присвоению «чужими». Досталось и ученым, которые, по мнению собравшихся, проявляют пассивность в вопросе сохранения историко-культурного наследия осетин.

При всей бесплодности «аланского» дискурса, трудно не заметить не запланированный, но вполне реальный позитивный результат – это пробудившийся интерес к истории народа и появление многочисленных вопросов к историкам. Дискутирующие стороны апеллируют к науке. «Почему молчат ученые?» – самый распространенный вопрос-упрек. Ученые же считают, что обсуждаемые проблемы исследованы и отсылают к научным трудам.

Действительно, многими поколениями исследователей создано уникальное, комплексное научное направление – осетиноведение, представленное фундаментальными исследованиями в области гуманитарных наук. К сожалению, информация об исследованиях современных ученых из-за малых тиражей изданий, публикации статей в журналах, недоступных широкой общественности, и в силу других причин редко выходит за рамки научного сообщества. К тому же, научные монографии и статьи не справляются с популяризацией научного знания: участников дискуссий значительно больше, чем способных прочесть и понять научный текст.

Поэтому актуализировалась важная составляющая исследовательской работы – популяризация научного знания в формате масштабных научно-популярных проектов, аргументированное противодействие историческим и культурным фальсификациям и лженаучным «трудам», число которых нарастает и агрессивно вторгается в общественно-политическую жизнь всего региона. Отметим, что среди авторов таких публикаций значатся не только провокаторы, но и люди, искренне уверовавшие в достаточность своих познаний для чтения публичных лекций и издания книг. Однако благие намерения не спасают от вреда, наносимого обществу, науке и культуре.

«Алания от А до Я» – первый научно-популярный проект, реализованный Северо-Осетинским институтом социальных и гуманитарных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН на страницах главной республиканской газеты «Северная Осетия», с дублированием на сайтах газеты, института и в социальных сетях. В течение пяти лет, с периодичностью два раза в месяц выходили материалы, главная задача которых – избавление от невежества, фанатизма и ложных трактовок различных образов, символов, имен, исторических и культурных явлений, активно обсуждаемых общественниками.

Благодаря творческому сотрудничеству журналистского и научного сообщества, аудитория ближе познакомилась с ведущими учеными и их трудами, посвященными комплексному исследованию и сохранению богатейшего скифо-сармато-аланского

наследия. К 100-летию юбилею газеты «Северная Осетия» все опубликованные за год материалы проекта «Алания от А до Я» были изданы отдельной книгой, ставшей библиографической редкостью со дня ее издания [Алания от А до Я, 1918].

В 2021 году проект завершается, его материалы будут изданы в объеме, пятикратно превышающем объем первого издания. Таким образом, подготовлен труд, в котором в популярной форме и доступным языком изложены основные вехи тысячелетней истории народа, сведения о его легендарных героях, ключевые смысловые понятия, вошедшие в культуру и язык.

Кроме популяризации академических знаний проект выполняет и некую стабилизирующую функцию: он полюбили читатели газеты, получил высокую оценку общественности, стал лауреатом конкурса Общественной палаты РСО–Алания. Важно отметить, что «Алания от А до Я» существенно потеснила любительскую науку, о чем говорят многочисленные «лайки» и перепосты материалов в сетях.

Активные граждане, «народные историки» есть во всех субъектах СКФО, они ведут горячие споры по поводу аланского наследия. В этом дискурсе отмечена тенденция обильного цитирования средневековых и других источников, с вольным перефразированием и удивительными интерпретациями, которые привели научное сообщество к идее создания нового научно-популярного источниковедческого проекта.

Был подготовлен и издан сборник, в котором собраны выдержки (цитаты) из античных, средневековых источников, работ российских и зарубежных ученых, материалы академических и энциклопедических изданий, свидетельствующие об алано-осетинской преемственности. Название книги «AlanisiveAas» является цитатой [Рубрук, 1997], однако в сборник включены и источники, в которых указано и на алано-балкарскую преемственность, т.е. соблюден принцип объективности.

Сборник предваряет краткий историографический очерк «Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии», который дает представление об основных этапах исследования проблемы алано-осетинской преемственности и включает анализ трудов дореволюционных, советских и современных зару-

бежных и российских ученых. Отметим, что и здесь приводятся разные точки зрения на этногенез алан-осетин.

Основная часть сборника представлена выдержками (цитатами) из источников и исследований, структурирована по хронологическому принципу по трем разделам. В первом разделе «От античности до конца XIX столетия» представлены выдержки из трудов Страбона, Иосифа Флавия, Аммиана Марцеллина, Мовсеса Хоренаци, Прокопия Кесарийского, Аль-Масуди, Аль-Бируни, Ибн аль-Асира, Роджера Бэкона, Платона Карпини, Вильгельма Рубрука, Герхарда Фридриха Миллера, Якоба Рейнеггса, Вивьена де Сент-Мартина, Николая Михайловича Карамзина, Иоганна Бларамберга, Юлиуса Клапрота, Яна Потоцкого, Аарона Лерберга, Павла Йозефа Шафарика, Андрея Михайловича Шёгрена и других. В разделе представлены материалы различных летописей: грузинской летописи об овсах (I–V вв.), известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России, Ермолинской, Лаврентьевской, Ипатьевской, Русской летописи с Воскресенского списка, Юань-Ши и другие источники.

Второй раздел содержит материалы исследований XX века, среди авторов – Н.А. Аристов, Ж. Шимоньи, Я. Шарпантье, М.И. Ростовцев, У.М. МакГоверн, Г.В. Вернадский, Ф. Нансен, Д. Герхардт, Ю. Немет, Э. Мейер, Л.А. Мацулевич, В.Ф. Гайдукевич, Э. Бенвенист, В.И. Абаев, Ж. Дюмезиль, Б. Бахрах, В.А. Кузнецов, Ф. Лот, Г. Меликишвили, Г.С. Ахвледиани, Е.М. Мелетинский, В.В. Бартольд, Е.П. Алексеева, Т. Сулимирский, М.И. Артамонов, Б.В. Скитский, Е.И. Крупнов, Г.В. Цулая, Ш.Д. Инал-Ипа, Ф. Альтхайм, А. Палоци-Хорват, О.Н. Трубочев, Я. Харматт, Г. Вирт, Дж. И. Эдельман, Р.А. Габриелян, Т.А. Гуриев, Б.А. Калоев, Ю.С. Гаглойти и другие.

Третий раздел включает современную историографию, материалы известных зарубежных и российских исследователей: Б. Джеймс Минаган, Дж. Коларуссо, Ск.К. Литтлтон, Л. Малкор, Г. Рид, М. Витцель, Г. Ньюли, Ж. Грисвар, А. Алемань, Р. Шмидт, В.Б. Ковалевской, Дж. Райт, Р. Шофилд, С. Гольденберг, Ж. Шарашидзе, П. Оньибене, С. Фритц, Л.С. Клейн, Н. Хейдок, К. Беквит, Ф. Тордарсон, А. Уэст Барбара, А.В. Богачева, С.В. Кулланды, Х. Хаарманна, Габора Хосчу, Бэла Ковача, М.М. Герасимовой, Я. Лебединского, О.Н. Барабанова, Э.Х. Паркер, М. Шенкар,

С.Н. Малахова, Жан-Поль Ру, Р. Шмёкель, Э. Иштвановича, В. Кульчар и другие [AlanisiveAas, 2019].

Всего в книгу вошло более 200 источников. Издание изначально планировалось как научно-популярное, но в ходе работы было найдено много новых источников, проведена большая работа по их переводу с нескольких европейских языков. Они представлены как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык и опубликованы впервые. Все источники снабжены полным справочно-библиографическим аппаратом, книга иллюстрирована обложками цитируемых трудов.

Мы рассматриваем изданный труд как основу масштабного источниковедческого и историографического проекта и призываем коллег из соседних регионов провести аналогичные исследования и объединить свои ресурсы. Ведь письменные известия об аланах разбросаны по архивам и библиотекам многих стран Европы и Азии, поэтому продолжение поиска источников является важнейшей перспективной задачей современной науки.

Вместе с тем популяризация столь сложного проекта требует его технологической доработки. Объемные и сложные тексты рассчитаны на людей, имеющих навыки грамотного осмысления прочитанного, определенный уровень научной культуры. Массовый пользователь интернета воспринимает такие тексты как «избыточное глубокомыслие», для него привлекательна медийная подача информации в краткой форме, со слайдами или роликами.

Нартовский эпос: формы актуализации в общественной жизни и научном пространстве

Параллельно с аланской тематикой в повестку широких общественных дискуссий вошел и вопрос об этническом происхождении нартвовского эпоса. Востребованность нартвовских сказаний как выражения этничности и духовности, их интегрированность во многие сферы художественной культуры – живопись, скульптуру, музыку, литературу в последние годы обретает качественно новый характер: эпос становится ресурсом социальных и культурных инноваций во всем регионе. При цивилизованном и профессиональном подходе он может стать символом позитивного взаимодействия, своеобразным этнокультурным брендом, общим и понятным для многих народов Кавказа. Мо-

лодое поколение должно с уважением воспринимать все национальные версии эпоса.

Нартоведение стало первым научным направлением, с которого начиналась история СОИГСИ им. В.И. Абаева в 1919 г. и остается одним из приоритетных и перспективных векторов его развития. Поэтому с целью установления диалога и сотрудничества ученых-нартоведов России и зарубежья в 2011 году Институтом при поддержке ИМЛИ РАН был учрежден постоянно действующий форум «Нартоведение в XXI веке: современные интерпретации и парадигмы». Важной концептуальной позицией форума является междисциплинарность, привлечение специалистов в области лингвистики, истории, археологии, этнологии, культурологии, педагогике. Форум имеет свой печатный орган – одноименное периодическое издание; всего вышло пять выпусков сборника, а с 2020 г. материалы форума издаются в новом научном журнале «Kavkaz-forum». Растет число участников и расширяется география конференции, она включает кроме республик Северного Кавказа, Москвы и Санкт-Петербурга, Армению, Турцию, Иран, Венгрию. В 2021 г. планируется издание масштабного труда «Энциклопедия осетинской Нартиады» в трех томах, в котором будет систематизирован накопленный за два века материал, востребованный не только учеными, но и удовлетворяющий запросы массового читателя.

Кроме научной составляющей, необходимо искать формы коммуникации, позволяющие использовать миротворческий потенциал нартоведения в современных социальных и культурных практиках, в воспитательных и образовательных проектах.

Православие и традиционная вера: конфликтогенные факторы и социальные риски

Новая тема в общественном дискурсе связана с религией. Политологи прогнозировали, что значительное укрепление исламской общины, увеличение числа верующих среди молодежи, установление внешних контактов, активная международная деятельность и личный авторитет муфтия Х. Гацалова могут вызывать противостояние с православной церковью. Однако события последних лет показывают, что реальные риски затаились в другой сфере конфессиональной жизни. Впервые обнажилась

проблема противостояния православной церкви и приверженцев традиционной веры.

Основная тема конфликта между руководством Владикавказской епархии и носителями традиционной веры – протест последних против преобразования культовых мест в христианские храмы и поклонные кресты. Приверженцы традиционной веры ставят вопрос о придании официального статуса святилищам и другим культовым объектам, их государственной охране.

По данным официальной статистики, сторонников традиционных верований осетин в республике насчитывается 22,5% [Федосова, Хансаева, 2020:10]. В это число не вошли люди, не относящие себя ни к одной из религий, ни к атеизму, но отмечающие осетинские религиозные праздники в рамках традиционного семейного и общественного регламента. Также в официальной статистике не нашлось места для православных и мусульман, которые одновременно почитают бога Хуцау (осет. *Хуыцау* – прим. ред.), на русском языке обращаются к Господу, к Всевышнему, а на осетинском – к Хуцау, объясняя этот синкретизм посылом «Бог один». Именно этот посыл отвечает духовным исканиям большого числа осетин, которые видят в нем гармонию традиционных семейных ценностей и современной жизни.

Определять традиционную веру осетин как язычество или неоязычество слишком просто и неграмотно. Традиция осетин древняя и в ходе исторической эволюции религиозного сознания давно избавленная от многобожия, она опирается на веру в единого бога. Более того, в источниках XVIII–XIX вв. лица, не принявшие крещения, обозначались термином «осы», т.е. этническая и конфессиональная принадлежность воспринимались синонимически.

В региональной науке сложилось мнение о том, что принятое из Византии православие было широко воспринято аланским обществом, став неотъемлемой частью его культуры, а существовавшая монотеистическая религиозная традиция органически соединилась с православием. После разрушения Аланского государства в конце XIV в. и последовавшей трёхвековой изоляции аланское православие трансформировалось, оформившись в так называемое народное христианство [Бзаров, 2014; Мамиев, 2019:55–59].

«Осетинская духовная комиссия», а затем «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» добились определенных успехов благодаря гибкой политике, проявлению уважения к традиционной культуре и ее носителям. Как писал академик Павел Флоренский, «для церковного деятеля... необходимо узнать и понять народное жизнепонимание в целом. Без знания этой среды народный пастырь бросал бы семена поучения в каменистую почву» [Флоренский, 1976:127–128]. Образование, которое давали семинарии, позволяло понимать, что духовная культура народа представляет для него величайшую ценность. Вероятно, что это понимание привело многих священников в Осетии к сбору и изучению фольклорных и этнографических сведений.

Сегодня риторика православной церкви другая. Угрозы не допустить возврата в «каменный век язычества» воспринимаются как непонимание местной духовной культуры и покушение не столько на веру, сколько на традиционную культуру в целом, на ее «святая святых» *агъдау* (свод моральных и нравственных традиций, главная характеристика этнической идентичности). Ответная реакция проявляется в разных формах, в том числе не имеющих никакого отношения к традиционной культуре. Появились такие инновации как «реконструкции» древних обрядов, новые персонажи из числа молодежи, молитва которых почему-то считается особенно действенной, рассказы о вызванных такими молитвами чудесах и прочее.

Ученые-фольклористы внимательно наблюдают за современными этнокультурными процессами, поддерживают идеи сохранения и развития традиционной культуры, с профессиональным трепетом относятся к осколкам старины, за что подвергаются нещадной критике православных участников дискурса за «пропаганду чертовщины».

На наш взгляд, подъем народной веры, увеличение числа ее адептов и готовность защищать от всякого рода «покушений» следует оценивать как способ сохранения этничности, прежде всего ее базовой категории *агъдау*.

Некоторые политологи, а также общественники и публицисты предвидели в разгоревшемся конфликте воплощение политических технологий по смене власти в республике. Действи-

тельно, произошла неожиданная для многих смена власти, а церковь рассматривается как участник политической интриги [Мамиев, 2019]. Есть и другое мнение: дестабилизация ситуации через дискредитацию церкви в единственной православной республике, расположенной в самом центре Кавказа, является провокацией и может иметь последствия, выходящие далеко за рамки межконфессиональных дискуссий.

Позиции православия в республике традиционно крепкие. Владикавказские и моздокские епископы Иосиф, Владимир, Гедон и другие оставили после себя добрую память – первую школу, первую книгу, первый журнал, переводы духовной литературы на осетинский язык, церковную музыку, церковную живопись. Просветительство было величайшей миссией православия.

Епархия и сегодня делает многое для культуры республики. 14 октября 2017 г. Президент РФ В.В. Путин подписал указ о праздновании в 2022 году 1100-летия крещения Алании. В план мероприятий по подготовке празднования включены проекты в сфере науки, культуры и образования, ремонт и реконструкция ряда объектов культурного наследия. К празднованию этого события приурочено основание книжной серии «Аланская библиотека». Это масштабный издательский проект с широкой тематикой, он включает наряду с религиозными изданиями труды по археологии, истории, этнологии, искусству. Наряду с религиозными изданиями «Духовные песнопения» на осетинском языке, «Моздокская икона Божией матери», «Патриарх Николай Мистик и крещение Алании», репринтом всех номеров журнала «Христианская жизнь» («Чырыстон Цард»), серия включает исторические работы – «Исторический атлас Осетии–Алании», учебник по истории Осетии–Алании, монографии «Православная Алания в верховьях Кубани» и ряд других.

Готовы к печати очерки о представителях осетинского духовенства и других православных деятелях «Просветители Осетии» Л.К. Гостиевой, сборник документов по истории христианства в Осетии, справочник-путеводитель по действующим храмам республики, фотоальбом «Православная Осетия–Алания» и другие труды.

Конфессиональный конфликт пробудил общественный интерес к традиционной культуре, к мифологии и фольклору осе-

тин. Региональная наука в полной мере его удовлетворяет. В последние годы традиционная культура исследуется в самых разных аспектах, в динамике общественного развития, в контексте внешних влияний, в условиях инокультурного окружения, с учетом локальных «ущельных» вариантов культуры.

Фольклористами и этнологами установлено, что в структуре фольклора отражены мифолого-религиозные представления традиционных верований осетин, оформленных в строгую иерархическую систему, во главе которой – главный сакральный образ *Хуыцау* (Бог). Система сакральных персонажей и символов несказочной прозы осетин коррелирует с аналогичной системой осетинской сказки и шире индоевропейского фольклора и фольклора народов Северного Кавказа. Ее анализ в сопоставлении с аналогичной системой волшебных сказок позволяет выявить древние структуры, лежащие в их основе, проследить трансформации семантики образов в новом временном и пространственном контексте. Образы *Хуыцау* и сакральных покровителей, представленные в преданиях, легендах и устных рассказах осетин, только в деталях разнятся с коллективным, устоявшимся представлением о мироздании [*Сокаева*, 2019; *Таказов*, 2017: 130–138]. Активное использование рассказчиками осетинских фольклорных текстов образности мифолого-религиозной системы традиционных верований осетин позволяет осетинской фольклорной традиции находиться в актуальной форме.

Традиционная культура как ресурс инновационного развития

Интересно развивается исследование традиционной культуры в современном обществе. В свое время академик В.А. Тишков инициировал проект «Этнокультурный брэндинг субъектов Южного федерального округа как ресурс для инновационного развития» в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Объектом исследования стал «уровень значений (смыслов), а также сама пространственная среда и ее изменения под воздействием человека: культурные ландшафты, поселения, здания и комнаты, организация интерьера и множество других визуальных проявлений пространственной организации»; наряду с визуальными, в понятие куль-

турного пространства включены и «воображаемые пространства» [Тишков, 2003: 16–24; Тишков, Малькова, 2009; Тишков, 2010; Тишков, 2011].

Инициатива В.А. Тишкова была поддержана исследователями на Юге России, в частности в Республике Северная Осетия–Алания и Республике Южная Осетия, что подтверждается проведением специальных научных форумов [Инновационная стратегия..., 2010]. Для Осетии эта проблема оказалась востребованной, она получила развитие и в науке, и в практической деятельности. Это связано и с массовым появлением эпизодов стихийного брендинга, которое предпринимается бизнес-сообществами, общественными организациями и частными лицами. К сожалению, анализ этой деятельности показывает использование неграмотных толкований элементов традиционной культуры, которые тиражируются вместе с брендами-товарами в СМИ, в полиграфических продуктах и в ходе высокобюджетных массовых конкурсов и фестивалей.

Создана информационная база «Этнокультурные бренды Осетии», в основе которой – систематизированная историко-культурная информация об объектах культурного наследия Южной и Северной Осетии. Определены материальные, социальные и духовные объекты, имеющие достаточный уровень востребованности и инновационные ресурсы. Эта разработка активно используется молодежными ремесленными сообществами, которые стали обращаться к ученым за консультациями. Такой же диалог появился с туристическими фирмами. Проблеме посвящены монографии, справочник, ряд статей [Канукова, Хубулова, Кулумбеков, Маргъиты, 2016; Этнокультурные бренды, 2017; Канукова, 2018].

Исследуется не только традиционная культура осетин, но и других этнических групп, проживающих в республике. Одна из последних работ – «Этнографический атлас Республики Северная Осетия–Алания» с описанием этнических и диаспорных групп, проживающих в республике: их миграционной истории, социального и профессионального состава, этнических традиций в условиях инокультурной среды, способов конструирования этнокультурной идентичности, механизмов интеграции в экономику и культуру принимающего общества [Этнографический атлас, 2020].

Исторические фальсификации в общественном дискурсе

С настойчивостью, достойной лучшего применения, в общественный дискурс подбрасываются исторические фальсификации. В силу чрезмерно большого количества они не вызывают ожидаемой их инициаторами реакции и носят скоропроходящий характер. Например, появление книги некоего Лорс Дарьяльского «Осетины на службе Третьего рейха», в которой автор приводит «неопровержимые» данные об осетинах – предателях. В Осетии Великая Отечественная война – не просто историческая память, для каждого это еще и семейная история, потому что в республике нет фамилии, которая бы не имела свой собственный «Бессмертный полк». Многие поколения воспитывались на именах 79 героев Советского Союза – уроженцев республики; не вернулся каждый второй, ушедший на фронт. В молодые годы мы часто задавались вопросом, почему у нас нет дедушек – красивых седовласых стариков в черкесках; редкое появление такого персонажа вызывало детский восторг.

Конечно, книга возмутила, но широкого резонанса она не получила. Несмотря на то, что автор создал несколько групп в сетях для рекламы ее четырех(!) изданий. В ответ Лорсу Дарьяльскому посыпались в сетях цитаты из работ исследователя Н.Ф. Грабовского [*Грабовский*, 1876], высказываний генерала А. Деникина, имама Шамиля и других известных лиц с уничтожительными характеристиками его народа, а также напоминания о массовом дезертирстве, уклонении от призыва на фронт, о бандитских нападениях на подразделения Красной армии. Ответственные удивили своими познаниями источников, но приводить их не стоило. Это не гуманно, слишком травматично и не полезно для молодого поколения. Впрочем, на этом дискуссия завершилась. Сообщение о признании Ленинским районным судом Владикавказа книги экстремистской, о внесении рекламирующих ее интернет-страниц в список экстремистских материалов Министерством юстиции и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и вовсе предало забвению этот библиографический факт.

Лорс Дарьяльский истерично заявляет: «книга как выходила, так и будет выходить столько, сколько мы захотим, материалы будут распространяться ежедневно, ссылки на скачивание

данной книги так или иначе будут доступны, а материалы публиковаться в тысячах групп». Но это уже забота правоохранительных органов. У широкой общественности интерес на этом иссяк. Не интересен этот опус и научному сообществу. Кулуарные разговоры коллег о непричастности к этой книге и намеки на вмешательство «третьих» сил, разжигających конфликт, мало впечатляют. Но ситуация навела и на здравую мысль: тыловые процессы, в отличие от героики войны, недостаточно исследованы, обращение к ним с учетом новых источников представляется весьма перспективным.

Последняя медиа-акция может восприниматься только с изрядной долей юмора. В размещенном на YouTube – канале фильме бодрый джигит с азартом обличает осетинских женщин – наших далеких прапрабабушек в «низкой социальной ответственности». При этом приводит цитаты из источников (включая А.С. Пушкина), свидетельствующих об особой «благосклонности» осетин к приезжим мужчинам – важным гостям. Информацию разместил на своем сайте даже сам «Мехк-Кхел» – традиционный институт самоуправления, совет старейшин ингушей, претендующий на роль альтернативного парламента республики.

Здесь больше позабавила реакция некоторых оскорбленных женщин, которые требовали от ученых «опровержения». Однако и без помощи ученых опытные сетевые бойцы оперативно выложили создателям фильма массу источников (М.М. Ковалевский, Н.Ф. Грабовский, Ф.И. Леонтович и др.), из которых следует, что указанный «вид гостеприимства» бытовал у других народов не в меньшей степени. Действительно, Н.Ф. Грабовский уделил немало внимания этому вопросу [*Грабовский* 1876: 53–54; *Грабовский* 1868], но на древность явления, закрепленного в фольклоре в качестве «инструмента» для приобретения новых владений, указывал еще первый ингушский этнограф, краевед и просветитель Чах Ахриев. Подробное описание содержится в его книге «Ингуши, их предания, верования и поверья», в разделе «Баркумский кентъ» [*Ахриев*, 1875: 18–20].

В этнографических исследованиях осетин, как и других народов региона, это явление не описано столь обстоятельно, в памяти информантов не сохранилось, с традиционными представлениями о нравственном облике женщины-горянки увязы-

вается слабо. Но нельзя утверждать, что народам Северного Кавказа было совершенно незнакомо столь распространенное во всем мире явление. А исследователям гендерных процессов в традиционных обществах общественники оказали неплохое содействие в поиске источников.

Далеко не все темы, которые вбрасываются в общественный дискурс, получают отклик. Так, осталась без всякого внимания попытка пересмотра добровольного характера присоединения Осетии к России. Никакой реакции не было, авторы провокации остались в одиночестве: в общественном сознании и в исторической науке республики на этот предмет не существует альтернативного мнения. Процессы российско-осетинского взаимодействия обстоятельно исследованы, в последние годы появились труды, посвященные культуре, религии, образованию как важным составляющим такого взаимодействия [*Кобахидзе, Ладони-на, 2017, История Осетии, 2019; Кобахидзе, Айларова, Чочиев, Цориева, Туаева, 2020*].

Не была поддержана осетинским сегментом дискурса и тема Кавказской войны, в которой гражданское население Осетии не принимало участия, за исключением небольшой группы одного из привилегированных сословий.

О позитивном взаимодействии науки и общества

Справедливость требует отметить, что общественный дискурс способен ставить важные вопросы и содействовать их решению. Так случилось с архивом известного кавказоведа Е.Г. Пчелиной. Вопрос имеет полувековую историю. Фонд Е.Г. Пчелиной поступил в Ленинградское отделение архива РАН в 1973 году, но из-за отсутствия места был размещен в архивохранилище в Коломягах в малопригодных условиях. Вплоть до 2019 г. эти материалы не были описаны, не были поставлены на государственный учет, а главное, они все это время были совершенно недоступны для ученых. В течение многих лет ученые Северной и Южной Осетии возмущались условиями содержания фонда и безуспешно добивались доступа к нему.

Активисты оказались более упорными, они писали во все возможные инстанции, обращались в Главе республики В.З. Би-

тарову, к руководству Владикавказской Епархии. Не зная, что именно находится в этом архиве, общественники ставили вопрос о «гибели культурного наследия народа», требовали передачи фонда в республику. Эта инициатива совпала по времени с грядущим 1100-летием крещения Алании. Вопрос был включен в план мероприятий и уже в 2019 г. Архиву РАН были выделены дополнительные бюджетные средства. Фонд Е.Г. Пчелиной был перевезен из Коломяг на площади, выделенные Санкт-Петербургским научным центром РАН, где в кратчайшие сроки были проведены обеспыливание, дезинфекция и реставрация документов, научно-техническая обработка дел, составление описей и постановка на государственный учет 1521 единиц хранения. Также были выделены средства на проведение Пчелинских чтений [Археология..., 2019; Археология..., 2020], в которых приняли участие ученые республики, активно включенные также и в процессы атрибутирования ряда документов. В результате доступ к фонду был открыт для исследователей.

Заключение

Взаимодействие академической науки с общественностью – вопрос сложный, требует терпения, понимания, временных и других затрат. В структуру общественного дискурса включены группы с разными характеристиками. Часть общественников в тесном взаимодействии с «народной» наукой, претендует на определение актуальной тематики научного дискурса, требует своего участия даже в научных семинарах академических учреждений. Они считают возможным давать оценки деятельности авторитетных ученых, призывать к ответу за пассивность в общественных дебатах, выставлять в сетях публичные лекции своих лидеров – «народных историков», мешать археологическим раскопкам, усматривая в них глумление над могилами «предков» и т.п.

Для большей части участников дискурса интерес к науке не всегда нацелен на приобретение нового знания. Осознанно или нет, но значительная часть общественности включается в сетевой научный дискурс в целях разнообразия своего досугового времени. В условиях перемещения общественно-политической жизни в интернет, безработицы и слабой занятости населения, такой вид досуга, включенный в патриотическую парадигму,

порождает своих лидеров. Зачастую они становятся инструментом в чужих политических играх.

Научное сообщество с раздражением воспринимает «общественный контроль», но дистанцирование от него не результативно, оно будет способствовать развитию любительской науки, наносящей вред обществу и академической науке. Поэтому необходимо набирать опыт эффективных форм научного просветительства.

Список литературы

- Alani sive aas: Аланы-осетины в исторической науке. СОИГСИ ВНЦ РАН. Владикавказ, Ир, 2019.
- Алания от А до Я. Научно-популярное издание. Владикавказ: Ир, 2017.
- Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е.Г. Пчелиной. Сборник статей по материалам научных чтений / Санкт-Петербургский филиал Архива РАН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН Российский этнографический музей, Объединенный научный совет по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН. 2019.
- Археология, этнография и языки Кавказа. К 125-летию со дня рождения Е.Г. Пчелиной / Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева. Санкт-Петербург, 2020. Выпуск 2.
- Ахриев Чах.* Ингуши, их предания, верования и поверья 1875 // Сборник сведений о кавказских горцах, 1875.
- Бзаров Р.С.* Из истории аланской культуры. Серия «Аланская старина». История и культура Москва, 2014.
- Грабовский Н. Ф.* Горский участок Ингушевского округа в 1865 году (следы гетеризма в праздничных обрядах) // Терские ведомости, 1868.
- Грабовский Н.Ф.* Ингуши, их жизнь и обычаи // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. 1876.
- Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ВНЦ РАН. Владикавказ, 2016.
- Инновационная стратегия Республики Южная Осетия: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. Труды международной научной конференции (Цхинвал–Владикавказ, 14–17 октября 2010 г.).

- История Осетии. Коллективная монография. В 2-х томах / Владикавказ, 2019. Том 2 История Осетии в XIX – начале XX в. (2-ое издание, дополненное).
- История Осетии. Коллективная монография. В 2-х томах. Владикавказ, 2019. Том 1 История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века (2-е издание, дополненное).
- Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Владикавказ, 2018.
- Канукова З.В., Хубулова Э.Б., Кулумбеков Р.П., Маргъиты И.Т. Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной осетии. Монография. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016.
- Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ, 2017.
- Кобахидзе Е.И., Айларова С.А., Чочиев Г.В., Цориева И.Т., Туаева Б.В. Историко-культурное развитие Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XXI в.: от военно-народного управления к межкультурным коммуникациям / Владикавказ, 2020.
- Мамиев А. Политические интриги РПЦ довели Осетию до религиозного конфликта https://tradition.foundation/082019/cerkov_protiv_osetin_2019
- Мамиев М.Э. Аланская религиозная традиция как часть восточно-христианской цивилизации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2019. № 2.
- Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253. Гл. 16. О стране Сартах и о ее народах / Пер. А.И. Малеина // Путешествие в восточные страны. М., 1997.
- Священник Павел Флоренский. Из богословского наследия // Богословские труды. Вып. 17, М., 1976.
- Сокаева Д.В. Сакральные персонажи и символы фольклорной прозы осетин: генезис, семантика, этнографический контекст. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, 2019.
- Таказов Ф.М. Семиозис нарратива мифологических песен-молитвословий осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 26 (65).
- Тишков В.А. Культура и пространство. Книга третья. Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2011.
- Тишков В.А. Культура и пространство. Книга 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М., 2010.

- Тишков В.А., Малькова В.К.* Культура и пространство. Книга первая
Образы российских республик в Интернете. М., 2009.
- Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 2003.
- Федосова Е.В., Хансаева Д.В.* Региональные особенности Республики
Этнографический атлас Республики Северная Осетия–Алания.
Владикавказ, СОИГСИ, 2020.
- Этнокультурные бренды Осетии. Справочное пособие. Владикавказ:
СОИГСИ ВНЦ РАН. 2017.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КАБАРДИНО-
БАЛКАРИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

К.Ф. Дзамихов, А.Х. Боров

История превратилась в поле поисков идентичности и фундамент ориентации в современных общественных реалиях. В текущей ситуации 2000–2020-х гг., при отсутствии нормативно определенных институциональных опор для публичных дискуссий и решения этнополитических проблем, их интерпретация интеллектуалами и массовым сознанием по-прежнему осуществляется в сфере историко-политического дискурса. Попытки придать актуальную политико-правовую «нормативность» тем или иным ключевым событиям, отношениям и символам прошлого представляют собой характерную черту региональной этнополитики. Не преодолены такие последствия кризисного переходного периода 1990-х как стирание граней между академической историографией и мифологизаторской этнопублицистикой, чрезмерная политизация и провинциализация научного сознания.

По широкому кругу вопросов ведутся историографические и общественно-политические баталии. И вряд ли можно считать случайным, что профессиональное научное сообщество Кабардино-Балкарии не смогло выработать единых подходов к подготовке обобщающих трудов и учебной литературы по истории республики, тогда как во многих субъектах региона такие труды были изданы в 2000-е годы.

Нами выделены две темы в общественно-политическом дискурсе КБР, из которых «черкесский вопрос» актуален для адыгских (черкесских) социумов КБР, КЧР и Адыгеи и большой черкесской зарубежной диаспоры; «депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии» – актуальна для балкарцев и карачаевцев двух названных республик.

«Черкесский вопрос»

«Черкесский вопрос» сохраняет актуальность на обозримую перспективу, тем более что черкесское национальное движение как конгломерат умонастроений, организаций и лиц в России и за рубежом, озабоченных проблемами национального самосохранения и развития, не может считать решенной ни одну из задач, которые оно перед собой ставило. Тот, кто захотел бы оценить возможности и формы интеграции «черкесского вопроса» в контекст демократического развития современной российской политики, должен учитывать обнаружившуюся за последние годы многослойную структуру общественного дискурса вокруг «черкесского вопроса» [Цветков, 2010; Скаков, Силаев, 2011; Боров, 2012; Дзамихов, 2013; Боров, 2016;].

Линия федеральной власти складывалась из нескольких позиций, включающих: отказ от публичного признания и обсуждения в каком-либо виде того, что черкесские активисты называют «черкесским вопросом»; оценка природы «черкесского вопроса» исключительно как одного из инструментов политики сдерживания в отношении России; полное исключение из официального дискурса и информационной картины федеральных СМИ упоминаний о 150-летию завершения Кавказской войны [Боров, 2016].

Официальная реакция республиканских властей на общественные настроения замкнута в календарные рамки памятных дат. Она отдает формальную дань прошлому, признавая трагический, но, в сущности, «нормальный» по историческим меркам характер событий Кавказской войны. Основной же пафос официального дискурса направлен на утверждение благотворности для адыгов пребывания в составе России. Он несет призыв сосредоточиться на конструктивном решении сегодняшних задач экономического и социального развития.

Дискурс признанных черкесских национальных организаций КБР, КЧР и Республике Адыгея (Международная черкесская ассоциация (МЧА) и «Адыге хаса» КБР) может быть обозначен в большей степени как «дискурс лояльности». Он в более явном виде констатирует завоевательный характер политики Российской империи на Кавказе, насильственный характер выселения черкесов в Османскую империю, наличие препятствий в реали-

зации стремления представителей зарубежной черкесской диаспоры к возвращению на родину. Но все это выражается в рамках полной преданности Российскому государству и безоговорочной поддержки его политики [Дзамихов, 2013; МЧА (1991–2011), 2011].

«*Стихийный*» дискурс черкесской идентичности, носителем которого выступает эмоционально и интеллектуально восприимчивая часть адыгского населения, это «дискурс исторической правды». В логике этого дискурса факт истребления и насильственного изгнания подавляющего большинства черкесского населения Кавказа в процессе и в результате его завоевания империей очевиден. Для современных черкесов предать забвению этот факт – значит предать память своих предков, разорвать связь со своими корнями, утратить свою культурно-историческую идентичность. Из этого не следует какой-либо однозначный вывод об отношениях современного Российского государства и черкесов. Но в основе их отношений должна лежать историческая правда. Признание правды не ослабит, а укрепит позиции России в черкесской среде по всему миру. Попытки же отрицать или оправдать факт жестокого завоевания, нежелание видеть в зарубежных черкесах соотечественников – главный источник недоверия и напряженности в их отношениях [Гукемухов, 2012; Нефляшева, 2012].

Дискурс черкесского национализма строится на прямом выведении политических требований из определенного понимания исторических фактов. Кавказская война привела к катастрофическому сокращению черкесского населения, ликвидации исторической Черкесии, изгнанию большинства черкесов в пределы Османской империи. Следовательно, современная Россия должна признать трагедию черкесов, виновницей которой является Российская империя; обеспечить репатриацию всех черкесов диаспоры, имеющих такое желание. Если современная Россия не идет навстречу этим требованиям, то черкесам не следует отказываться от поддержки других государств, даже если они руководствуются своекорыстными интересами, направленными против России [Берзегов, 2010; Кеш, 2011; Бурнацева, 2011; Темиров, 2011].

Сложная структура общественного дискурса предполагает, что то или иное развитие «черкесского вопроса» в значительной

степени будет определяться политическими и «процедурными» условиями его бытования. Включение его в контекст политической демократии, его общественное «исследование» через диалог в открытой публичной сфере позволит обнаружить его подлинную природу, а значит – в перспективе – найти оптимальные формы его решения.

Фундаментальная политическая природа «черкесского вопроса» определяется тем, что есть только два коллективных субъекта отношений, для которых «черкесский вопрос» выражает или затрагивает их жизненные интересы и для которых его конструктивное решение представляет самостоятельную ценность – сами черкесы и Россия. Для построения политики, которая имеет стратегическое наполнение, и та и другая сторона нуждаются в том, чтобы выявить собственное – самостоятельное и фундаментальное – политическое содержание «черкесского вопроса». Это должно быть безусловно *правомерное* и *независимое* от зигзагов политической конъюнктуры содержание. В равной степени важно, чтобы это содержание соотносилось с фундаментальными характеристиками глобального развития, включающими в себя и угрозу культурно-цивилизационных расколов и необходимость перехода к устойчивому развитию.

Публицистам, общественным деятелям, официальным структурам и лицам, выступающим *с позиций российского государственного интереса*, также необходимо отдавать себе отчет в некоторых реальностях.

1. Современный «черкесский вопрос» не является химерой, выдуманной внутренними этносепаратистами и внешними недругами России. В конечном счете он отражает сложную структуру черкесского мира, в которой общая идентичность объединяет разбросанные по всему миру и находящиеся в различных общественных условиях этносоциальные единицы. Это воспринимается как аномалия национального существования, хотя и обусловленная исторически. Ситуация дополняется процессами культурно-языковой ассимиляции черкесов в государствах и обществах их проживания. Сохранение языка и культуры воспринимается как насущная задача, как неперемненное условие выживания самого народа.

2. «Черкесский вопрос» может получать политически неприемлемые интерпретации или использоваться различными силами в недружественных по отношению к России целях. Но если пытаться на этом основании полностью отрицать правомерность постановки тех или иных аспектов «черкесского вопроса», это будет равносильно пренебрежительному отношению к жизненно важным «бытийными» интересам черкесов, а предлагать им отказаться от идеи черкесской общности – значит пытаться разрушить один из базовых элементов личной и групповой идентичности.

3. В условиях современного «глобализирующегося» мира, демократизации стран проживания черкесов и коммуникационной открытости неустранимой политической реальностью становится активность зарубежных организаций в черкесском вопросе. Равным образом нереально рассчитывать, что в процессе социализации молодых поколений российских черкесов у них будет формироваться только одномерная российская гражданская идентичность. На обозримую перспективу неустранимым фактором останется присутствие в структурах личной и групповой идентичности российских черкесов осознание их принадлежности к исторической и «трансграничной» адыгской общности [Боров, 2016].

Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни

Вопросы, связанные с насильственным выселением и последующей реабилитацией балкарцев до настоящего времени остаются одним из элементов общественно-политической повестки дня в Кабардино-Балкарской Республике. Эти вопросы несут ярко выраженный эмоционально-нравственный аспект [Час испытаний..., 2001; Аккиева, 2002; Балкарцы: выселение..., 2001; Зумакулов, 2003; Сабанчиев, 2004].

Дело в том, что с течением времени массовые представления о событиях и проблемах, связанных с депортацией и реабилитацией и то место, которое они занимают в общественной жизни республики, все в меньшей степени определяются непосредственным опытом тех, кто испытал на себе изгнание и возвращение. Для новых поколений решающее значение приобретает их интерпретация в исторических трудах и политических

установках активных общественных сил. В свою очередь исторические концепции и политические программы с неизбежностью несут отпечаток общего социально-политического контекста на том или ином этапе исторического развития. Но анализ исторических интерпретаций и политических концепций с неизбежностью воспринимается как их критика.

К середине 1990-х гг. была достигнута политическая стабилизация и в стране, и в республике. Дальнейшая динамика ситуации определялась не активностью массовых этнонациональных движений, а взаимоотношениями и компромиссами в среде официальных элит. В новой обстановке стало возможным осуществление ряда символических и практических мер из репертуара реабилитационной проблематики.

Наиболее существенными из них можно считать обращение Президента РФ к балкарскому народу (от 8 июня 1996 г.), в котором он принес официальное извинение за допущенную несправедливость; выплату компенсаций в соответствии с федеральным Законом о реабилитации жертв политических репрессий; воссоздание Эльбрусского и Черекского районов КБР. Вместе с тем, эти мероприятия осуществлялись на фоне ухудшающейся социально-экономической обстановки и не дали ощутимого материального улучшения подавляющему большинству балкарского населения республики.

При этом не могло быть иллюзий относительно возможностей быстрого и эффективного решения экономических проблем республики. Крупных предприятий, способных возобновить или расширить производство без огромных капитальных вложений, практически не осталось. А в аграрном секторе даже значительное увеличение объемов производства не позволяет ликвидировать трудоизбыточность сельского населения.

Все это необходимо было учесть и отразить в продуманной стратегии экономического развития республики. Но налицо неэффективность разрозненных усилий по решению отдельных экономических и финансовых проблем. В результате, восприятие экономических условий населением стало приобретать взрывную политическую силу.

В центре межнациональных конфликтов 1990-х – 2000-х годов стояли проблемы этнического представительства в системе

государственной власти республики и проблемы территориального разграничения «балкарской» и «кабардинской» части КБР, создание рабочих мест, решение земельного вопроса и т.д. Парадоксальным образом, мероприятия по укреплению системы исполнительных органов государственной власти и модернизации системы местного самоуправления привели к резкому обострению этих проблем [Ахматов, 1991; Балкария, 2005; Кабардино-Балкарская правда, 2006;].

С точки зрения анализа причин, интересов и целей, связанных с депортацией балкарского народа, нет оснований считать ее порождением или явлением общественно-политической жизни КБАССР. Сам акт депортации полностью остается в плоскости репрессивных действий тоталитарного режима по отношению к ряду народов и этнических групп Северного Кавказа. Но *последствия* депортации обрели значение внутренних для республики условий и факторов социального, национального и политического развития.

Ощутимые и сегодня социально-психологические последствия депортации так или иначе отражаются на осмыслении ее предпосылок и причин. Поскольку это происходит на уровне личностного эмоционально-психологического переживания, можно относиться к этому с сочувствием и определенным пониманием, даже если речь идет о заблуждении или несправедливом подозрении по отношению к другим титульным народам. Но в публикациях, претендующих на статус профессиональных академических исследований или в публичном политическом дискурсе, подобные переносы значений являются предсудительными.

Место проблемы реабилитации балкарского народа *в рамках текущего этапа общественно-политического развития КБР* в решающей степени определяется наследием 1990-х годов. Судя по всему, в мышлении представителей балкарской элиты и в массовых представлениях укоренилось широкое понимание понятия реабилитации, выходящее за пределы его основного юридического значения «восстановления в правах». Речь идет не только о его отождествлении в позициях отдельных групп с достижением этногосударственного суверенитета Балкарии. Реабилитацию трактуют порой как продвижение к некоему идеальному состоя-

нию этноса, включающему социально-экономическое процветание, полнокровное функционирование этнокультурной традиции и обладание всеми атрибутами современной цивилизации. Отсюда другая характерная черта современного понимания реабилитации – она видится как процесс, не имеющий завершения.

В целом сложился некий механизм политической актуализации проблемы реабилитации, который не способствует ее позитивному и прагматическому обсуждению. Вновь возникающие вопросы общественной жизни, например, муниципальной реформы, воспринимаются и интерпретируются в контексте широкого этноисторического понимания реабилитации. Противоречия и спорные моменты немедленно актуализируют программу суверенизации Балкарии как единственную гарантию благоприятного разрешения «бытийных» проблем этноса. Реальное экономическое и социальное содержание того или иного вопроса загоняется в ловушку этнополитической напряженности.

Есть два ключевых условия, без которых будет трудно выйти за пределы этого цикла и обеспечить одинаковое понимание проблемы государственными органами, общественными силами и группами населения. Во-первых, необходимо ввести употребление понятия «реабилитация» в общественно-политическом обиходе в строгие юридические рамки. Во-вторых, необходимо, чтобы эта работа осуществлялась при непосредственном участии федерального центра. Вопрос о балансе политических преимуществ и издержек, а также о формах такого участия остается на усмотрение государственного руководства.

Но в любом случае необходима глубокая правовая экспертиза проблемы реабилитации балкарского народа. Широко распространено представление, что «Закон о реабилитации репрессированных народов» представляет собой достаточную нормативную основу для решения проблем реабилитации, но твердой экспертной основы это представление не имеет [Осинов, Сапожников, 2004].

Начать с того, что он вряд ли изначально может рассматриваться как закон прямого действия. Возникает и более общая проблема соответствия Закона о реабилитации репрессированных народов современной правовой системе Российской Федерации. Он принимался в условиях, когда система советского права уже

распадалась, а новая правовая система была далека от окончательного оформления. С тех пор ситуация изменилась качественным образом. Сегодня в исторических работах можно встретить позитивную оценку того, что с принятием Закона на федеральном уровне «появилось официальное признание репрессированных народов в качестве субъектов права». Но в специальной литературе подвергается сомнению как раз «использование понятий, основанных на восприятии условных множеств («народов») в качестве субъектов права, и соответствие такого подхода общим принципам правопостроения в РФ» [Осипов, Сапожников, 2004].

Даже наиболее часто цитируемое в КБР положение Закона о «территориальной реабилитации», не получило четкого правового анализа. Между тем более внимательный взгляд на текст закона обнаруживает, что толкование понятия «территориальная реабилитация» требует учета содержания статей 3, 6, 7, 8 и сопоставления понятий «территориальная реабилитация» и «политическая реабилитация», а также порядка их осуществления применительно к народам, ранее имевшим или не имевшим национально-государственные образования. Мы уверены, что государственная правовая экспертиза нормативных актов и политических документов по проблемам реабилитации необходима не для уклонения от них, а для их подлинно эффективного решения.

Список литературы

- Акжиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Ахматов М.А.* Почему не выполняется постановление // КБП. 15 ноября. 1991.
- Балкария. Июль. 2005. № 3.
- Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001.
- Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№1). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2012.
- Боров А.Х.* «Черкесский вопрос»: опыт нормативного политического анализа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 2. 2016.

- Бурнацева Р.* Черкесский вопрос: новое воплощение этнического национализма в России // Центр политических технологий ПОЛИТКОМ.RU. Информационный сайт политических комментариев. 29.03. 2011 URL: <http://www.politcom.ru/11673.html> (дата обращения: 27.09.2011).
- Гукемухов М.* Черкесам нужен свой субъект // PRESSMON.COM Архив прессы онлайн. Российские, европейские, американские и латиноамериканские СМИ. URL: http://www.pressmon.com/cgi-bin/press_view.cgi?id=1863433 (дата обращения 08.08.2012).
- Дзамихов К.Ф.* Международная Черкеская Ассоциация и Черкесский вопрос: итоги и перспективы // Западный Кавказ: современные проблемы: материалы Международной науч. конф. / Организаторы: Международное научное общество кавказоведов, Южный федеральный университет, Центр изучения проблем Черноморского региона Российского института стратегических исследований (г. Ростов-на-Дону, 18–19 марта 2013 г.). Ростов н/Д., 2013.
- Зумакулов Б.М.* Из новейшей истории балкарского народа. 1944–2003. Нальчик: «Эль-Фа», 2003.
- Кабардино-Балкарская правда. 28 марта. 2006.
- Кеш Р.* Что такое «черкесский вопрос»? // Черкесия – Адыгэ Хэку. URL: http://virt-circassia.ucoz.com/news/chto_takoe_cherkesskij_vopros/2011-02-11-1142 (дата обращения: 27.09.2011).
- Берзегов М.* Мы как народ являемся субъектом международного права, на которое и опираемся // URL: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=1110&Itemid=5 (дата обращения 08.11.2011).
- МЧА (1991–2011): Сборник документов и материалов / Выявление, составление, предисловие К.Ф. Дзамихова. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011.
- Нефляшева Н.А.* Черкесское национальное движение – общероссийский и международный контекст: общие подходы. URL: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-nacionalnoe-dvizhenie-vnutrirossijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podxody/> (дата обращения 30.05.2012).
- Оситов А.Г., Сапожников Р.В.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004.
- Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик: «Эльбрус», 2004.

- Скаков А.Ю., Силаев Н.Ю.* «Черкесский фактор» в современной политической ситуации в Кавказском регионе. URL: http://carnegieendowment.org/files/cherkessian_factor_report_rus.pdf (дата обращения 09.06.2012).
- Темиров У.Е.* Черкесский вопрос в России // Звезда. 2011. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/te17.html> (дата обращения: 27.09.2011).
- Цветков О.М.* Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей / Гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.
- Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (Документы и материалы). Нальчик: Эльбрус, 2001.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В НАУЧНОМ, УЧЕБНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Ф.А. Озова

Структура исторических исследований в КЧР

Согласно Конституции Карачаево-Черкесской республики (1993), субъектообразующими народами являются абазины, карачаевцы, ногайцы, русские и черкесы. В советскую эпоху сложились академические традиции исследования их истории и национальных культур, претерпевшие в постсоветский период отдельные трансформации. Для понимания характера последних следует прежде всего обратить внимание на институциональную структуру, обеспечивающую исторические исследования и публикации. Они ведутся на базе пяти государственных учреждений: Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при правительстве КЧР (далее – КЧИГИ), Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника им. М.О. Байчоровой (КЧГМКПМЗ), Государственного архива Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР), Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (КЧГУ). На базе КЧГУ действуют Центр археологических и этнографических исследований и Музей археологии, имеющий единственную в республике постоянную археологическую экспозицию «От поздней Кобани до поздней Алании» [Айбазов, 2019].

Историческими исследованиями в КЧР, помимо государственных, занимаются и общественные организации. При поддержке ряда руководителей КЧР в 2003 г., в год 60-летия высылки карачаевцев в республики Средней Азии, были юридически восстановлены два научных центра Карачая, ликвидированных в 1943 году. Это Карачаевский национальный музей (КНМ)

и Карачаевский НИИ [Дайджест «Эльбрусоид», 2006. № 2: 6]. Координатором исследований по истории карачаевцев между государственными и общественными организациями выступает существующее при КЧГМКПМЗ историко-культурное общество «Аланский эрмитаж» [Вестник КЧГМКПМЗ, 2004. Вып. 1: 3], возникшее в 2002 г. на основе фонда «Алам» (1995–2003) [Известия Карачаевского НИИ, 2010. Вып. 6: 109]. Карачаевские историки достигли значительных успехов не только в организации государственно-общественного партнерства, но и в межрегиональной координации. Примером чему могут служить действующие в Москве Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» (2003) и межрегиональная общественная организация содействия сохранению и развитию карачаево-балкарских традиций «Барс Эль» (2010).

Видное место в организации, координации и публикации исторических исследований по истории ногайцев в последние годы стала занимать Федеральная национально-культурная автономия ногайцев России (ФНКА). Под эгидой ее регионального отделения в КЧР «Ногай Эл КЧР» (2015) осуществлены значительные научные проекты [Джумаева, 2019: 389].

Немалых успехов в координации международного и межрегионального научного сотрудничества достигла и Автономная некоммерческая организация «Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского народа “Алашара”» (АНО «Алашара», Санкт-Петербург, 2011), ведущая наряду с различными видами деятельности по сохранению национальной культуры абазин и исторические исследования. Президент АНО «Алашара» М.Х. Экзеков возглавляет международную научную программу «Абазины и абхазы: перспективы сохранения и развития языков, полевые и архивные материалы», реализуемую учеными России, Абхазии и Турции [М.Х. Экзеков // Википедия].

Историография КЧР в 2000–2020 гг. имеет две составляющие: с одной стороны, сохраняется связь с академической традицией, с другой, получил распространение этноцентристский [Гаджиев, Кузнецов, Чеченов, 2006: 62–82] или ревизионистско-этноцентристский подход [Шнирельман, 2006: 499]. Как известно, последний в карачаево-балкарской историографии сформировался в 1980–1990 гг. в работах прежде всего историка

И.М. Мизиева (1940–1997). Современные карачаево-балкарские историки признают в нем «основоположника карачаево-балкарской национальной школы археологов, инициатора новой концепции древнейшей и средневековой истории Северного Кавказа» [Известия Карачаевского НИИ, 2010. Вып. 6: 116]. Наряду с работами И.М. Мизиева, можно назвать программной и статью поэта Б.А. Лайпанова «Ислам в истории и самосознании карачаевского народа» [*Лайпанов*, 1998; 2001].

В трудах рассматриваемого периода используются те же исследовательские приемы, которые зафиксированы этнологом В.А. Шнирельманом, археологами М.С. Гаджиевым, В.А. Кузнецовым, И.М. Чеченовым при анализе работ И.М. Мизиева. Для них характерно нарушение важнейших принципов исторических исследований [*Шнирельман*, 2006: 496; *Гаджиев, Кузнецов, Чеченов*, 2006: 63–66], и именно эти методологические ошибки дают простор для ревизионистско-этноцентристских выводов по ранней и средневековой истории карачаево-балкарцев.

В 2000–2020 гг. отдельные положения теории И.М. Мизиева и Б.А. Лайпанова были развиты в формате статей и монографий. Авторы при этом не утруждают себя анализом огромного комплекса письменных, археологических, лингвистических, этнографических и антропологических источников и обширной литературы, представляющей профессиональное кавказоведение. В цитируемых изданиях попросту выбираются те положения, которые работают на «новую теорию» [*Шнирельман*, 2006: 503], которой свойственны «все характерные черты этноцентристского этногенетического мифа» [*Шнирельман*, 2006: 499]. Подобная избирательность свойственна и некоторым работам последнего десятилетия по истории абазин [*Экзиков, Емельянова*, 2012. Т. 1; *Тхайцухов*, 2017; *Емельянова, Экзиков*, 2020. Т. 1].

Вопросы этногенеза народов КЧР

Хотя в рассматриваемое двадцатилетие исследования по ранней этнической истории народов КЧР не велись, эта проблематика не оставалась без внимания: ею занимались этнологи и специалисты в области советской истории. Ими подготов-

лены работы по карачаево-балкарскому, ногойскому и абазинскому этногенезу.

Для привлечения внимания специалистов к проблеме карачаево-балкарского этногенеза были организованы конференции: «I-е Тамбиевские чтения по карачаево-балкарской историографии» (2004) [Известия Карачаевского НИИ, 2005. Вып. 1: 97–99], «Асы и аланы в этнической истории регионов Евразии» (2010), «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа» (2014)].

По проблеме карачаево-балкарского этногенеза имеются отдельные разделы в обобщающих работах [Тебуев, Хатуев, 2002: 5–65; Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 8–42; Карачаевцы и балкарцы, 1999: 25–29]. Их авторы по вопросу появления тюркоязычных предков на Кавказе идут дальше своих более ранних предшественников. Во-первых, они отрицают аборигенность какого бы то ни было кавказского народа, утверждая: «нет такого народа, который имеет право заявить, что он “исконно кавказский”» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 6]. Во-вторых, в их работах сохраняется тенденция к удревнению прихода предков тюркоговорящих карачаево-балкарцев на Кавказ: если ранее они относили его к III тыс. до н.э. [Хатуев, 1998: 208; Лайпанов, 2007: 22, 26], то теперь они его датируют эпохой «позднего палеолита или неолита» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 9].

По-прежнему последователи И.М. Мизиева приписывают карачаево-балкарцам создание разнообразных археологических культур бронзового и раннего железного века. Ссылаясь на мнение «кавказоведов» (их самих же), они позиционируют карачаево-балкарцев как прямых потомков создателей таких северокавказских археологических культур как майкопская, дольменная, северокавказская, кобанская [Тебуев, Хатуев, 2002: 12, 14, 18, 20, 23]. При этом историко-культурное наследие кобанской культуры они готовы разделить только с осетинами и нахами. Черкесы (адыги) в версии древней истории Кавказа последователей М.И. Мизиева отсутствуют.

Как и И.М. Мизиев приверженцы его теории в КЧР также выделяют помимо древнейшего этапа этногенеза еще два, отождествляя карачаево-балкарцев, соответственно: в VII в. до н.э. – V в. н.э. со скифами, сарматами, аланами, а в IV–X вв. н.э. – с

гуннами, хазарами, болгарями, асами, печенегами, куманами / кыпчаками / половцами [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 16–52]. А.Х. Кубанов выдвинул идею, что асы и болгары – один и тот же народ [Кубанов, 2004: 91], что не согласуется с господствующей в историографии точкой зрения о тождестве асов и алан. В то время как карачаево-балкарские историки причисляют к прямым потомкам тюркоязычных ас-алан и болгар только карачаево-балкарцев, ногайские историки утверждают, что кыпчаки, ас-аланы и болгары приняли участие также и в этногенезе ногайцев [Керейтов, 2010: 132–137].

Вопросы ранней истории абазин также исследовались в контексте обобщающих работ. В советской историографии доминировала точка зрения об этническом единстве абазин и абхазов. Но в начале 2000-х гг. обрела популярность идея отрицавшая их этническое единство (она была выдвинута еще в 1946 г. Л.И. Лавровым [Лавров, 1946: 161–170], но он впоследствии от нее отказался [Лавров, 1976: 3–10]). Историк М.С. Тхайцухов (1949–2020), разделявший в своих ранних работах точку зрения об этническом единстве абазин и абхазов, считал, что начало формированию абазинской народности положила миграция некоторой части абхазов на Северный Кавказ [Тхайцухов, 1985: 4]. В начале 2000-х гг. он стал развивать идею, что абазины и абхазы – два самостоятельных (хоть и родственных) этноса, генетически связанных, соответственно, с древними абазгами и апсилами [Тхайцухов, 2005: 5], неправомерно разделив при этом абазин на северных и южных [Тхайцухов, 2003: 18]. Эта же точка зрения представлена и в других работах последних лет. При этом в них процесс инфильтрации абазин на Северный Кавказ получил новые хронологические рамки: не XIV–XIX вв., как это считалось до сих пор, а во «весь исторически обозримый период» [Экзеков, Емельянова, 2012: 9].

Средневековая и новая история Карачаево-Черкесии: дискуссионные вопросы

В рассматриваемый период наибольшие противоречия наблюдаются в трактовке не только ранней истории, но и средневековой и новой истории современной Карачаево-Черкесии. По-

прежнему остаются дискуссионными проблемы выявленные и проанализированные на широком северокавказском материале XX в. в уникальной монографии В.А. Шнирельмана. Это – вопросы политической истории, этнической территории, этнонимии, этнической атрибуции историко-культурного наследия средневековой и новой эпох [Шнирельман, 2006].

В 2000–2020 гг. появились исследования об этнонимической системе черкесов [Озова, 2014: 356–363], о черкесской княжеской династии Иналидов (князьях Черкасских) [Озова, 2012: 134–158; Статус князей..., 2017: 809–823], о своде обычного права и судебной системе Черкесии [Озова, 2021: 56–70; Ш.Б. Ногмов..., 2019: 26–36], об институциональной истории черкесского православия [Озова, Черкесское православие..., 2018: 70–95], о черкесских городах [Озова, Черкесские города..., 2017: 259–278] и черкесско-итальянских средневековых связях [Озова, Черкесско-итальянские..., 2013: 139–171]. Их главной целью стало обобщение всех имеющихся по этим вопросам источниковых и историографических материалов и выявление перспектив дальнейшего изучения обозначенных тем.

Многие из обозначенных проблем были разработаны на ногайском историческом материале. Прежде всего следует назвать состоявшиеся в г. Черкесске в 2014–2019 гг. под эгидой КЧИГИ и «Ногай Эл КЧР» международные конференции [Ногайцы: XXI век..., 2014, 2016, 2019]. Они аккумулировали исследования по истории и культуре ногайцев, ведущиеся учеными не только Северного Кавказа, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Симферополя, Астрахани, Казахстана, Турции, Украины, Молдовы. В рассматриваемый период увидели свет важные источники по истории абазин [Кунижева, 2005; Экзиков, Емельянова, Т. 1. 2012] и источниковедческие работы по истории ногайцев и черкесов [Керейтов, 2014: 142–148; Курмансеитова, 2004: 77–86; 2006: 121–127; Озова, «Адыгская вотчина»..., 2015: 630–636; 2016: 45–48; Вклад А. В. Гадло..., 2018: 117–128; Вклад В.Х. Кажарова..., 2019: 7–19].

Как известно, проблема источников по древней и средневековой карачаево-балкарской истории стоит остро. В исследуемый период в научный оборот были введены три начальные главы «Летописи Карчи» / «Хазаро-Аланской летописи» (2002)

и «Кодекс Карчи» (2005). К сожалению, публикация этих источников не сопровождается источниковедческим анализом, что вызывает много вопросов к их происхождению. Обозначенные главы «Летописи Карчи», сопоставляемой по значимости со «Словом о полку Игореве», дополняют публикацию 1994 г., когда свет увидели 10 глав (всего «Летопись Карчи» имеет 23 главы). Они повествуют о событиях карачаево-балкарской истории с периода «до нашей эры» [Известия Карачаевского НИИ, 2005. Вып. 1: 71] и до XIV в. Их публикатор – прозаик, поэт, эссеист и историк Б.А. (Алан) Глашев – предпринял попытку верификации сведений «Летописи Карчи» данными древнегрузинских хроник и «Хронографией» Феофана (IX в.), отметил созвучие сюжетов новоявленной летописи с карачаево-балкарским фольклором.

В шестом номере «Известий Карачаевского НИИ» доктор исторических наук М.Д. Каракетов опубликовал русский перевод рукописи, названной им «Кодекс Карчи» [Каракетов, 2010: 22]. Согласно сведениям публикатора, «Кодекс Карчи» был вывезен в конце XIX в. с Кавказа в Турцию и сохранен в семье Коркмазовых. В своей первой части он содержит нормы обычного права восходящие к легендарному предводителю карачаевцев / карачаево-балкарцев Карче. Эта находка, если бы она была сопровождается необходимым в таких случаях источниковедческим анализом, могла бы стать сенсационной, так как свидетельствует, что самобытный юридический памятник, аналогичный кодексам крупных феодальных владетелей Дагестана Умма-хана Аварского XVI в. и Рустем-хана Кайтагского начала XVII в., появился у карачаево-балкарцев в еще более раннее время.

Во второй части нового источника представлены сюжеты об истории карачаевских фамилий и их можно было бы верифицировать на основе сведений хорошо известного документа: посемейной переписи карачаевцев, проведенной под руководством начальника Баталпашинского уезда Н.Г. Петрусевича (служившего в 1864–1870 гг. приставом Эльбрусского округа, где жили карачаевцы) и пяти карачаевских депутатов, участвовавших в работе Комиссии для разбора прав сословий горцев Терской и Кубанской области. Однако М.Д. Каракетов считает сведения переписи не совсем достоверными [Каракетов, 2010: 22, 23], в отличие, например, от К.Т. Лайпанова, который, напротив,

настолько доверял ей, что построил на ней исследование об этногенетических корнях карачаевских фамилий [Лайпанов, 2005: 34–58]. Действительно, картины, рисуемые этими двумя источниками чрезвычайно разнятся.

Работы по истории карачаевцев средневековой эпохи в подавляющем своем большинстве смыкаются концептуально с трудами И.М. Мизиева и публикациями по карачаево-балкарскому этногенезу. Как и прежде карачаевские историки пишут, что в раннесредневековую эпоху завершился процесс формирования карачаево-балкарского этногенетического ядра в рамках Великой Болгарской державы (VII в.), Хазарии («территория Карачая вошла в состав Хазарского каганата в VIII в.» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 35]) и Аланского царства (IX–XIII вв.) [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 43–56]. Политическая история карачаево-балкарцев разворачивалась в X–XIII вв. в Аланском царстве «со столицей в Карачае» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 43]; в XIII–XIV вв. – в Золотой Орде, где «оставшаяся на Северном Кавказе основная масса алано-асского населения стала надежной опорой ханов <> Золотой Орды» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 54]; в XV–XIX вв. [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 61] / XVI–XVIII [Хатуев, Бегеулов, 2019] – в Карачаевском княжестве.

Политической истории карачаево-балкарцев посвящены отдельные монографии и статьи, развивающие многие положения теории И.М. Мизиева и вышеназванной статьи Б.А. Лайпанова [Лайпанов, 2001]. Это, прежде всего: справочник «Хроника аланских царей» [Хатуев, 2007], «Алания мусульманская» [Хатуев, Биджи, 2011: 206–207], «Очерки истории Карачаевского княжества XVI–XVIII вв.» [Хатуев, Бегеулов, 2019] и статьи о генеалогиях кавказских правителей [Хатуев, 2004. Вып. 1: 51–59; Хатуев, 2011. Вып. 7: 53–61]. Очевидно, что все они направлены на интеграцию информации о правителях карачаево-балкарцев в контекст исследований об общекавказском и о ближневосточном средневековье. Следует также отметить, что на основе некритических интерпретаций преданий происхождение практически всех правителей Дагестана и Северного Кавказа сводится к арабским корням, а правителей Карачая вместе с дагестанскими шамхалами к роду самого пророка Мухамеда –

Курайшитам [Хатуев, 2011. Вып. 7: 53–61], а части правителей Балкарии и Дигории к Чингиз-хану [Хатуев, Биджи, 2011: 146].

Концепция Карачаевского княжества оформилась первоначально в уже упомянутой коллективной монографии «Карачай с древнейших времен до 1917 г.» и сменила концепцию Горско-Кабардинской конфедерации. Последняя была представлена в 1999 г. в коллективной монографии «Карачаевцы и балкарцы». В ней отмечалось, что начиная с XVII в. на Центральном Кавказе оформились конфедеративные связи горских обществ, в том числе и карачаево-балкарских, «с самой влиятельной в регионе этнополитической силой – Кабардой» [Хатуев, 1999: 83]. Эта точка зрения развивалась и в работе 2002 г. [Тебуев, Хатуев, 2002: 94–101]. Но через несколько лет Горско-Кабардинская конфедерация была переименована в Центрально-Кавказскую [Бегулов, 2005]¹ и на основе этой концепции сотрудник кафедры истории России КЧГУ Р.М. Бегулов защитил докторскую диссертацию (2005). Но и ему не удалось решить проблему слабостью обоснованности полноправности всех субъектов конфедерации. Автор стремился подкрепить эту концепцию в числе прочего и апелляцией к нормам обычного права. Однако, к примеру, утверждение, что у черкесов имелось эмчекское право в том виде как оно бытовало у карачаево-балкарцев [Бегулов, 2009: 64], не имеет реальной исторической почвы и, соответственно, выводы автора также не выдерживают критики.

Карачаево-балкарских историков не меньше чем политическая история интересует вопрос территориальной конфигурации Карачая и Балкарии. В литературе конца 1990-х гг. территория Карачая отождествлялась с небольшой территорией в верховьях р. Кубани [Лайпанов, Мизиев, 1993: 107]. В статье «Карачай в XVII–XVIII вв.: проблема локализации» Р.М. Бегулов делает парадоксальный вывод: он предлагает интерпретировать неясность сведений источника о хронологии той или иной локализации Карачая (Баксан или верховья Кубани) в пользу их одновременности [Бегулов, 2004. Вып. 1: 13–16]. И в работах после-

¹ На этой концептуальной основе вышла монография «Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории» (Карачаевск, 2009) и учебное пособие для студентов КЧГУ [Бегулов, 2015].

дующих лет, действительно, вместо одного высокогорного плацдарма, речь стала идти одновременно о двух высокогорных территориях Карачая, а ныне не только о них, но и о предгорьях Центрального Кавказа [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 64; Хатуев, Биджи, 2011: 8; Каракетов, 2010. Вып. 6: 22; Каракетов, 2011. Вып. 7: 53].

Вопреки сведениям многочисленных источников под Карачаевским княжеством понимается вся современная территория КБР и КЧР со столицей в Эль-Джурте вблизи современного г. Тырнауз [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 64]. Удивительно, но этот тезис нашел подтверждение в опубликованном через год «Кодексе Карчи» (публикатор нового источника М.Д. Каракетов, кстати, приписывает эту территорию Карачаю и в домонгольский период) [Карачаевцы. Балкарцы: 38]. После описания земель Карачаевского княжества территорию Большой Кабарды невозможно идентифицировать. Очевидно поэтому возник вывод, что Большая Кабарда «в отличие от более “укорененной” Малой Кабарды» не имела «ни одного признака государственности: ни оседлого населения, ни четких границ, ни постоянных феодальных укреплений, ни административно-политического центра. Иными словами, Большая Кабарда выступала скорее разновидностью кочевой орды» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 65]. Таким образом, анализ концепции Карачаевского княжества свидетельствует, пользуясь уже имеющейся терминологией [Шнирельман, 2006: 507], о переходе карачаевских авторов от умеренного к радикальному ревизионизму.

Проблема с древними насельниками Центрального и Северо-Западного Кавказа, носителями одного из кавказских языков – черкесами-адыгами – решается современными единомышленниками И.М. Мизиева двояко. С одной стороны, черкесов они именуют исключительно их наиболее ранним эндоэтнонимом *адыги*, но не наиболее известным в мире политонимом *черкесы*. Последний объявлен этнонимом одного из тюркских народов, перешедшим на некоторые «нетюркские племена» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 63]. С другой стороны, на основе данных «Летописи Карчи» делается вывод, что этноним *карачай* произошел из хазарского языка [Глашев, 2005. Вып. 1: 74], его связывают без всякой аргу-

ментации с именем хазарского племени *кабар / кавар* [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 39], которое в кавказоведении обычно связывалось с кабардинцами. Противоречия последнему тезису, также утверждается, что этноним и топоним Карачай – «имя народа и название страны» [Каракетов, 2016: Вып. 12: 105] – бытует уже две тысячи лет. Обращает внимание, что с 2009 г. карачаево-балкарцы зачастую именуется просто карачаевцами. Эту метаморфозу можно связать, очевидно, с развитием концепции Карачаевского княжества [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009].

В то же время появились работы и по истории абазин, где под черкесами понимают все народы адыго-абхазской группы, хотя территория Абхазии никогда не была частью исторической Черкесии. Таким образом, абазин и абхазы идентифицируются ими и как абазы [Емельянова, Экзиков, 2020: 19], и как черкесы [Экзиков, Емельянова, 2012: 10]. Следует сказать, что в этих рассуждениях не учитывается полисемантность исторического термина *абаза*, он употребляется без пояснений и покрывает зачастую материал имеющий различную принадлежность, что приводит к смешению под наименованием *абаза*, под которым авторы подразумевают прежде всего северокавказских абазин, абхазского, черкесского и абазинского исторического материала [Емельянова, Экзиков, 2020: 243, 246, 304–311]. Между тем все эти вопросы разработаны в кавказоведении и ознакомление хотя бы с некоторыми капитальными трудами по истории Абхазии [Инал-Ина, 1965; Папаскир, 2005] позволило бы авторам избежать путаницы. Поэтому неудивительно, что в представлении авторов разброс этнической территории народа *абаза* (абхазов и абазин) в конце XVIII – начале XIX в. составлял от 30 до 56 тысяч квадратных километров (абазин ныне занимают 400 квадратных километров, а абхазы – 8 тыс.) [Емельянова, Экзиков, 2020: 19].

Территорией формирования ногайского народа названы также в числе прочих земель «предгорья Северного Кавказа» [Керейтов, 2019: 143–148].

Хотя в русских источниках XVI–XVIII вв. сохранилось значительное число документов о пятигорских черкесах и о территории Кавказских минеральных вод как о части их этнической территории, авторы работ по истории абазин, ногайцев и ка-

рачаево-балкарцев к ним не обращаются и пишут о принадлежности этого района в исторической ретроспективе, соответственно, абазинам, ногайцам, карачаево-балкарцам. В то же время карачаевские историки особо отмечают, что абазинны и ногайцы (а о черкесах нет речи совсем) лишь «некоторое время» проживали на территории Карачая (то бишь Центрального и части Северо-Западного Кавказа) [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 66]. «Вся тюркская топонимика Пятигорья, верховий рр. Кумы, Подкумка и других перечисленных выше рек [Черек, Баксан, Хасаут-Мушт, Кичмалка, Лахран. – прим. авт.] является карачаевским наследием» [Лайпанов, Хатуев, Шаманов, 2009: 64].

Столь великому политическому прошлому под стать и культурные достижения. На рубеже XX–XXI вв. в карачаево-балкарской историографии утвердилось положение об исконности карачаево-балкарской версии нартского эпоса и что именно у карачаево-балкарцев все народы Северного Кавказа заимствовали «Нартов» [Шнирельман, 2006: 498]. Некоторые фольклористы и раньше вычленяли в нартских сказаниях тенгрианский пласт [Хаджиева, 2017: 231–236], но заведующий отделом языка, литературы и фольклора Карачаевского НИИ Х.М. Акбаев оценивает теперь нартский эпос как «настоящую тенгрианскую библию» [Акбаев, 2020: 10].

Со средневековой этнической религией тюрко-монгольских кочевников и неологизмом *тенгрианство* связывает возникновение и развитие аланской этики и автор книги «Аланская история и этика» [Урусов, 2013: 48]. Отдельные работы посвящены карачаевской военной терминологии и оружию, выявлению тюркских истоков кавказского костюма и аланских истоков карачаево-балкарского искусства [Акбаев, 2011; Тебуева, 2007; Будаев, 2012] и конечно, какая всадническая культура без своей породы лошади [Боташев, 2019. Т. 1; Дотдаев, 2020]. Стоит только добавить, что многие из упомянутых выше изданий вышли под грифом Министерства образования КЧР, Карачаево-Черкесского института повышения квалификации и Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева.

Исторические связи народов КЧР с Россией в XVI–XVIII вв.

В рассматриваемый период исследования по взаимоотношениям народов КЧР с Российским государством на протяжении XVI–XIX вв. разрабатывались преимущественно на черкесском историческом материале. В 2020 г. вышла в свет монография Ф.А. Озовой «Институт аманатства в российско-черкесских отношениях: 1552–1829 гг.» (СПб., 2020). На систематизированном комплексе научных источников автор показала, что институт аманатства в российско-черкесских отношениях 1552–1829 гг. имел двойственный характер и в зависимости от обстоятельств аманат мог выступать как послом, так и заложником. В монографии представлена картина развития института аманатства на протяжении почти 300 лет. Автор выявила имена черкесских аманатов, гарантированные ими договоры, их социальный статус и условия их аманатской миссии в политическом плане.

В публикациях последнего времени представлена оригинальная интерпретация российско-карачаевских и турецко-карачаевских связей в середине XVI в. [Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 41, 42; *Бегеулов*, 2015; *Бегеулов*, 2017: 413–422]. Она сводится к значительной роли карачаево-балкарцев в международной политике той эпохи [Карачаевцы. Балкарцы, 2017: 41]. Жаль, что этот вывод не подкреплён ссылками на документы или специальные исследования.

По мнению некоторых авторов, другим важным актором международной политики на Кавказе были и абазины, якобы выступавшие в середине XVI в. как крупная политическая сила, находившаяся в союзе с Московским царством и оказывавшая реальную военную помощь царскому двору [*Емельянова, Экзиков*, 2020: 119, 120]. В данном случае дипломатические документы, призванные произвести впечатление на английских дипломатов, были интерпретированы как имеющие под собой реальные факты.

Рефреном через всю работу «Абазинский ренессанс» проходит идея о постоянных «кабардинских и черкесских притеснениях» [*Емельянова, Экзиков*, 2020: 213] абазин, а также «ингушей, карабулаков, осетин, балкарцев и карачаевцев» [*Емельянова, Экзиков*, 2020: 240]. В основе могущества кабардинских князей согласно этой точке зрения лежали дружеские связи черке-

сов Кабарды с царским/императорским дворами: «Кабардинцы были одним из наиболее обласканных царской властью народов Северного Кавказа аналогично грузинам на южных кавказских склонах» [Экзеков, Емельянова, 2012: 16]. Более того, российское присутствие на Кавказе видится им причиной «неравного положения» [Экзеков, Емельянова, 2012: 234] – более низкого статуса абазинской аристократии в сравнении с черкесской.

Освещение Кавказской войны в научной литературе КЧР

В интерпретации военного противодействия кавказских народов российской экспансии на Северном Кавказе в конце XVIII – последней трети XIX в. мнения историков КЧР расходятся. Следует отметить, что позиция ревизионистов в этом вопросе постоянно трансформируется. Так, в начале 2000-х гг. они то избегали термина *Кавказская война*, то применяли его, стремясь определить место Карачая в боевых действиях северокавказских народов против «агрессивных устремлений» царских генералов [Тебуев, Хатуев, 2002: 103–110]. В 2000-м г. кандидатская диссертация Р.М. Бегеулова была посвящена теме участия Карачая в «национально-освободительном движении народов Северного Кавказа» [Бегеулов, 2000]. Монография, подготовленная на основе диссертационного исследования, уже называлась: «Карачай в Кавказской войне» (Черкесск, 2002).

Непоследовательно отношение к феномену Кавказской войны и авторов тома «Карачаевцы. Балкарцы». Они изображают присоединение Карачая к России как результат то длительного сопротивления в ходе «Кавказской войны» [Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 49], то «так называемой Кавказской войны» [Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 50]. Но даже проблема Кавказской войны сводится к территориальному вопросу. Однако все положения, что карачаевцы в 1820–1860-е гг. были лишены своих земель [Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 52] опровергаются документами российских архивохранилищ.

Как уже отмечалось выше решение отойти от «концепции» Горско-Кабардинской / Центрально-Кавказской конфедерации и остановиться на концепции Карачаевского княжества, привело к развитию положений о кочевническом образе жизни живущих

рядом с карачаево-балкарцами народов. (Кстати, положение об «охотничье-кочевой культуре» [Емельянова, Экзеков, 2020: 196] абазов (абазин и абхазов) и «непривязанностью абазин к земледельческой культуре и их следованием за кочевьями одомашненных животных» [Емельянова, Экзеков, 2020: 192] является краеугольным для монографии «Абазинский ренессанс»).

Развить эту теорию взяла на себя труд З.Б. Кипкеева в своей докторской диссертации и изданной на ее основе монографиях [Кипкеева, 2005; 2006; 2008]. Период Кавказской войны изображен в них как метания черкесов, абазин, ногайцев под влиянием «российского фактора» по территории Северного Кавказа. Вылившиеся в конечном итоге в добровольную эмиграцию в пределы Османской империи. В этих работах картина реального течения российско-кавказских отношений как системы взаимосвязанных событий, осмыслением которых занимались многие поколения историков, подменяется умозрительной схемой бесконечных миграций и эмиграций под влиянием то «кочевнического образа жизни», то «российского фактора».

Здесь нет нужды останавливаться на основных положениях ее работ, так как анализ монографии З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в)», выявивший огромное число «фальсификаций, подтасовок и сознательных искажений» [Ошроев, 2008: 461], несоответствие на 360 страницах текста 450 ссылок данным использованных источников и литературы [Ошроев, 2008: 463], был дан еще на стадии защиты диссертации [Ошроев, 2008: 457–465; Кожев, 2008: 466–474]. Тем не менее Диссертационный совет Ставропольского государственного университета 19 октября 2007 г. присудил ей ученую степень доктора наук. Более того одна из упомянутых рецензий решением Черкесского городского суда была включена в Федеральный экстремистский список Минюста РФ под № 1744 [Федеральный экстремистский список Минюста РФ]. На этот акт отреагировал Информационно-аналитический центр «Сова», прокомментировав, что этот отзыв «не дает повода для запрета» [В Карачаево-Черкесии запретили...].

В 2012 г. отдельным томом были опубликованы извлечения из «Актов Кавказской археографической комиссии» по истории

русско-кавказских отношений XVIII–XIX вв. [Экзеков, Емельянова, 2012]. Название тома «Абазины и “черкесский” вопрос» создает впечатление противопоставления абазин и черкесов, хотя в обозначенный авторами хронологический период абазины были частью того черкесского вопроса, который авторами так и не был четко сформулирован.

В то же время часть историков КЧР продолжает работать на основе сложившейся историографической традиции изучения Кавказской войны. Особый интерес вызывают темы, ранее не разрабатывавшиеся в ее рамках: модели войны, о связанных с Кавказской войной новациях в российском законодательстве, о военнопленных в Кавказской войне [Озова, «Ермоловская»..., 2015: 174–184; О новациях..., 2013: 224–239; 2011: 19–44; Военнопленные..., 2013: 164–170].

Понимание истории Кавказской войны невозможно без осмысления ее последнего периода – 1856–1864 гг. и связанного с ним тахджирства-мухаджирства. В статье «Планы генералов Филипсона и Евдокимова – проблема выбора» проанализирован алгоритм утверждения российским правительством системы ведения войны в западной Черкесии в 1856–1860 гг., где тогда проживали наряду с черкесами абазины и ногайцы. Главным выводом, к которому склоняет комплекс исторических документов, состоит в том, что за исключением нескольких человек весь вовлеченный в решение этой проблемы генералитет Российской империи высказался против депортации черкесов с западного Кавказа [Озова, Планы генералов..., 2013: 285].

Учебные пособия для школ и вузов КЧР

В КЧГУ студентов обучают по учебным пособиям, в том числе подготовленным в этом вузе. Среди последних выделяются курсы лекций «История Карачаево-Черкесии» [Текеева, Хаджиева, 2012] и «Традиционная культура и быт народов России» [Текеева, Текеева, 2019]. Они построены в значительной степени на изложенных выше положениях ревизионистско-этноцентристского толка. Существует лишь одно учебное пособие по истории КЧР для 10–11 классов [Народы Карачаево-Черкесии..., 1998]. Разделы посвященные карачаевцам (автор Р.Т. Хатуев) и отчасти казакам

(М.Ф. Куракеева-Татаренко) и абазинам (З.З. Кунижева) были написаны на основе ревизионистско-этноцентристского подхода. Из-за противоречивости концептуальной основы учебника учителя с первого года преподавания стали отказываться от него.

В настоящее время история КЧР не представлена в учебных планах школ республики отдельной дисциплиной. Она преподается в рамках различных учебных предметов (история России, родной язык и литература), программы «Основы духовно-нравственной культуры народов России», а также факультативно и как элективный курс во внеурочное время. В 2015 г. Министерство образования и науки КЧР поручило КЧИГИ написать новое учебное пособие «История и культура народов Карачаево-Черкесии» для 10–11 классов. Предполагалось, что школьники получат его уже в 2016–2017 гг. Оно было подготовлено коллективом историков, представлявшим все субъектообразующие народы КЧР. После многократного обсуждения в КЧИГИ, на которых рукопись пособия получила положительную оценку, оно было представлено в Министерство образования и науки КЧР. Однако сторонники ревизионистско-этноцентристского подхода к истории КЧР директор Карачаевского НИИ, доцент Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии И.М. Шаманов, директор КЧГМКПМЗ У.Ю. Эльканов, ученый секретарь КЧГМКПМЗ Р.Т. Хатуев, зав. кафедрой истории России КЧГУ профессор Р.М. Бегеулов обратились к министру образования КЧР И.В. Кравченко с требованием снять учебное пособие с дальнейшего обсуждения под предлогом, что оно содержит антинаучные тезисы (типа негативной оценки роли гуннов в истории Северного Кавказа и т.п.), «создает прямую угрозу деформации исторического сознания подрастающего поколения». На высказанные замечания, а они касались прежде всего древнего и средневекового периодов истории КЧР, автором были даны обстоятельные ответы. Однако, диалог так и не состоялся. Неоднократные просьбы авторов учебного пособия и дирекции КЧИГИ к министерству образования КЧР направить рукопись на внешний отзыв остались без удовлетворения. В то же время съезд общественной организации «Конгресс карачаевского народа» потребовал реорганизовать КЧИГИ из-за научной продукции института (прежде всего

из-за вышеобозначенного учебного пособия), не удовлетворяющей эту организацию [Шаповалов, 2017].

Историческая тематика в общественном дискурсе Карачаево-Черкесии

В 2000–2020 гг. ревизионистско-этноцентристский подход не только значительно вытеснил все остальные в изданной в КЧР научной, учебной и популярной литературе, но и нашел себе место на страницах республиканских газет, в программах республиканского телевидения на каналах «ГТРК КЧР», «Архыз 24», в экспозиционно-исследовательской деятельности Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника им. М.О. Байчоровой [Официальный сайт КЧГМКПМЗ] и Музея археологии КЧГУ.

Такие организации как «Конгресс карачаевского народа» бдительно следят, чтобы историческая проблематика оставалась на повестке дня общественной жизни, даже установлен календарь памятных дат Алании [Письменно установленные даты ...]. «Философская эмблема аланов» или «астральный знак аланов» являвшаяся эмблемой общественной организации «Алан» (1992) с февраля 2012 г. «стала официальным гербом карачаево-балкарского народа. Он изображен на каменном кубе в центре памятника депортации у г. Карачаевска, изображается на свадебных флагах, мелькает на экранах ТВ, спектаклях, был эмблемой карачаевской научной газеты “Гипанис-Ккбань”» [Абайхан, 2014: 141, 142].

Особое место в общественном дискурсе КЧР заняла тема уцелевших на территории современной КЧР пяти так называемых аланских храмов, среди которых древнейший христианский храм Российской Федерации, называемый археологами «Северный Зеленчукский», находящийся на территории археологического памятника X–XII в. Нижне-Архызского городища. В 1988 г. обозначенные пять храмов вошли в состав Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника, а в 1995 г. Указом Президента РФ № 176 от 20 февраля они были включены в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

Впервые вопрос о передаче храмов из государственной собственности в собственность Русской Православной Церкви публично был поднят в 1991 г. Необходимость такого шага мотивировалась необходимостью сохранения разрушающихся памятников, имеющих огромное значение для христианского мира [Kratova Natalya V., 2020: 47]. Однако такая постановка вопроса вызвала негативную реакцию не только со стороны музейного руководства, но и представителей карачаевской интеллигенции, позиционировавшей эти храмы как историко-культурное наследие карачаевцев [Лайманов, 2001; Урусов, 2013: 61–63]. Противостояние представителей карачаевского народа в лице официальных лиц (руководство КЧГМКПМЗ и других республиканских структур), карачаевских общественных организаций, с одной стороны, и РПЦ, с другой стороны, развивалось два десятилетия и обострилось в 2003 [Зайцева, 2003: 2], 2009 [Скандал..., 2009: 4, 5], 2010–2011 [Один из подожженных храмов...; В Карачаево-Черкесии вандалы...]. Ситуация разрешилась неожиданно в марте 2011 г.: РПЦ отказалась от претензий на передачу храмовых комплексов в собственность, но в то же время получила право использовать храмы по прямому назначению без ущерба для их сохранности [Kratova Natalya V., 2020: 51]. С 2018 г. храмы находятся в ведении специально созданного учреждения – Карачаево-Черкесского республиканского государственного бюджетного учреждения «Аланский древнехристианский центр на Северном Кавказе», подчиненного Министерству туризма, курортов и молодежной политики КЧР. Однако и это решение не удовлетворяет карачаевские общественные организации [Шановалов, 2017].

Выводы

1. Историография КЧР в 2000–2020 гг. развивалась в двух направлениях. С одной стороны, сохранялась связь с академической традицией, с другой, получил распространение ревизионистско-этноцентристский подход, отрицающий устоявшиеся в научном кавказоведении положения.

2. Ревизионистско-этноцентристский подход утвердился в результате многих факторов. Среди них сложившаяся за по-

следние десятилетия структура исторических исследований, а также приход на ключевые позиции в научных (за исключением КЧИГИ) и других учреждениях КЧР его сторонников. Ответственные и даже государственные инструменты, как например, «Федеральный экстремистский список Минюста РФ», используются сторонниками этого подхода для «опровержения» точки зрения своих оппонентов.

3. В 2010–2020 гг. внутри ревизионистско-этноцентристского подхода усилилось радикальное крыло, отказывающее кавказским народам в аборигенности на Кавказе и в этнической территории. Сторонники этого подхода игнорируют черкесскую (адыгскую) тематику, а если и ведут речь о черкесах то в негативном ключе.

4. Любая критика ревизионистско-этноцентристских построений воспринимается их авторами негативно. Этот дискурс вышел за рамки научного сообщества КЧР, раскалывая не только ученых, но и все общество.

5. Дискуссионные вопросы по истории Карачаево-Черкесии в силу исторических обстоятельств формирования ее полиэтничности и интересующей приверженцев ревизионистско-этноцентристских построений проблематики затрагивают не только КЧР, но и ряд регионов Северного и Южного Кавказа (Абхазию).

6. Преодоление негативных процессов в историографии Северного Кавказа требует консолидации усилий академического сообщества для изучения целостной истории Кавказа, складывающейся из историй всех народов населяющих регион. Приоритетное место в работе над интегральной историей народов Северного Кавказа должен занять процесс выявления и обобщения источников, их источниковедческий анализ и синтез.

Список литературы

Абайхан М.Х. Переводы с арийского. Ставрополь, 2014.

Айбазов А.Ю. Интервью телеканалу «Архыз 24». 2019, 28 июня. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Wq7Ox_M_IvQ (дата обращения: 17. 03. 2021).

Акбаев Х.М. Толковый словарь некоторых имен и терминов нартского эпоса. Более 180 словарных статей. Ставрополь, 2020.

- Акбаев Х.М.* Карачаевская военная терминология и оружие (историко-этимологический словарь). Ставрополь, 2011.
- АНО «Алашара». URL: <http://alashara.org/news/journal> (дата обращения: 17.04.2021).
- Асы и аланы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010.
- Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX в.: Этнополитические аспекты взаимоотношений: автореф. дис....д-ра ист. наук. СПб., 2005.
- Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX в.: очерки этнополитической истории. 2-е изд., испр. Карачаевск, 2009.
- Бегеулов Р.М.* Этнополитическая история Северного Кавказа XVI–XIX вв. Учебное пособие. Карачаевск, 2015.
- Бегеулов Р.М.* Карачай в XVII–XVIII вв.: проблема локализации // Вестник КЧГМКПМЗ. Черкесск, 2004. Вып. 1.
- Бегеулов Р.М.* Карачай в Кавказской войне. Черкесск, 2002.
- Бегеулов Р.М.* Карачай в национально-освободительном движении народов Северного Кавказа в XIX веке, 1800–1864 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2000.
- Бегеулов Р.М.* Северокавказские тюрки во взаимоотношениях с Московским государством в XVI веке / Р.М. Бегеулов // *Rus' and the world of the nomads (the second half of the 9th–16th c.)*. *Collquia Rus-sica, Series I. Vol. 7.* Kragow, 2017.
- Боташев М.Б.* Энциклопедия карачаевской лошади / Отв. ред. В.А. Де-мин. Черкесск, 2019. Т. 1.
- Будаев Н.М.* Очерки истории одежды народов Северного Кавказа / Карачаево-Черкесский государственный университет. М., 2012.
- Вестник КЧГМКПМЗ, 2004. Вып. 1.
- В Карачаево-Черкесии запретили критический отзыв на монографию. URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2013/03/d26707/> (дата обращения: 15.03.2021).
- В Карачаево-Черкесии вандалы подожгли Шоанинский храм URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2018969.html> (дата обращения: 19.04.2021).
- Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История в зеркале паранауки. Критика этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006.
- Глашев А.Б.* «Летопись Карчи» как источник по исследованию истории и этногенеза карачаево-балкарцев // Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2005. Вып. 1.

- Дайджест «Эльбрусоид», 2006. № 2.
- Джумаева Д.К.* О деятельности ногайского общественно-политического движения «Бирлик» в XX–XXI вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 2–3 октября 2019 г. Черкесск, 2019.
- Дотдаев Р.А.* История карачаевской лошади / Ridero, 2020.
- Емельянова Н.М., Экзекоев М.Х.* Абазинский ренессанс. Т. 1. Наперекор стихиям / Отв. ред. Р.Б. Рыбаков. М., 2020.
- Зайцева С.* Вера и духовность взаимосвязаны // Газета «День республики». 2003, 17 июля.
- Известия Карачаевского НИИ. 2005. Вып. 1.
- Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2010. Вып. 6.
- Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2016. Вып. 12.
- Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухум, 1965.
- Каракетов М.Д.* Маджарский вопрос» и происхождение карачаево-балкарского народа // Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2011. Вып. 7.
- Каракетов М.Д.* Письмена мухаджиров возвращаются на родину: «Кодекс Карчи» и родословие Джанибековых // Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2010. Вып. 6.
- Каракетов М.Д.* Проблемы выявления субстратных пластов в карачаево-балкарском языке по данным ономатики и ряда лексических единиц (взгляд этнографа) // Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2016. Вып. 12.
- Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред.: М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М., 2014.
- Керейтов Р.Х.* Асы-аланы в составе ногайского народа // Асы и аланы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010. С. 132–137.
- Керейтов Р.Х.* Ногайская эпиграфика в историко-культурных связях ногайцев с народами Евразии // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Первой Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г. Черкесск, 2014.
- Керейтов Р.Х.* Кыпчакский компонент в этногенезе ногайцев // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 2–3 октября 2019 г. Черкесск, 2019.

- Кипкеева З.Б.* Абазины Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII–XIX веках. Ставрополь, 2005.
- Кипкеева З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.) / Научный редактор В. Б. Виноградов. М., 2006.
- Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.
- Кожев З.А.* Отзыв на книгу З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.) // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. 6.
- Кубанов А.Х.* Ассия и Асгард на Кавказе, или по следам Т. Хейрдала. Черкесск, 2004.
- Кунижева Л.З.* Народные промыслы абазин. Черкесск, 2005.
- Курмансеитова А.Х.* Посольская переписка правителей [Ногайской] Орды с Российскими государями // Вестник КЧИГИ. Черкесск, 2004. Вып. 3.
- Курмансеитова А.Х.* Издание ногайских фольклорных памятников в 1920–2000 гг. // История и культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Пятигорск, 2006. Вып. 5.
- Лавров Л.И.* «Обезы» русских летописей // Советская этнография. 1946. № 4.
- Лавров Л.И.* К 250-летию академического кавказоведения // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Т. 6.
- Лайпанов Б.А.* Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. М., 1998.
- Лайпанов Б.А.* Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам в Евразии. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 179–198.
- Лайпанов К.Т.* Карачай и карачаевцы. Черкесск, 2005.
- Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
- Лайпанов К.Т.* Тюркский мир: истоки и связи. Черкесск, 2007.
- Лайпанов К.Т., Хатуев Р.Т., Шаманов И.М.* Карачай с древнейших времен до 1917 года. Историко-этнографические очерки. Черкесск, 2009.
- М.Х. Экзевов // Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.04.2021).
- Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Учебное пособие для 10–11 классов общеобразовательных учреждений / Под ред. В.Ш. Нахушева. Черкесск, 1998.

- Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Первой Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г. Черкесск, 2014.
- Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Второй Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 11–13 октября 2016 г. Черкесск, 2016.
- Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 2–3 октября 2019 г. Черкесск, 2019.
- Один из подожженных храмов в Карачаево-Черкесии выгорел полностью. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/1342129.html>.
- Озова Ф.А. План генерала Евдокимова в свете военного права XIX в. // Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. Вып. 18.
- Озова Ф.А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. I.
- Озова Ф.А. Военнопленные в Кавказской войне // Государство и право народов Кавказа: проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа: Материалы III Международной научно-практической конференции. Нальчик, 21–22 мая 2013 г. / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. Ростов н/Д., 2013.
- Озова Ф.А. О новациях периода Кавказской войны в законодательстве России // Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск-Черкесск, 2013.
- Озова Ф.А. Планы генералов Евдокимова и Филипсона: проблема выбора // Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск – Черкесск, 2013.
- Озова Ф.А. Черкесско-итальянские исторические пересечения и параллели // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2013. Вып. II.
- Озова Ф.А. К этимологии этнонима *черкес* и этнопонима *Черкесия*: постановка проблемы // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик, 16–20 сент. 2013. Нальчик, 2014.
- Озова Ф. А. «Адыгская вотчина» В. Х. Кажарова как ключ к изучению социально-экономической системы Черкесии XVII в. // Новая Турция (журнал). Анкара, 2015. № 79.
- Озова Ф.А. «Ермоловская» эпоха – становление парадигмы Кавказской войны // Клио. 2015. № 10 (106).

- Озова Ф.А.* Значение османских источников XVII в. для изучения политической истории Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. № 4 (31).
- Озова Ф.А.* Статус князей Черкесии в XVII в.: независимые Иналиды // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Казань, 2017. Т. 159, кн. 4.
- Озова Ф.А.* Черкесские города – османские крепости Причерноморья в XVII в. // Труды Института российской истории РАН. М., 2017. № 14.
- Озова Ф.А.* Вклад А. В. Гадло в кавказоведение // Вестник антропологии. М., 2018. № 1.
- Озова Ф.А.* Черкесское православие: институциональный аспект // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2018. Вып. 8.
- Озова Ф.А.* Вклад В.Х. Кажарова в кавказоведение // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2019. № 4–1 (43).
- Озова Ф.А.* Ш.Б. Ногмов о судебной системе традиционного черкесского общества // Кавказология. 2019. № 4.
- Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб., 2020.
- Озова Ф.А.* Факторы развития Адыгэ хабзэ // Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов н/Д. 2021. № 1.
- Официальный сайт КЧГМКПМЗ. URL: <https://museumkchr.ru/exp-ised.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- Оширов Р.Г.* Творец истории З.Б. Кипкеева. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. 6.
- Папаскир А.Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005.
- Письменно установленные даты аланской истории для составления Календаря памятных дат Алании. URL: <http://kkn09.ru/news/344-pismenno-ustanovlennyye-daty-alanskoj-istorii-dlya-sostavleniya-kalendarja-pamyatnyh-dat-alanii.html> (дата обращения: 19. 04. 2021).
- Скандал с опасными последствиями // Газета «Черкесск». 2009. № 15 (559).
- Урусов К.С.-Б.* Аланская история и этика (краткий курс). Карачаевск, 2013.
- Текеева З.Х., Хаджиева М.Х.* История Карачаево-Черкесии: Курс лекций. Учебное пособие. Карачаевск, 2012.
- Тебуева Дж.Р.* Аланские истоки карачаево-балкарского искусства (из традиций кубано-терского междуречья: основные черты и преемственность). Черкесск, 2007.
- Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М. – Ставрополь, 2002.

- Текеева З.Х., Текеева Л.К. Традиционная культура и быт народов России. Курс лекций. Карачаевск, 2019.
- Тхайцухов М.С. Этнокультурные связи абазин в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Тхайцухов М.С. Абазинское зарубежье. Черкесск, 2003.
- Тхайцухов М.С. Принципы и нормы этики у абазин в историческом прошлом и современной повседневной жизни (по данным полевых этнологических материалов): Этюды (на русск. и абаз. яз.). Черкесск; Карачаевск, 2005.
- Тхайцухов М.С. История расселения абазинского народа на Северо-Западном Кавказе в XVII, XVIII, начале XIX в. в исследованиях известного русского ученого Л.И. Лаврова. Карачаевск, 2017.
- Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография: Сборник научных докладов / Под ред. А.А. Глашева. М., 2009.
- Федеральный экстремистский список Минюста РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=18&> (дата обращения: 15.03.2021).
- Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусойд» URL: http://www.elbrusoid.org/library/izdatelstvo_elb/https://karachaevsk.postupi.online/vuz/istfak-kchgu (дата обращения: 07.03.2021).
- Хаджиева Т.М. Тенгрианство в карачаево-балкарской «Нартаде» // *Oriental Studies*. 2017. № 10 (5).
- Хатуев Р.Т., Бегаулов Р.М. Очерки истории Карачаевского княжества в XVI–XVIII вв. Карачаевск, 2019.
- Хатуев Р.Т., Биджи М.А. Алания мусульманская. Очерк конфессиональной истории Центрального Кавказа VII–XV вв. Черкесск, 2011. С. 206, 207.
- Хатуев Р.Т. Глава 4. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Учебное пособие для 10–11 классов. Черкесск, 1998.
- Хатуев Р.Т. Из «арабских» генеалогий кавказской аристократии // Известия Карачаевского НИИ. Черкесск, 2011. Вып. 7.
- Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология) / Институт этнологии антропологии РАН. М., 1999.
- Хатуев Р.Т. О соотношении сословных лестниц // Вестник КЧГИКПМЗ. Черкесск, 2004. Вып. 1.
- Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей: Справочник. Черкесск, 2007.
- Шановалов А. Горячее лето семнадцатого: Интервью председателя КЧ РОО «Конгресс карачаевского народа» К.Н. Халкечева, 2017. URL: <http://kkn09.ru/news/215-goryachee-letto-semnadcatogo.html> (дата обращения: 19. 04. 2021).

Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

Экзеков М.Х., Емельянова Н.М. По обе стороны Большого Кавказа: Сборник документов. Т. 1. Абазины и «черкесский» вопрос. СПб., 2012.

Kratova Natalya V. Monuments of History and Culture the Sistem of state-confessional Interaction in the post-soviet Period (on the Exampie of Karachai-Cherkessia) // Научный альманах Причерноморья. 2020. Т. 21. № 1.

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Е.А. Щербина, Л.В. Кубанова

Проблема укрепления и развития общероссийской гражданской идентичности сохраняет свою актуальность на современном этапе. Процесс нациестроительства в Российской Федерации в настоящее время обеспечен принятием в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Особенностью которого является учет многообразия этнических культур, сохранения и развития родных языков народов России. К настоящему времени у представителей государственной власти, политологов, общественников сложилось устойчивое мнение о необходимости формирования общероссийского самосознания в процессе воспитания и образования детей и молодежи, развития качественного информационного сопровождения данного процесса. Так, на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30 марта 2021 года В.В. Путин отметил, что гражданское самосознание формируется поступками взрослых, моделями поведения и образами, которые транслируют средства массовой информации, всей общественной средой, культурой, наукой, образованием [Стенограмма...].

В данном контексте важным представляется анализ проблем исторического, этнокультурного, этнополитического содержания, выступающих в качестве приоритетных на региональном уровне. Их общий анализ сможет дать реальную картину негативных сюжетов, дискуссионных вопросов, актуализированных и латентных конфликтов, которые значимы для разных народов РФ. Такой анализ необходим, во-первых, для их реального обсуждения на федеральном уровне, во-вторых, для их возможного решения, и, что, важно, для разработки и уточ-

нения управленческих решений в сфере обеспечения национальной безопасности.

Обозначенные меры будут способствовать укреплению межэтнических и межконфессиональных отношений, сохранению исторической памяти народов без обиды и обвинений в адрес других, часто соседствующих этносов, формированию единства в трактовке исторических событий с точки зрения единства истории российских народов. Эти выводы не просто размышления авторов, они построены на многолетних исследованиях, интервью с лидерами общественного мнения, беседах с жителями страны, в частности, одного из ее регионов, Карачаево-Черкесской Республики. В представленной работе использованы материалы мониторингов информационной сферы, которые проводились на протяжении ряда лет – с 2017 по 2021 год. Многие сюжеты являются спорными, дискуссионными, но, на наш взгляд, их освещение необходимо.

Анализ материалов различных сайтов и интернет-порталов, мессенджеров, статей в научных сборниках, публицистических журналах, полученные мнения жителей республики в беседах и лидеров общественного мнения в экспертных опросах, позволяют нам обозначить несколько исторических и этнокультурных сюжетов, преобладающих в общественно-политическом дискурсе на протяжении ряда лет в Карачаево-Черкесской Республике. Приоритетными являются:

- проблемы депортации и ее последствий для карачаевцев КЧР;
- политизация проблем, связанных с «аланским» наследием карачаевцев и балкарцев, включая вопросы: 1) об аланском происхождении карачаевцев; 2) статусе древних Аланских храмов, находящихся на территории Карачаево-Черкесской Республики; 3) стремления к единому названию карачаевцев и балкарцев в ходе подготовки к предстоящей в 2021 году Всероссийской переписи населения, в частности, публикация статей на сайтах общественных организаций, проведение флешмоба в мессенджерах «Я алан/а Ты аланка»;

- ситуационно актуализирующийся «черкесский вопрос», имеющий две основные составляющие: признание геноцида черкесского народа со стороны российского и других госу-

дарств, и репатриация сирийских черкесов на родину вследствие войны в Сирии;

– вопрос исторического, культурного, языкового единства абазин и абхазов, ставший приоритетным после признания независимости Абхазии со стороны российского государства;

– языковые вопросы, актуальные для всех народов Карачаево-Черкесской Республики.

Проблемы депортации карачаевского народа

Активизация проблем депортированных народов в настоящее время наблюдается во всех субъектах РФ в СКФО. На состоявшейся в феврале 2018 года конференции репрессированных народов в Назрани была принята Резолюция конференции репрессированных народов России, одним из пунктов которой была поставлена необходимость пролонгирования законодательных актов 1990-ых годов по реабилитации и социально-экономической поддержке репрессированных народов [Резолюция...]. В конференции активное участие принимали руководители Карачаево-Черкесской общественной организации (в настоящее время общественное движение) «Конгресс карачаевского народа», на протяжении ряда лет позиционирующей себя как выразителя интересов всего карачаевского народа республики.

В настоящее время карачаевцы являются наиболее многочисленным титульным этносом Карачаево-Черкесской Республики. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность карачаевцев в России насчитывает 218403 человек. Численность карачаевцев, проживающих в Карачаево-Черкесии, по данным двух последних переписей увеличилась с 169198 человек в 2002 г. (38,5%) до 194 324 человек в 2010 г. (41,0%). Некоторое количество карачаевцев проживает в Казахстане и Киргизии (2–3 тыс.), где они оказались в результате насильственной депортации всего народа в 1943 году. Живут также в Турции, Сирии, странах Европы и Америке, где являются потомками мухаджиров, покинувших Кавказ в XIX веке.

В Карачаево-Черкесской Республике наиболее компактно карачаевцы проживают в Малокарачаевском (86,9%), Карачаевском (85,3%), Прикубанском (75,3%), Усть-Джегутинском

(69,3%) муниципальных районах, Карачаевском городском округе (75,1%). По данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. во всех перечисленных муниципальных районах численность карачаевцев увеличилась. Большая часть карачаевцев (64%) проживает в сельской местности.

Депортация карачаевского народа в 1943 году явилась величайшим актом несправедливости по отношению к народу со стороны советского государства, примером тоталитарного насилия, что, естественно, составляет значимую часть исторической памяти народа. Государственными органами федерального и регионального уровней с 90-ых годов 20 века проводятся мероприятия, связанные с сохранением памяти о трагическом событии – депортации народа в Среднюю Азию и его возвращением на родину.

В 2017 году исполнилось 60 лет со дня возвращения народа на историческую родину, актуализировавшего многие проблемы, связанные с фактом депортации. Так, в 2018 году представители карачаевской общественной организации «Конгресс карачаевского народа» и карачаевские старейшины – представители Совета Старейшин общественной организации «Къарачай Алан Халкъ» обратились с открытым письмом к Президенту РФ В.В. Путину. В нем была отмечена необходимость продолжения мер по реабилитации карачаевского народа, законодательного принятия программы возрождения и развития карачаевцев. В письме были поставлены вопросы о финансовом обеспечении Постановления Совета Министров – Правительства РФ «О мерах по реабилитации карачаевского народа и социально-экономической поддержке Карачаево-Черкесской Республики» от 30 октября 1993 года за № 1100, которые, по их мнению, не реализованы. Так же выражена просьба пролонгировать на новый пятилетний срок государственные акты по реабилитации и возрождению карачаевского народа. В Обращении подчеркивалась необходимость возобновления этих государственных актов в целях развития традиционных мест поселения карачаевцев – высокогорных аулов, являющихся этнической основой народа [Ответ...].

Принятые обращения, воззвания, обсуждения вызвали широкую общественную дискуссию. В социальных сетях звучали мнения о необходимости реабилитации всех репрессированных народов в территориальных, материальных, моральных, правовых,

финансовых и других аспектах. Представители карачаевского народа отмечали необходимость дальнейшей материальной, моральной и правовой реабилитации карачаевцев [Годовщина...].

В 2019 году продолжилось обсуждение темы депортации карачаевского народа, которое приобрело еще больший политический размах. Активными акторами, иницирующими открытые обращения, требования от имени народа к органам власти выступили Карачаево-Черкесская региональная общественная организация (КЧ РОО) «Конгресс карачаевского народа» и Совет старейшин карачаевского народа. Среди требований были обозначены:

- утверждение единой даты памяти реабилитации всех репрессированных народов 26 апреля, в день принятия закона «О реабилитации репрессированных народов» в 1991 г.;

- отказ от термина «возрождение» в названии праздника;

- возвращение карачаевцам утерянной в результате депортации автономии, государственности [Активисты сочи...];

- восстановление производственной и социальной инфраструктуры карачаевцев в КЧР, то есть вопросы экономического развития – полной «материальной» реабилитации народа;

- территориальная реабилитация – восстановление территорий до депортации;

- внесение изменений в Уголовный кодекс РФ, предусматривающих уголовную ответственность за попытки оправдать или отрицать репрессии народов, совершенных репрессивным режимом, в связи с нарастанием в СМИ и интернет-ресурсах высказываний известных политиков, общественных деятелей, оправдывающих сталинский режим;

- внесение на рассмотрение Правительства и Государственной Думы ФС РФ проект инноваций в федеральное законодательство о связях с соотечественниками за рубежом, позволяющих получить упрощенный порядок предоставления им гражданства России по самому факту принадлежности к депортированным народам [Обращение к общественности...].

В 2020 году представители карачаевских общественных организаций, активисты в средствах массовых коммуникаций подчеркивали проблемы, связанные с депортацией карачаевцев.

Анализ текстов позволил выявить следующие приоритетные в обозначенном контексте вопросы:

– необходимость полного и безусловного выполнения всех положений Закона «О реабилитации репрессированных народов» (Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов») в части экономического развития (материальная реабилитация) и восстановление территорий до депортации (для карачаевцев – восстановление своей автономии) [Двадцать...];

– восстановление работы Комиссии по реабилитации карачаевского народа при Правительстве КЧР;

– награждение героев Великой Отечественной войны – карачаевцев медалью «Герой Советского Союза», которое, при наличии наградных листов, не состоялось в силу принадлежности героев к депортированным народам [Семидесятипятилетние...];

– внимание со стороны органов власти к жертвам депортации [Активисты в Карачаево-Черкесии...].

На официальном сайте КЧ РОО «Конгресс карачаевского народа» в память о 77 летней дате депортации карачаевского народа была опубликована статья, в которой поднимались вопросы о нанесении ущерба культуре, образованию, науке карачаевцев из-за депортации и проведении репрессивной политики после нее [Семьдесят семь...]. Статья вызвала неоднозначную реакцию и некоторые высказываемые в ней положения подверглись сомнению в мессенджерах, в частности, *Поризател.орг*.

Таким образом, проблема депортации карачаевцев является одной из болевых тем, составляющих историческую память народа, которую необходимо сохранять. Вместе с тем, она умело используется определенными политическими акторами для достижения своих политических интересов и целей, выступая мобилизационным ресурсом в определенных обстоятельствах. [Конгресс вынес вотум...]

Политизация проблем, связанных с «аланским» наследием

Эти вопросы включают в себя: 1) об аланском происхождении карачаевцев; 2) статусе древних Аланских храмов, находящихся на территории Карачаево-Черкесской Республики; 3) стремления к

единому названию карачаевцев и балкарцев в ходе подготовки к предстоящей в 2021 году Всероссийской переписи населения, в частности, публикация статей на сайтах общественных организаций, проведение флешмоба в мессенджерах «Я алан/а Ты аланка».

Вопрос «аланского наследия» поднимался в республике с 90-ых годов XX столетия и на тот период был связан с вопросом о возможной передаче древнехристианских Аланских храмов Русской Православной церкви. Против этого активно выступила карачаевская интеллигенция, историки, представители общественных организаций, считающих комплекс Аланских храмов достоянием своего народа. Обсуждение данной проблемы периодически приобретало конфликтный характер, со временем стало латентной проблемой, которая ситуационно взрывается и становится центральной темой для обсуждения [Обращение к Главе...].

По нашему мнению, вопрос «аланского наследия» для карачаевцев КЧР сводится к двум взаимосвязанным сторонам: признания их потомками алан со стороны других северокавказских народов, считающих себя прямыми потомками древних алан, и решение вопроса о принадлежности Аланского храмового комплекса, расположенного в п. Нижний Архыз в КЧР.

В 2017 году поводом для актуализации аланского вопроса стало обсуждение темы предполагаемого переименования Южной Осетии в Южную Осетию–Аланию, инициированного руководством этой республики. Что вызвало негативную реакцию со стороны активного актора всех политических вопросов, имеющих отношение к карачаевцам, КЧРОО «Конгресс карачаевского народа», обратившихся с открытым письмом к главе МИД РФ С.В. Лаврову, в котором обозначили предполагаемое переименование как посягательство на историческое наследие народов Российской Федерации, в частности, карачаево-балкарского народа [Конгресс попросил МИД...]. Письмо, попавшее в социальные сети, вызвало негодование у осетинской молодежи двух республик, осетин КЧР. Развернулась серьезная информационная баталия между молодыми пользователями интернет – сетей по поводу принадлежности народов к древним аланам, исторического права на земли и т.п. вопросы. В интернете появились комментарии политиков разного уровня, мнения которых совпадали в одном

вопросе: необходимо перенести обсуждение исторических вопросов из области политики в сферу истории и неосторожными действиями не допускать разжигания межнациональной розни [Кто пытается...].

В том же году развернулись дебаты вокруг Указа Главы КЧР о создании республиканского государственного учреждения «Аланский христианский центр на Северном Кавказе» (Указ Главы КЧР № 179 от 28.07.2017) [Полпред Президента...]. Общественная организация «Конгресс карачаевского народа» выступила против этого Указа, инициировав собрание общественности по поводу создания на территории КЧР аланского христианского центра и обратившись с «Открытым обращением» к Главе КЧР [Карачаевцы...]. По итогам расширенного заседания Конгресса карачаевского народа с участием старейшин, представителей других общественных организаций, научной и творческой интеллигенции принимались решения, которые никак нельзя назвать конструктивными, вплоть до угрозы проведения многотысячного бессрочного митинга против «необдуманных», как было обозначено в обращении, действий главы Карачаево-Черкесии [Конгресс...]. Таким образом, проблема Аланских храмов переросла границы исторического или конфессионального рассмотрения, и превратилась в тему общественного обсуждения, построенного на этнических спекуляциях.

В 2018 году развернулась дискуссия вокруг планируемого на государственном уровне празднования 1100-летия крещения древнего государства Алании, поддержанного В.В. Путиным. (Указ Президента РФ от 14.10.2017 за № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании»). Основные мероприятия, согласно Указу, планируется провести в Республике Северная Осетия–Алания. В состав Оргкомитета по подготовке и проведению празднования 1100-летия крещения Алания (утвержденного распоряжением Правительства РФ от 9.02.2018 за № 194-р) вошли представители единственного региона – Республики Северная Осетия–Алания (РСОА). Против чего выступили ингуши, карачаевцы и балкарцы, считающие себя потомками древних алан. Они обратились с открытым письмом к Председателю Правительства Д.А. Медведеву, в котором отметили, что крещение исторической Алании охватывало преимущественно ее за-

падную часть (территория современной КЧР) и то, что к историко-культурному наследию средневековой Алании прямое отношение имеют несколько народов Северного Кавказа [Обращение к Медведеву...]. Представители карачаевской общественности попытались придать религиозный характер Указу, отметив, что он «становится прикрытием для очередного витка «борьбы за аланское наследство», который должен оставить в стороне потомков алан, являющихся мусульманами, и создать в умах людей ложную картину, что многоконфессиональная историческая Алания была исключительно христианским государством». И вновь данный факт попытались использовать против руководства республики [Ингуши и карачаево-балкарцы...].

Позитивным, по нашему мнению, выступает создание «Календаря памятных дат Алании», составленного, по просьбе общественников, историками Карачаевского научно-исследовательского института им. А.И. Батчаева [Письменно...]. В 2021 году руководство уже общественного движения «Конгресс карачаевского народа», основываясь на данном календаре, потребовало от руководства республики информировать общественность о проводимой работе по сохранению объектов культурного наследия Карачаево-Черкесской Республики, в том числе Аланских храмов и мавзолея X–XI веков [Обращение на имя Главы...].

Перепись в любом государстве становится масштабным общественно-политическим, статистическим и демографическим проектом, позволяющим определить не только численность страны, но ее этнический, в том числе, языковой состав. Для Российской Федерации, как государства, ориентированного на сохранение языкового и этнокультурного многообразия, данные вопросы имеют первостепенную важность, которую осознают лидеры национальных общественных организаций, пытающихся в период до переписи и во время нее решить вопросы, связанные с историческим названием этносов, с реализацией каких-то политических проектов. Так, в 2019 году, накануне планируемой в 2020 году Всероссийской переписи населения в сети Интернет и мобильных приложениях шли призывы к карачаевцам и балкарцам именовать себя аланами в период предстоящей переписи. В марте 2019 г. в мобильных приложениях появился ролик, направленный на объединение карачаевского и

балкарского народов, призывающий в переписи 2020 г. называть себя аланами (флэшмоб «Я Алан/АтыАланка»). Целевой аудиторией флэшмобов является молодежь. Особенностью протекающих процессов в карачаевской среде является активное участие в них представителей общественности, в частности, Конгресса карачаевского народа, манифестирующего название аланы (аланского народа) в любых своих обращениях и заявлениях.

В целом, для карачаевцев, одного из титульных и самого многочисленного народа, проживающего в Карачаево-Черкесской Республике, наиболее актуальными остаются вопросы, связанные с сохранением исторической памяти, объединением с балкарским народом на основе этногенеза, общей исторической судьбы.

«Черкесский вопрос»

В Карачаево-Черкесии, по данным Всероссийской переписи населения 2010г., проживает 56466 черкесов, что составляет 11,9% от общей численности всего населения республики. В столице республики г. Черкесске проживает 13,2% черкесов. Черкесы республики, в основном, живут в двух районах: Хабезском и Адыге-Хабльском муниципальных районах КЧР. Черкесы – автохтоны Северного Кавказа, по Конституции КЧР являются одним из субъектообразующих народов республики. Весь постсоветский период черкесские общественные организации были активными акторами происходящих в республике социально-политических процессов, в том числе преобразования Карачаево-Черкесской Автономной области в республику.

В ранее опубликованных статьях мы неоднократно указывали, что, на наш взгляд, «черкесский вопрос» в настоящее время можно свести к двум составляющим: признание геноцида черкесского народа со стороны российского и других государств, и репатриация сирийских черкесов на родину, в Россию, вследствие войны в Сирии.

Первая часть вопроса была особенно актуальна в 90-ых – начале 2000-ых годов. В Карачаево-Черкесии на протяжении всего постсоветского периода наиболее активной на общественно-политическом поле была черкесская общественная организация «Адыгэ Хасэ – Черкесский Парламент по защите прав и интересов черкесского народа» КЧР. Длительное время ее неиз-

менным руководителем был М. Черкесов, проводивший политику отстаивания, в первую очередь, политических интересов черкесов, признания геноцида черкесов в Кавказской войне XIX века российскими властями, поддерживающий решения парламентов других стран, признавших или ставящих вопрос о признании геноцида черкесов (Грузия, Украина, Литва, Эстония) [Черкесы...]. Что сказывалось на массовом сознании черкесского народа, сегментируя ту его часть, которая выступала против российской национальной политики. Лидер «Адыгэ Хасэ» Карачаево-Черкесии М. Черкесов в своих интервью в СМИ и интернет – ресурсах неоднократно подчеркивал приоритетность деятельности общественного движения «Адыгэ Хасэ» КЧР в вопросе признания геноцида черкесов во время Кавказской войны XIX века. Постепенно приоритетность этой проблемы отошла на задний план, хотя ее значимость остается и ситуационно актуализируется. Так, в феврале 2020 года адыги были возмущены высказываниями посла России в Турции о мирном переселении черкесов с Северного Кавказа в Турцию в результате Кавказской войны [Черкесские организации...].

Война в Сирии поставила перед российскими черкесами другой вопрос: о репатриантах – черкесах. И длительное время (фактически с начала войны в 2011 году) он стал приоритетным. Черкесы Северного Кавказа отмечали, что существуют сложности и большие финансовые затраты при оформлении приглашений, российских виз, загранпаспортов, расходы на переезд, отсутствие комплексных программ по адаптации, немалые сложности при оформлении документов в ФМС, множество бюрократических и иных проблем, решение которых возможно только с помощью государственной поддержки на федеральном и республиканском уровнях. Причиной такой ситуации, по их мнению, является отношение к представителям черкесских диаспор, проживающим за рубежом, в том числе в Сирии, не как к соотечественникам, а как к иностранцам, вследствие чего при обращениях в ФМС к ним применяются правовые нормы, установленные для иностранных граждан [МВД РФ...].

В 2018 году для черкесов КЧР актуальными оставались вопросы признания черкесов из Сирии – потомков мухаджиров, соотечественниками. Значимым стало принятие распоряжение

Правительства РФ (Распоряжение от 5 июля 2018 года №1367-р) о включении Карачаево-Черкесской Республики и Чеченской Республики в программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом [Об утверждении...]. На республиканском уровне было принято Постановление Правительства КЧР от 29 августа 2018 года N 214 о внесении изменений в Государственную программу «Содействие занятости населения КЧР на 2014-2020 годы», которая была дополнена Подпрограммой «Оказание содействия добровольному переселению в КЧР соотечественников, проживающих за рубежом».

Несмотря на официально принятую подпрограмму, черкесы республики в 2018 году полагали (и время это подтвердило), что она не окажет существенного влияния на ситуацию с черкесами – беженцами из Сирии, так как они не знают русского языка и их квалификация врачей, педагогов и других интеллектуальных профессий, не сможет подтвердиться.

Накануне Дня памяти и скорби по жертвам Кавказской войны в 2020 году черкесы КЧР поддержали обращение сенатора от КБР А.Б. Каноква в отношении «черкесского вопроса», в первую очередь, возвращения на родину черкесов-репатриантов, и высказали мнение, что он игнорируется федеральными властями все последние годы [Российские...].

Еще одной важной стороной черкесского вопроса является длительный политический проект, начало которому было положено накануне Всероссийской переписи 2010 года «Один народ – одно название – одно будущее», реализация которого не состоялась в силу ряда причин. В 2019 году проект был продолжен. Черкесы из республик Северного Кавказа в начале 2019 года объявили и в течение года проводили в социальных сетях флэшмоб «Ячеркес/Аты?», направленный на объединение всех адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов и других адыгских этнических групп) под единым международным названием в ходе планируемой переписи 2020 г. [Всероссийскую...]. На интернет порталах и сайтах («Кавказский узел», «Адыгэ Хэку») черкесские политики, представители научного сообщества, общественные деятели давали интервью по этому вопросу, подписчики социальных сетей активно его обсуждали.

Научная и творческая адыгская интеллигенция рассматривает этот проект как просветительский, направленный на возврат исторического названия единого этноса, а не политический.

В 2019 году представители общественных организаций черкесов не отличались высокой активностью в постановке вопросов политического статуса своего этноса, но черкесский народ выдвигал свои требования на массовых мероприятиях. Так, на траурном митинге, посвященном 155-й годовщине со дня окончания Кавказской войны, молодые люди поднимали черкесские флаги, скандируя лозунги «Одна родина, один народ, один закон», «Черкесский народ, живи», подчеркивая символическое значение флага, олицетворяющего единство народа [Глава КЧР...].

В 2020 году ситуация несколько меняется и к общественным призывам этнического объединения адыгов в ходе будущей переписной кампании активно присоединяются политические лидеры черкесского народа. В июле 2020 года председатель «Адыгэ-Хасэ – Черкесский Парламент КЧР» Али Асланов обратился к черкесам страны с призывом «Один народ – одно название», отметив, что для адыгов политическое значение будут иметь три вопроса: какими языками владеете, ваш родной язык и ваша национальная принадлежность. А. Асланов призвал адыгов при заполнении анкеты отметить: владеют черкесским (адыгским) языком; родным языком является черкесский (адыгский) язык и национальность – черкес (адыг).

Итогом представленного анализа может служить следующее положение: вопросы этнической мобилизации адыгского этноса, негативные факты Кавказской войны XIX столетия, проблемы признания на государственном уровне геноцида черкесов являются теми конфликтогенными рисками, которые необходимо переводить в конструктивное русло диалога с органами власти.

Вопрос историко-культурного и языкового единства абазин и абхазов

Этот вопрос стал приоритетным после признания независимости Абхазии со стороны российского государства. В Карачаево-Черкесской Республике в настоящее время проживает 36919

абазин, что составляет 7,8% от общей численности населения республики [Население...]. Абазины – единственный народ в Карачаево-Черкесии, подпадающий под действие федерального закона от 30 апреля 1999г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», согласно которому обеспечиваются их права на защиту исконной среды их обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов, на сохранение и развитие своей самобытной культуры. В Карачаево-Черкесии действует республиканский закон «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» (Закон КЧР от 12 ноября 2001 года N 27-РЗ (с изменениями Закон КЧР от 05.07.2011 N 34-РЗ).

С 2015 года наибольшей активностью среди общественных организаций абазин, в своем большинстве ориентированных на решение этнокультурных вопросов народа, отличается деятельность АНО «Алашара», возглавляемой петербургским бизнесменом, выходцем из КЧР М.Х. Эджековым (в настоящее время депутат Народного Собрания – Парламента КЧР). Деятельность этой организации направлена, в первую очередь, на сближение абазин и абхазов в языковой сфере, в сфере сохранения и прумножения культурного наследия этих народов, формирование общей научно – исследовательской базы по абазинам и абхазам. Президент АНО «Алашара» М.Х. Эджеков является инициатором и сторонником разработки и внедрения единой абазино-абхазской письменности, создания комиссии, которая будет заниматься вопросами единения и сближения абазино- абхазского языка. Первоначально, вопрос создания комиссии по рассмотрению возможности унификации абхазского и абазинского алфавитов на основе кириллицы был резонансным, вызывающим споры и разногласия внутри этих народов.

В течение нескольких лет, по результатам проведения множества конференций, совещаний, заседаний, круглых столов, защиты кандидатских диссертаций по общим основам абазинского и абхазского языков [Вручена...], запуска онлайн-проекта, в основе которого видеоуроки с простыми фразами на абазинском и абхазском языках, Всемирный абхазо-абазинский конгресс и АНО «Алашара» в 2021 году дополнили и утвердили

программу сохранения и развития абхазо-абазинского языка. В основе программы несколько основных «пошаговых» мероприятий, рассчитанных на несколько лет реализации. Среди них: подготовка педагогических кадров, ориентированных на изучение родного языка; подготовка научных и научно-педагогических кадров; разработка и издание учебной литературы для использования в дошкольных образовательных учреждениях, в средней и высшей школе; фундаментальные исследования абазинского и абхазского языков; популяризация знаний по абазинскому и абхазскому языку и литературе и то, что, в конечном счете, является целью программы – разработка экспериментального абхазо-абазинского алфавита на основе кириллицы и его апробация. Алфавит называется экспериментальным, так как первоначально планируется проводить его апробацию на определенной площадке, среди абазин КЧР, Абхазии и диаспоры в Турции.

В целом, общественными организациями этнокультурной направленности абазин ведется активная работа по этнокультурному, в первую очередь, языковому сохранению этноса с привлечением инновационных методов и технологий (онлайн-уроки для абазин страны и диаспор, проживающих в разных странах мира, мультфильмы на абазинском языке, уроки родного языка в детских садах и многое другое). И вторым, основным вектором деятельности, абазинские общественные организации Карачаево-Черкесии выбрали ориентацию на единство абазин и абхазов на основе общности этногенеза народов, культуры и языка.

Языковые вопросы и государственная языковая политика

В течение анализируемого периода актуализировались проблемы языковой ситуации и политики, являющиеся общими для народов Карачаево-Черкесии. Традиционно в семьях и в образовательных учреждениях КЧР изучаются родные языки, государственными органами республики много внимания уделялось и в настоящее время уделяется реализации государственной языковой политики. В 2017 году, например, по аналогии со всероссийским диктантом, в КЧР был проведен первый диктант на ка-

рачаево-балкарском языке в Карачаево-Черкесском государственном университете им. У.Д. Алиева в г. Карачаевске, собравшем около 200 участников из разных городов и районов в возрасте от 6 до 70 лет. Целью акции являлось привлечение внимания государственных органов власти и общественности к проблемам сохранения и развития родных языков.

В конце 2017 года на сессии Парламента КЧР был принят закон, представленный Комитетом по науке и образованию «О внесении изменения в статью 5 Закона Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики». В нем отмечено, что в образовательных организациях (начального общего, основного общего образования), в которых обучение ведется на русском языке, для обучающихся вводятся обязательные учебные предметы по изучению государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики (абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский) с первого класса. Для обучающихся 10–11 классов изучение государственных (родных) языков Карачаево-Черкесской Республики осуществляется на добровольной основе [Состоялась очередная...].

С 2018 года проблема сохранения и развития родных языков народов республики приобретает широкое общественное звучание в связи с обсуждением изменений, внесенных депутатами Государственной Думы РФ, в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Законопроект...] в части перехода от обязательного к добровольному изучению родных (национальных) и государственных языков республик.

Интеллигенция Северного Кавказа, в том числе научное сообщество Карачаево-Черкесии, подписали резолюцию, принятую представителями 12 национальных республик РФ в результате проведенной 30 июня видеоконференции, организованной «Демократическим конгрессом народов России», в которой закон о родных языках был назван антиконституционным [Представители нацреспублик...]. С обращением по закону о языках к первым лицам государства так же обратились представители региональной общественной организации «Конгресс карачаевского народа», отметившие, что государственные языки народов КЧР находятся в кризисе и представленная законодательная

инициатива «попирает основы государственности национальных регионов, является деструктивной и может стать фактором дестабилизации межнациональных отношений в нашей стране» [Обращение о неприемлемости...].

В сентябре 2019 года по инициативе общественных организаций республики на базе Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Алиева был проведен круглый стол, на котором обсуждались проблемы сохранения и развития родных языков. Общественники и ученые выразили недовольство принятием поправок в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части изучения родного языка из числа языков народов РФ и государственных языков республик. Члены общественных организаций КЧР озвучили результаты мониторинга ситуации относительно качества преподавания и уровня знаний родного языка, проведенного при поддержке Министерства образования и науки КЧР в различных муниципальных образованиях региона. Полученные в ходе мониторинга данные вызывают обеспокоенность и недовольство общественности. Среди проблем были выделены и озвучены следующие: отказ родителей от изучения родных языков ввиду приоритетной подготовки к сдаче ОГЭ и ЕГЭ; недостаточность часов, отведенных на изучение родных языков; недостаточное обеспечение учебными пособиями на родных языках (нехватка учебников, словарей, разговорников, наглядных пособий); отсутствие в учебной программе курса литературы народов КЧР; нехватка квалифицированных кадров; нехватка бесплатных мест в аспирантуре Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева и др. Среди конкретных требований, направленных на повышение уровня преподавания родных языков, обозначены: обеспечение учебной литературой на родных языках народов КЧР; возвращение к 5-ти часовому обучению родным языкам, вместо фактического 3-х часового в общеобразовательных учреждениях республики; подготовка преподавательских кадров; переиздание словарей, наглядных пособий по родным языкам.

Одним из позитивных последствий обсуждения закона о родных языках в республиках, на наш взгляд, стала активизация вопроса о языках народов РФ в молодежной среде. Молодежь республики приняла участие в обсуждении вопросов, связанных

с изучением и использованием родных языков, на разных сайтах и интернет-порталах. Были предложены инновационные методы обучения родным языкам: например, сайт и мобильные приложения для изучения ногайского и черкесского языков были представлены на Северо-Кавказском молодежном форуме «Машук», состоявшемся в августе 2018г. в Пятигорске, студентом из КЧР [Приложения...].

Исполнительные органы власти КЧР также активно участвовали в обсуждении данного вопроса. На одном из круглых столов, проведенных Министерством образования и науки КЧР в 2018 году, по вопросу изучения родных языков в общеобразовательных организациях республики было отмечено, что действующая система образования сегодня полностью предоставляет право на изучение своего родного языка, а федеральным законодательством предусмотрен свободный выбор при изучении родного языка из числа языков народов России. Были приняты решения о необходимости ведения информационно-разъяснительной работы представителями национальных общественных организаций и специалистами регионального Министерства образования и науки КЧР с родителями учащихся общеобразовательных учреждений республики по вопросу изучения родных языков с целью сохранения и развития языков народов республики, как важнейшего элемента этнической идентичности. Были запланированы выездные «родительские собрания» в города и муниципальные районы Карачаево-Черкесии для помощи родителям и школьникам в выборе изучения родного языка [Представители национальных...].

В 2019 по результатам работы Министерства образования и науки КЧР были созданы рабочие группы по мониторингу ситуации с родными языками в школах КЧР. Совместно с общественными организациями этнокультурной направленности проводились совещания по вопросам изучения родных языков в школах КЧР, принимались проектные решения по формулировке концепции и комплексному подходу по сохранению и изучению родных языков, усилилась роль муниципалитетов по оснащению кабинетов родных языков в соответствии с современными требованиями [Состоялось совещание...].

Одним из способов решения проблемы сохранения родных языков является налаженное общественно-государственное партнерство. В рамках такого сотрудничества в КЧР в 2020 году органами власти и общественными организациями этнокультурной направленности совместно был опубликован сборник сказок пяти субъектообразующих народов КЧР на родных и русском языках; начал реализовываться проект «Пиши не в стол: школа литературного наставничества для начинающих писателей Северного Кавказа», пишущих на национальных языках; проведен семинар по межнациональным отношениям проекта «Экспертная медиашкола» с целью создания единого профессионального сообщества журналистов и экспертов. В 2021 году Министерство КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати и Институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР в рамках взаимодействия по линии гармонизации межнациональных отношений и сохранения языка и культуры народов КЧР договорились о сотрудничестве и совместной деятельности в сфере издания научной литературы.

Таким образом, проблемы, связанные с сохранением родных языков, являются общими для всех народов республики. К их изучению активно подключаются не только общественники, научная интеллигенция, педагоги, но и представители органов власти республики. В Карачаево-Черкесии открыто и активно обсуждаются проблемы в языковой сфере, идет поиск решения данных вопросов.

Выводы

Представленный анализ общественно-политического дискурса этнокультурных проблем и вопросов, связанных с исторической памятью, позволяет сделать *некоторые выводы*. Для народов Карачаево-Черкесии значимыми и знаковыми являются события, ставшие основой их исторической памяти, на которой строится настоящее: отношения с другими народами, претензии к государству, гражданами которого они являются, обособление от истории народов, проживающих на одной территории. И это только небольшая часть конфликтогенных вопросов.

Исторические темы лежат также в основе вопросов, являющихся частью современности: перепись, репатрианты, языковые проблемы. В качестве рассмотрения или решения этих, актуальных и современных вопросов, в качестве обоснования тоже привлекаются исторические сюжеты, артефакты.

Обозначенные проблемы в контексте укрепления общероссийского самосознания (общероссийской гражданской идентичности), являющейся основой нациестроительства, требуют своего объективного научного рассмотрения, политических решений и академического изучения.

Источники и материалы

Активисты в Карачаево-Черкесии заявили о недостаточном внимании властей к жертвам депортации. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/356044/> (дата обращения: 05.11.2020).

Активисты сочли реабилитацию карачаевцев неполной. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335071/> (дата обращения: 03.05.2019).

Вручена первая премия в области абазинского языкознания. Доступ: http://www.alashara.org/news/vruchena_pervaya_premiya_v_oblasti_abazinskogo_yazyikoznaniya (дата обращения: 25.03.2018).

Всероссийскую перепись населения перенесут на сентябрь. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/10632839> (дата обращения: 05.02.2021).

Глава Карачаево-Черкесии Рашид Темрезов принял участие в митинге, посвященном 155-ой годовщине со дня окончания Кавказской войны. Доступ: <http://www.kchr.ru/news/detailed/51820/> (дата обращения: 21.05.2019); Участники митинга в Черкесске рассказали о символе единства адыгов. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335732/> (дата обращения: 21.05.2019).

Годовщина высылки карачаевцев напомнила о проблеме реабилитации репрессированных народов. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327566/> (дата обращения: 06.11.2018).

Двадцать девять лет Закону о реабилитации депортированных народов. Доступ: <http://kkn09.ru/news/546-29-let-zakonu-o-reabilitacii-deportirovan-nyh-narodov.html> (дата обращения: 26.04.2020); Карачаевцы почтили память жертв депортации постами в соцсетях. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349165/> (дата обращения: 04.05.2020).

Законопроект № 438863-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Доступ: <http://>

- asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=438863-7 (дата обращения: 14.04.2021).
- Ингуши и карачаево-балкарцы против празднования 1100-летия крещения Алании только в Северной Осетии. Доступ: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/3835048-ingushi-i-karachaevo-balkarcy-protivprazdnovaniya-1100-letiya-krescheniya-alanii-tolko-v-severnoy-osetii>. (дата обращения: 27.02.2018).
- Карачаевцы выступили против передачи аланских храмов РПЦ. Доступ: <http://osinform.org/61636-karachaevcy-vystupili-protiv-peredachi-alanskih-hramov-rpc-a-dum-kchr-predlozhit-sdelat-iz-nih-mecheti.html> (дата 23.06.2017); Карачаевская организация против создания Аланского христианского центра в КЧР. Доступ: <https://www.kavkazr.com/a/karachaevskaia-organizaciya-protiv-sozdania-alanskogo-khristianskogo-centra-v-karachaevskoi-cherkesii/28671557.html> (дата обращения: 11.08.2017).
- Конгресс Карачаевского народа. Доступ: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/3239183-kongress-karachaevskogo-naroda.html> (дата обращения: 14.08.2017).
- Конгресс карачаевского народа вынес вотум недоверия Рашиду Темрезову. Доступ: https://news-r.ru/news/karachay_cherkess_republic/224826/ (дата обращения: 13.06.2018).
- Конгресс карачаевского народа попросил МИД России не допустить переименования Южной Осетии. Доступ: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297862> (дата обращения: 17.02.2017).
- Кто пытается посорить карачаевцев и осетин. Доступ: <http://politika09.com/politika/kto-putaetsya-possorit-karachaevtsev-i-osetin/> (дата обращения: 21.02.2017).
- МВД РФ не признает сирийских черкесов российскими соотечественниками. Доступ: http://circassiatimesrussian.blogspot.com/2017/01/blog-post_7.html (дата обращения: 07.01.2017).
- Население Карачаево-Черкесии. Национальный состав. Доступ: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.04.2021).
- Обращение к общественности Ингушетии и федеральному центру. Доступ: <http://kkn09.ru/news/439-obraschenie-k-obschestvennosti-ingushetii-i-federal-nomu-centru.html> (дата обращения: 30.04.2019); Обращение в связи с 28-летием Закона о реабилитации. <http://kkn09.ru/news/446-obraschenie-v-svyazi-s-28-letiem-zakona-o-reabilitacii.html> (дата обращения: 10.04.2019).
- Об утверждении программы Карачаево-Черкесской Республики по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Доступ: <http://government.ru/docs/33217> (дата обращения: 11.07.2018).

- Обращение к Д.А. Медведеву о составе оргкомитета по празднованию 1100-летия крещения Алании. Доступ: <http://kkn09.ru/news/334-obraschenie-k-damedvedevu-o-sostave-orgkomiteta-po-prazdnovaniyu-1100-letiya-kresc-heniya-alanii.html> (дата обращения: 28.02.2018).
- Обращение к Главе КЧР Р.Б. Темрезову. Доступ: <https://onkavkaz.com/blogs/2506-obraschenie-k-glave-kchr-r-b-temrezovu.html> (дата обращения 12.04.2018).
- Обращение на имя Главы КЧР об объектах культурного наследия. <http://kkn09.ru/news/642-obraschenie-na-imya-glavy-kchr-ob-obektah-kultur-nogo-naslediya.html> (дата обращения: 01.04.2021).
- Обращение о неприемлемости принятия закона о добровольном изучении родных языков в школах. Доступ: <http://kkn09.ru/news/350-obraschenie-o-nepriemlemosti-prinyatiya-zakona-o-dobrovolnom-obuchenii-rodnyum-yazyu-kam.html> (дата обращения: 26.04.2018).
- Ответ на обращение к Президенту РФ. Доступ: <http://kkn09.ru/news/393-otvet-na-obraschenie-k-prezidentu-rf.html> (дата обращения: 16.10.2018).
- Письменно установленные даты аланской истории для составления Календаря памятных дат Алании. Доступ: <http://kkn09.ru/news/344-pismenno-ustanovlennye-daty-alanskoj-istorii-dlya-sostavleniya-kalendarja-pamyatnyh-dat-alanii.html> (дата обращения: 29.03.2018).
- Полпред Президента РФ в СКФО поддержал решение Главы КЧР по созданию в республике Аланского христианского центра. Доступ: <http://www.riakchr.ru/polpred-prezidenta-rf-v-skfo-podderzhal-reshenie-glavyi-kchr-po-sozdaniyu-v-respublike-alanskogo-xristianskogo-czentra/> (дата обращения: 27.07. 2017).
- Представители нацреспублик России назвали закон о родных языках антиконституционным. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/322440/> (дата обращения: 03.07.2018).
- Представители национальных общественных организаций КЧР помогут школьникам сделать выбор в пользу изучения родных языков. Доступ: <http://www.kchr.ru/news/detailed/46721/> (дата обращения: 16.10.2018).
- Приложения для изучения ногайского и черкесского языков представят на «Машуке» в Пятигорске. Доступ: <http://nazaccent.ru/content/27930-prilozheniya-dlya-izucheniya-nogajskogo-i-cherkesskogo.html> (дата обращения: 10.08.2018).
- Резолюция конференции Союза репрессированных народов России. Доступ: <http://kkn09.ru/news/346-rezolyuciya-konferencii-soyuza-repressirovannyh-narodov-rossii.html> (дата обращения: 06.04.2018).

- Российские власти отстранились от решения вопроса о репатриации черкесов. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349900/> (дата обращения: 21.05.2020).
- Семидесяти пятилетие Победы! Доступ: <http://kkn09.ru/news/550-75-letie-pobedy.html> (дата обращения: 12.05.2020).
- Семьдесят семь лет депортации Карачаевского народа Доступ: <http://kkn09.ru/news/591-77-let-deportacii-karachaevskogo-naroda.html> (дата обращения: 03.11.2020).
- Состоялась очередная 42 сессия Парламента КЧР. Доступ: <https://parlament09.ru/press/news/sostoyalas-ocherednaya-42-sessiya-parlamenta-kchr/> (дата обращения: 25.12.2017).
- Состоялось совещание по вопросу изучения родных языков. Доступ: <http://minobrchr.ru/news/detail.php?ID=4317> (дата обращения: 22.02.2019).
- Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям. Доступ: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 14.04.2021).
- Черкесы попросили Литву признать геноцид народа Российской империей. Доступ: <http://nazaccent.ru/content/15214-cherkesy-poprosili-litvu-priznat-genocid-naroda.html> (дата обращения: 17.03.2015); Парламент Эстонии пригласил черкесов обсудить вопрос признания геноцида. Доступ: <http://nazaccent.ru/content/16265-parlament-estonii-priglasil-cherkesov-obsudit-vopros-priznania-genocida.html> (дата обращения: 03.06.2015)
- Черкесские организации возмущены высказываниями посла России в Турции о черкесах. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/345968/> (дата обращения: 15.02.2020).

**ЧЕРКЕСЫ В ПЕРЕПИСИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

В.В. Степанов

В постсоветские годы и на современном этапе периодически возникают общественные дебаты о переименовании адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов в «черкесы». Звучность и широту дебатам придают средства электронной коммуникации – интернет, смс-сообщения, телеграмм-каналы и прочее. Эта электронная активность особенно усиливается в период переписи. В России предпереписная и переписная агитация не регламентирована законом. Единственным ограничением, как и в иной информационной сфере, является запрет на распространение сведений оскорбительного и экстремистского характера. С учетом этого развернувшаяся в очередной раз перед всероссийской переписью интернет-кампания с лозунгом «запишись черкесом» имеет право на существование и, как и в предыдущей переписи 2010 г., может повлиять на ее результаты.¹ С агитацией или без нее, в конечном итоге люди во время переписи сами могут решить, как им себя идентифицировать, какую национальность и какой родной язык указать в переписном листе, записать ли себя общим наименованием «черкес», или все же «кабардинцем», «адыгейцем», «шапсугом»...

Однако возникает проблема совершенно иного рода, когда поборники черкесского единения предпринимают попытки из-

¹ В Адыгее количество лиц с самоопределением «черкесы» резко возросло в переписи 2010 г. на фоне 2002 г. (с 0,6 тыс. до 2,7 тыс. чел.), тогда как гораздо более многочисленные адыгейцы не только численно не увеличились, но даже несколько сократились (с 108,1 тыс. до 107,1 тыс. чел.).

менить сам принцип переписи так, чтобы искомое наименование автоматически и массово было присвоено людям без учета их мнения. Механизм такой манипуляции содержался в письме, направленном в 2020 г. в органы федеральной власти в сфере государственной национальной политики и статистики – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) и Федеральную службу государственной статистики (Росстат). Письмо было подписано руководителями ряда общественных организаций Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии.

В обращении общественников указывалась необходимость «восстановления единого названия черкесы» для адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов, мотивируя ее тем, что именно восстановление названия «поможет сохранить историческое, культурное и духовное наследие черкесского народа, станет залогом его возрождения в будущем». Для «восстановления» предлагалось изменить сам метод переписи населения, а именно: «в методические документы переписи 2021 года внести изменения, на основании которых всех именуемых адыгейцами, кабардинцами, черкесами и шапсугами со всеми возможными вариантами ответов на переписи-2021 учитывать под единым этническим наименованием “черкесы”».

В качестве обоснования такой манипуляции применялся набор сентенций, который и прежде использовался инициаторами общечеркесского переименования. Но объектом агитации теперь было не население конкретных российских регионов, а федеральные чиновники, в том числе лица, принимающие решения. В обращении говорилось: «современные исследования показывают, что этническое самосознание и основной пласт традиционной культуры у шапсугов, адыгейцев, черкесов и кабардинцев являются идентичными. Это свидетельствует о том, что названные группы являются субэтносами одного – черкесского (адыгского) народа». Говорилось также, что «сравнительно недавнее территориальное разобщение не привело к утрате в народе исторической памяти о генетической и культурной общности». Приводились «примеры» других этнических групп с объединенными названиями, в частности, «русские», «алтайцы», «татары».

Предпринятая попытка представить федеральным чиновникам перепись как источник юридического права, естественно,

успеха иметь не могла. Как установлено законодательством Российской Федерации, перепись населения не является актом признания или непризнания какого-либо народа, она даже не подсчитывает народы, а суммирует сведения о лицах, сообщаемые на добровольной основе. Чиновникам известно, что задачей переписи является сбор, обобщение и представление сведений о населении в целом по стране, ее регионам и местностям², и в составе этих сведений, помимо прочего, имеются данные о самоопределении жителей страны по признакам национальности³ и родных языков. Если бы манипуляция по «переименованию» без учета реальной самоидентификации населения могла получить шанс на воплощение, это превратило бы статистику в социально-чувствительный и конфликтогенный фактор.

Идея объединения и дискурс о геноциде

Идея объединения черкесов как политический концепт не является новой. В конце 1980-х гг. и начале следующего десятилетия учрежденная за рубежом «Всемирная (затем – Международная) черкесская ассоциация» (МЧА) своими политическими целями ставила придание черкесам статуса «народа-изгнанника», пострадавшего от царской России во время военных действий на Кавказе в XIX в., и содействие их репатриации на Северный Кавказ с предоставлением советского гражданства. К этому

² Конституция Российской Федерации (ст. 26); Федеральный закон от 29.11.2007 N 282-ФЗ "Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации" (п. 1 ст. 4); Федеральный закон от 25.01.2002 N 8-ФЗ "О Всероссийской переписи населения" (п. 3 ст. 1).

³ В всероссийских переписях 2002 г., 2010 г., 2020/21 г. национальность записывается со слов самих опрашиваемых без предъявления документальных подтверждений и без регламентации значения вопроса «Ваша национальная принадлежность», что соответствует 26 статье Конституции Российской Федерации. См.: Основные методологические и организационные положения Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010, с. 19; Приказ Росстата от 28 февраля 2020 г. № 99 «Об утверждении методологических и организационных положений Всероссийской переписи населения».

процессу предполагалось подключить черкесов Турции (по некоторым оценкам, более миллиона чел.), стран Ближнего Востока (в Сирии и др. десятки тыс. или сотни тыс. чел.), Восточной Европы [Кушхабиев, 1998; Кудяева, 1991; Глостнаков, 2013]. Также МЧА ставила задачу ввести единое «официальное» название «черкес» вместо трех «административных», мотивируя тем, что единый народ разделен искусственно.

Идея объединения в «самостоятельное от России государство», провоцируемая Англией и Турцией, возникла еще в первой трети XIX в. Шапсуги и натухайцы, подстрекаемые этими странами, требовали в Геленджике у русского генерала Вельяминова предоставления горцам независимости – самостоятельного от России государства [Раенко-Туранский, 1927: 2; Панеш, 2012]. Но затем, когда в 1848–1854 гг. посланник Шамиля Магомед-Амин предпринял активные политические и военные усилия, «чтобы соединить весь народ закубанский в один союз, чтобы народ этот не имел никаких мирных сношений с русскими» и следовал «воле турецкого султана», это привело к активному сопротивлению шапсугов, бесленеевцев, абадзехов, бжедугов и других [Покровский, 1989: Очерк шестой].

В дальнейшем Турция не оставляла идею всечеркесского объединения. В начале XX в. академик Н.Я. Марр указывал, что ранее «переселившиеся в Турцию горцы-мусульмане и называемые там черкесами» – это не только адыги, но и осетины, карачаевцы, и другие северокавказские группы вплоть до лезгин. Их «стремление к возврату из Турции есть источник национального брожения на Кавказе <...>, в основе [которого лежат] земельные интересы» [Марр, 1920: 37, 38]. Даже после установления советской власти, на втором Кубано-Черноморском областном съезде трудящихся горцев в 1921 г. из протурецкой группы делегатов звучали требования создать «независимую Северо-Кавказскую Горскую Республику» и переселить в нее горцев из Турции [Раенко-Туранский, 1927: 118, 139; Емтыль, 2014: 101].

Попытки из-за рубежа обвинить Россию в «сознательном геноциде» черкесов продолжают до настоящего времени⁴.

⁴ В частности, в 2011 г. парламент Грузии признал «совершение царской Россией геноцида в отношении черкесского народа»; Türkiye'den Çerkes Soykırımını mesajı [О геноциде черкесов из Турции] (<http://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/270835.aspx> 21.05.2015).

«Черкесский вопрос» муслифовался накануне проведения зимней Олимпиады в Сочи с целью ее осложнения [«Черкесский вопрос», 2014]. МИД Турции неоднократно высказывал озабоченность по поводу «черкесского изгнания», в мае 2020 г. о том же заявил президент этой страны Р.Т. Эрдоган⁵. При этом в Турции, как и двести лет назад, «черкесами» называют всех выходцев с Северного Кавказа, даже тех потомков *мухаджиров* (переселенцев XIX – начала XX вв.), которые не относятся к адыгам (чеченцев, карачаевцев, балкарцев, осетин-мусульман и др.) [Кипкеева, 2000: 2, 5, 31]. Турецкие СМИ заявляют о, якобы, «7 млн черкесах в изгнании» за пределами России, из которых «6 млн» сегодня находятся в Турции; называют цифры «1,5 млн» и даже «2 млн изгнанных к 1864 г.» и «полмиллиона по этой причине погибших»⁶.

Еще перед прошлой переписью населения 2010 г. в зарубежном сегменте интернета был создан и целенаправленно действовал «черкесский» сайт, призывавший северокавказскую молодежь поддержать акцию «Один народ – одно название» [Баранов, 2014: 90]. Также был выдвинут лозунг: «Один народ – одно название – одна республика». Но даже в среде поборников адыгского культурного единства далеко не все поддержали идею единства «республиканского», но выступили против объединения трех республик.

Культурное единство и языки

Безусловно, адыгское культурное единство существует и подтверждением тому является множество этнографических сведений о традиционной бытовой культуре, этапах истории и языковой общности рассматриваемых групп населения. Однако при

⁵ Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan Çerkes sürgününün 156'ncı yılına ilişkin paylaşım [Президент Эрдоган по случаю 156-й годовщины черкесского изгнания] (<https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/705894.aspx>, 22.05.2020).

⁶ 7 milyon Çerkez hâlen sürgün [7 миллионов черкесов все еще находятся в изгнании] (<https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/626531.aspx> 23.05.2019); 153 yıllık acı: Çerkes Sürgünü [153 года страданий: черкесская ссылка] (<https://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/475432.aspx>, 21.05.2017).

знаки культурного сходства не всегда определяют самоидентификацию людей. Такие признаки не могут быть решающим основанием и для статистического переименования населения при переписи. В записке, подготовленной в 2020 г. для ответа Института этнологии и антропологии РАН на запрос Росстата, доктор исторических наук Ю.Д. Анчабадзе указывал, что исторические материалы действительно свидетельствуют о тесном этнокультурном родстве кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов, и представление об их культурной и языковой близости является важным элементом общественного сознания. Отражением этого факта, подчеркивал ученый, является существование группового этнонима *адыге*, в русскоязычном варианте – адыги, который имеет широкое хождение в общественно-политической и научной литературе, а также используется в обыденном словоупотреблении. Вместе с тем, прошлые исторические процессы, включая этапы феодального дробления и длительной взаимной обособленности, обусловили этническую структуру адыгской общности, представленную массивами кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов. Формирование в их среде культурных различий, наличие специфических этнокультурных и этнополитических задач и многое другое привело к закреплению идентичностей этнического уровня, которые у кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов в современный период отрицать невозможно. Не учитывая такие факты, – заключает Ю.Д. Анчабадзе, – ряд общественных организаций, их лидеры и активисты предлагают внести изменения в методические материалы всероссийских переписей для обозначения этих групп населения как одного народа «черкесы», что не соответствует современным реалиям.

Не все однозначно и с языковым единством. В конце 1990-х гг. идея создания единого для адыгов литературного языка была отвергнута специалистами [Кабардино-черкесский язык, 2006: 26]. Языки адыгейский и кабардино-черкесский имеют одинаковое самоназвание *адыгэбзэ*. Лингвисты признают их в качестве хотя и родственных, но самостоятельных языков, а в отношении кабардинского и черкесского принято говорить о двух региональных вариантах языка, имеющих свои особенности в бытовой речи, литературе, средствах массовой информации [Кабар-

дино-черкесский язык, 2006: 9]. В общеобразовательных школах эти языки преподаются как самостоятельные [Беканова, 2014; Беканова, 2017; Таов, 2017; Куготов, Куготова, 2010; Кантемирова, 2009; Бакова, 1988] или как единый язык, при этом немаловажную роль играет банальный недостаток учебников.

Правовой статус языков является существенным дифференцирующим фактором. Согласно конституциям и законам о языках соответствующих республик, к государственным языкам, наряду с русским и иными языками, отнесены кабардинский язык в Кабардино-Балкарии, адыгейский язык в Адыгее, черкесский в Карачаево-Черкесии. Законодательные органы этих республик не ставят вопрос о каком-либо общем наименовании государственных языков адыгейского, кабардинского и черкесского. Названные языки являются в этих республиках символами государственности.

Названия, применявшиеся в прошлом

Требование «возврата единого исторического наименования» не следует рассматривать как правомерное. В России в XIX в. и ранее наименования «адыги» и «черкесы» использовались как собирательные, под которыми понимали разные группы населения, близкие по культуре и языку или ареалу расселения. В официальных документах использовалось также собирательное наименование «абадзе», к которым относили натухайцев, шапсугов, абадзехов и других, а термином «адыге» обозначали кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, егерукаевцев, махошевцев, хамышеевцев. Имя «кабардинцы» часто применялось в русских документах еще в XVI веке [Волкова, 1973: 35, 45].

Этнографические названия «адыге», «черкесы», «кабардинцы» активно использовались российской наукой в XIX веке. Фундаментальный труд академика Н.Ф. Дубровина о народах Кавказа сообщал: «Отделившаяся съ давнихъ поръ, часть племени адиге – кабардинцы, вторгнувшись угломъ въ центральную часть Кавказа, заняли пространство отъ предгорій Эльбруса до верховій р. Сунжи...» [Дубровин, 1871: 62]. В классификации академика Н.Я. Марра начала XX в. «адыгеи» были подразделены на восточных, именуемых «кабардинцы», и западных, именуемых «черкесы» [Марр, 1920: 45, 52].

По традиции, все группы адыгоязычного населения царское правительство и военные собирательно именовали черкесами. Но при этом делали различия по «племенам», перечисляя в их составе кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, шапсугов, абадзехов и других [Дубровин, 1871: 86, 87; Кавказ, 2014]. Название «адыгейцы (адыхейцы)» в значении адыги также было известно издавна. Во второй половине XIX в. вышла в свет «История адыхейского народа» [История..., 1891], а до этого публиковались «Сведения об атыхейцах» авторства Ш. Ногмова [О быте, нравах..., 1849; *Шах-Бек-Мурзин*, 1849]. Признанный специалист в изучении кавказских этнических наименований Н.Г. Волкова указывала, что в XIX в. под общим названием «черкесы» в научных трудах и официальных государственных документах «скрывалось множество племенных и локальных групп адыгов» [Волкова, 1973: 26].

В 1927 г. Комиссия по изучению племенного состава (КИПС) АН СССР описывала «черкесов или адиге, как народность Адигейской (Черкесской) автономной области и Черкесского национ. округа Сев.-кавк. края, проживающей также в Черноморском округе». Кабардинцы описывались как народность, этнически близкая черкесам, населяющая Кабардино-Балкарскую автономную область [Список народностей..., 1927: 15, 16]. То есть, как и в настоящее время, в прошлые столетия собирательные и дробные этнические наименования не только сосуществовали, но и активно использовались.

Об административном «разделении»

В отличие от мнения о «намеренном разъединении черкесов», следует сказать, что национально-административное устройство кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугов советского периода не породило, а лишь в определенной мере укрепило имевшиеся этнокультурные и территориальные различия. Между тем, созданные в начале 1920-х гг. автономии и их «этнические» наименования отразили не только сложившуюся территориальную разобщенность, но и разнонаправленность самоопределений этих групп.

Еще до установления советской власти на 1-м съезде горцев Кавказа (Владикавказ, май 1917 г.) одни участники из горской

среды именовали себя «кабардинской делегацией», а другие – «делегацией кубанских черкесов», но не единым каким-либо названием. А на 2-м съезде объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (сентябрь 1917 г.) были избраны в центральный комитет отдельно представители «от кабардинского народа» и отдельно – представители «от черкесов» [Материалы съездов горских народов..., 2014: 51, 151]. Никаких «большевистских козней» на том этапе быть не могло.

В марте 1921 г., уже в условиях советской власти, на втором Кубано-Черноморском областном съезде трудящихся горцев радикальная группа делегатов настаивала на создании «независимой Северо-Кавказской Горской Республики» (на части территории современного Краснодарского края), но для этой республики не требовали этнического наименования. В итоге съезд признал необходимым «организовать Горский Исполком для управления горским населением» [Раенко-Туранский, 1927: 118, 139].

В советский период сначала были образованы кабардинская и черкесская автономии, которые не обнаружили желания территориального объединения или общего наименования (не было ни одной местной инициативы). Кабардинская автономная область была образована в 1921 г., и в постановлении ВЦИК кабардинцы были названы народом: «Выделить из территории Автономной Горской Социалистической Советской Республики автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР»⁷. Среди адыгских групп это была первая на Северном Кавказе этнотерриториальная автономия, однако в ее названии («Къэбэрдей») не проявилось стремления к единению с другими группами адыгов.

Черкесы стали добиваться своей автономии сразу, как возникла Горская АССР, желая войти в ее состав, о чем было заявлено делегатами Баталпашинского отдела на втором Кубано-Черноморском областном съезде трудящихся горцев. Хотя просьба не была удовлетворена, очевидно, что баталпашинские черкесы даже административно хотели перейти в другое подчи-

⁷ Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании Кабардинской Автономной Области 1 сентября 1921 г.

нение и не рассматривали свое нахождение вместе с западными черкесами (адыгейцами) в Кубано-Черноморской области. Вместе с тем, желая перейти в ГАССР, они не высказывали намерения объединиться с восточными соседями – кабардинцами, а желали своей собственной автономии. Это подтвердили аульные съезды черкесов, когда в сентябре того же года возникла Автономная Кабардинская область. Так, жители аула Тазартуковский (ныне Бесленей) в своем решении 5 ноября 1921 г. заявили, что единственно приемлемой для них формой административного управления является создание своей автономной области «наподобие Кабарды на Тереке», но с центром в Баталпашинске [Очерки истории Карачаево-Черкесии, 1972: 88, цит. по: Джанибеков, 1962: 64–65]. Эти же требования были затем высказаны 7–8 ноября в ауле Эльбурган на съезде абазин, ногайцев и черкесов Баталпашинского отдела [Батдыева, 2014: 349]. Затем намерение создать объединенную с ними автономию высказали карачаевцы⁸, и уже 25 ноября состоялся Съезд представителей черкесского и карачаевского народов в Баталпашинске, причем – с участием делегатов от русских сел и станиц южной части Баталпашинского отдела. Съезд высказался за образование национальной автономии Карачаево-Черкесии и направил делегацию в Москву [Очерки истории Карачаево-Черкесии, 1972: 89]. Вслед за этим 12 января 1922 г. ВЦИК объявил о создании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. В официальном документе указывалось «черкесское» наименование: «Выделить из Горской республики территорию, ныне занимаемую карачаевцами, и из Кубано-Черноморской области южную часть Баталпашинского отдела, ныне занимаемую черкесами и шестью казачьими станицами, и образовать из этих территорий Объединенную Карачаево-Черкесскую Автономную область с административным центром в г. Баталпашинске». Русскоязычное название автономии легко закрепилось, поскольку русский язык в этой местности был распространен и наряду с наименованием «адыгэ» использовалось слово «черкес». Оно

⁸ 20 и 21 ноября 1921 г. в ауле Учкулан состоялся чрезвычайный съезд трудящихся Карачаевского округа о выделении Карачая из состава ГАССР и создании автономии совместно с черкесами, абазинами, ногайцами и населением русских станиц. Съезд высказался за создание самостоятельной объединенной автономии [Батдыева, 2014: 349].

было привычным и для проживающих здесь абазин, ногайцев (по-ногайски «шеркеш»). Примечательно, что хотя местные жители нередко назывались в официальных сводках также и кабардинцами, на своих сходах они не выражали желания отразить это в названии своей автономии.

После того, как вопрос об автономии Карачаево-Черкесии был фактически решен, о необходимости своей автономии заговорили западные адыге – адыгейцы. При этом они вообще не предложили этнического наименования автономии – в декабре 1921 г. на III Горском съезде был поставлен вопрос об образовании в пределах Кубано-Черноморской области «Горского округа». Округ не был создан, но стал действовать Горский исполком «для управления горским населением». Уже через полгода Горский исполком ходатайствовал в Наркомнац о выделении Горского округа, но затем – об учреждении «Адыге-Черкесской автономной области», ссылаясь на уже полученную автономию Кабарды и Карачаево-Черкесии. На пленуме 4 мая 1922 г. Горский исполком предложил будущую автономную область назвать «Адыге-Черкесская» и избрал полномочную делегацию в Москву для ходатайства [Раенко-Туранский, 1927: 134]. К тому времени почти полгода существовала Карачаево-Черкесская АО и, при желании поддержать с соседними черкессами этнографическое единство, у жителей будущей Адыгеи имелись все возможности назвать свою автономию «черкесской». Напомним, что центральная власть в Москве склонялась как раз к такому названию, ведь по ее мнению на тот период, адыге – это черкесы. На заседании коллегии Наркомнаца 22 мая 1922 г. данный вопрос был рассмотрен (положительно) в такой формулировке: «О выделении кубанских черкесов в Автономную область». Не случайно также, что даже после учреждения адыгейской автономии центральные власти и власти Кубано-Черноморской области некоторое время называли новую автономию «Черкесской». Но из-за настойчивого желания делегации горцев, прибывшей в Москву, иметь название «адыге», Наркомнац одобрил компромиссный вариант: «Черкесская (Адыгская) Автономная область» (ЧААО) [Раенко-Туранский, 1927: 134]. И все же вариант, выдвинутый по местной инициативе, одерживал верх – в августе того же года при Наркомнаце уже действовало «Адыгейское (Черкесское) представительство» [Шесть лет нацио-

нальной политики., 1924: 120]. Вслед за положительным заключением Наркомнаца была назначена специальная комиссия ВЦИК, которая объезжала горские селения, чтобы оценить необходимость выделения автономии [*Раенко-Туранский*, 1927: 135, 136]. После этого Черкесская (Адыгская) автономная область была учреждена постановлением ВЦИК 27 июля 1922 г. и уже через месяц переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область (АЧАО). А еще через 6 лет автономия была переименована в Адыгейскую автономную область (03.08.1928), т.е., как того желало население – именоваться адыгами, а не черкесами.

В отношении шапсугов существует версия, что в первые советские годы они желали объединения с Адыгеей [Здесь и далее о шапсугах см. *Половинкина*, 2001: 185 – 198]. Вместе с тем, известно, что еще в начале 1922 г. жители шапсугских аулов заявляли властям Кубано-Черноморской области о нежелании подчиняться Горскому исполкому и входить в будущую Черкесскую автономию, а на одном из своих съездов даже объявили о собственной автономной республике «Шапсугии» в составе РСФСР. В самопровозглашенном названии не было и намека на связь с адыгами и черкесами (следует напомнить, что идея административной территории с шапсугским наименованием не была новой, поскольку прежде эпизодично существовал Шапсугский округ в 1864 г.). Впрочем полномочия самовольной республики не были подтверждены центральной властью, и через два года на 4-м съезде шапсугов Причерноморья (26–29 августа 1924 г., Туапсе) был провозглашен Шапсугский национальный район, который затем и был образован 6 сентября 1924 года⁹. Хотя на тот период в названии соседней Адыгейской автономной области имелось уточнение «черкесская», наименование национального района шапсугов не ставило целью указать на связь местного населения с другими группами адыгов.

⁹ Шапсугский национальный район с 24.05.1945 поименован как Лазаревский район Краснодарского края, который с 10.03.1961 отнесен в состав г. Сочи.

Таким образом, даже на ранних этапах создания национально-территориальных автономий общеадыгское единство никак себя не проявило, равно как не утвердились и общие административно-территориальные названия с использованием «адгэ» или «черкес».

Наименование «черкесы» в прежних переписях

В истории отечественных переписей, осуществлявшихся методом прямого опроса, выявилась именно различная, а не единая самоидентификация рассматриваемых групп населения. В Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. подсчет производился не по национальной принадлежности, а по ответам населения о родном языке. Эти ответы, с точки зрения представлений об удобстве, были сгруппированы в «черкесские наречия» (были и другие условные группировки, например, «индо-европейские наречия», куда отнесли языки греческий, армянский, цыганский и др.). Однако итоговые цифры были опубликованы по каждому наречию отдельно – «кабардинскому», «черкесскому», «абхазскому», т.е. так, как указывали респонденты в переписной документации. Выяснилось, что кабардинский родной язык указали 98 тыс. чел., а черкесский указали в два раза меньше – 46,3 тыс. человек [Общий сводъ по Имперіи..., 1905: 8]. И это при том, что исходная установка у статистиков была нацелена именно на привычное для чиновной администрации обобщение под сводным названием «черкесы». Подготавливая первую перепись, российские власти предварительно издали «Алфавитный список народов», в котором указывалось, что к черкесам «причисляются многіе народы: изъ нихъ главнѣйшіе кабардинцы» [Алфавитный список народов, 1895: 79].

При Всероссийской переписи членов РКП 1922 г. члены партии должны были ответить на вопрос № 20 и указать «национальность» отца и матери, а также деда по отцовской линии. В своих ответах, в частности, указывали и «кабардинцев», и «черкесов», причем первых указывали гораздо чаще (в 6 раз), чем вторых, что и было представлено в официальных сводках по

России в целом и в региональном разрезе [Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, 1924: 26].

При Всесоюзной переписи 1926 г. для некоторых обобщений выделялись статистические группы, в т.ч. «черкесская группа», к которой были отнесены черкесы, кабардинцы, бескесек-абаза, убыхи и абхазы [Всесоюзная перепись населения..., 1928: 16]. До этой переписи в 1920-е гг. в официальной статистике также использовали термин «черкесская группа» [Естественное движение, 1929: 32]. Термин «группа» применялся в целях удобства изложения сведений о «народностях» (национальностях),¹⁰ но при этом как правило, указывались не суммарные цифры, а для каждой «народности» отдельно. Например, в преамбуле официальных итогов переписи 1926 г. сообщалось: «... к черкесской группе принадлежат кабардинцы (139,9 тыс. чел.), черкесы (65,3 тыс.) и черкесские абхазы (13,8 тыс.). Все они составляют коренное население Черкесской и Адыгейско-Черкесской авт. областей и лишь небольшая часть народностей этой группы отмечена переписью в пределах Черноморского и Терского округов (всего 7,5 тыс.) и Карачаевской авт. области». Однако в итоговых таблицах кабардинцы, черкесы и абхазы фигурировали по отдельности [Всесоюзная перепись населения..., 1928: 13, 24].

В советских переписях населения 1926–1989 гг. самоназвание «кабардинцы» регулярно выявлялось у сотен тысяч человек. Следует учитывать, что не только в дореволюционной, но и в советских переписях подсчет таких наименований осуществлялся не по каким-либо документам, а на основе самооценки опрашиваемых людей.

Самоидентификация в современных переписях

Всероссийские переписи 2002 и 2010 гг., микроперепись 2015 г. выявили в Российской Федерации устойчивую численность лиц, причисляющих себя к адыгейцам, черкесам, кабардинцам,

¹⁰ В терминологии Всесоюзной переписи 1926 г. «народность» обозначала ту же категорию, что и «национальность» в остальных советских переписях 1920, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

шапсугам. При этом статистические результаты были получены без искусственных переименований и обобщений. Учет и суммирование сведений о самоидентификации населения осуществляется на основе кодирования по Алфавитному перечню возможных вариантов ответов населению на вопрос о национальной принадлежности. При всероссийских переписях населения 2002 г. и 2010 г. ответам «кабардинец», «кабардинка» присваивался уникальный код 14, затем все ответы с этим кодом суммировались для официального опубликования. Также и редким ответам, таким как «кабардей», присваивался свой уникальный код. Ответы «адыгеец, адыгейка» кодировались в переписях под номером 42, ответы «адыгэ» кодировались под номером 365, редкие ответы, такие как «абадзехи», «бесленевцы», «бжедуги», «мамхеги», «махмеги», «махмеговцы» также имели собственные коды. Таким образом, Алфавитный перечень направлен на максимально полный подсчет персональных ответов населения о национальной принадлежности. Подмена в «Алфавитном перечне» одних названий другими означала бы игнорирование волеизъявления граждан и привела бы к искажению результатов государственных переписей населения.

В упомянутых выше обращениях, направлявшихся в Росстат и ФАДН с требованием переименовать разные группы населения в «черкесы», говорилось, что перед подготовкой и в период проведения переписи служба государственной статистики, якобы, рассылает в регионы Алфавитный перечень. Здесь очевиден намек на то, что статистические органы способствуют «раздроблению народов». Но в действительности указанный перечень в регионы не рассылается. Для организации и проведения переписи Росстат направляет в регионы совсем другие инструкции, целью которых является максимально точное и непредвзятое получение сведений от населения. При этом замена персональных ответов граждан о национальной принадлежности на какие-либо иные варианты запрещена. В инструкции для лиц, осуществляющих перепись, сказано: «Вопрос 7. Ваша национальная принадлежность (по самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ) зада-

вайте строго в такой формулировке, в которой он записан в переписном листе. Национальную принадлежность детей (как правило до 14 лет) определяют родители. Если опрашиваемый отказывается назвать свою национальную принадлежность, проставьте метку «отказ от ответа». Таким образом, на всех этапах сбора первичных сведений о населении невозможно без нарушений заменить одну национальную принадлежность респондента на другую.

Следующий этап обработки статистической информации заключается в том, что ответам респондентов о национальной принадлежности присваиваются цифровые коды для удобства подсчета итогов. Эти коды не изменяют первичные ответы, т.к. для каждого варианта ответа имеется отдельный код. Именно для кодирования применяется упомянутый Алфавитный перечень. Сумма по каждому варианту ответа публикуется в официальных итогах переписи.

В России в 2010 г., отвечая на вопрос о национальной принадлежности, себя назвали адыгейцами 118 тыс. чел., кабардинцами 517 тыс. чел., черкесами 73 тыс. чел., шапсугами 3,9 тыс. чел. Кроме того, именовали себя «адыги» 6 тыс. чел., «адыгэ» 1,3 тыс. чел., «адыге» – только 46 чел. Были также крайне малочисленные варианты ответов: убыхи – 33 чел., абадзеги – 7 чел., бжедуги – 4 чел., бесленеевцы – 1 чел. По правилам переписи, каждый малочисленный вариант ответа не только должен быть обнародован, но и, в зависимости от родных языков, указанных респондентами, распределен между многочисленными адыгейцами, черкесами и кабардинцами.

Во время переписи кабардинцы и черкесы редко использовали самоназвание «адыги», «адыгэ», «адыге» – менее 1% случаев. Конкретно в Карачаево-Черкесии в 2010 г. назвали себя адыгейцами 180 чел. и еще 10 чел. назвали себя адыге, адыгэ, адыги. Соответственно, в сопоставлении с черкесами, «адыгская» идентичность в этой республике составляет только 0,3%. В Кабардино-Балкарии назвали себя адыгейцами 495 чел. и назвали себя адыге, адыгэ, адыги 99 чел. В соотношении с кабардинцами «адыгская» идентичность составила по переписи в КБР всего лишь 0,1%.

Таблица 1. Ответы населения о национальной принадлежности при переписи 2010 г. в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, краях Краснодарском и Ставропольском

	чел.
абадзехи	6
адыге (с любым языком кроме кабардинского и черкесского)	29
адыге (с языком кабардинским)	5
адыге (с языком черкесским)	4
адыгейцы	114712
адыги (с любым языком кроме кабардинского и черкесского)	5866
адыги (с языком кабардинским)	31
адыги (с языком черкесским)	13
адыгэ (с любым языком кроме кабардинского и черкесского)	1231
адыгэ (с языком кабардинским)	30
бесленеевцы	1
бжедуги	4
кабардинцы	500800
убыхи	31
черкесы	69127
шапсуги	3868

Примечание: названия родных языков приводятся, как они указаны в ответах населения

В свою очередь, черкесская идентичность, по данным переписей, очень мало распространена среди адыгейцев и кабардинцев – в целом на уровне 0,8%. В Адыгее в 2010 г. только 2,7 тыс. чел. назвали себя черкесами, плюс 1 чел. назвал себя адыгом с родным языком черкесским. Если этих людей сопоставить с численностью адыгейцев, становится очевидно, что «черкесская» идентичность в этой республике не превышает 2,4%. В Кабардино-Балкарии к черкесам себя отнесли 2,5 тыс. чел., в т.ч. 8 чел. назвали себя адыгами с родным языком черкесским. Соответственно, из сопоставления этих людей с кабардинцами следует, что «черкесская» идентичность распространена всего лишь у 0,5% данного населения.

В целом в регионах России, где проживает наибольшее количество адыгейцев, черкесов, кабардинцев, шапсугов, т.е. в

Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, краях Краснодарском и Ставропольском, лица с «адыгской» идентичностью составили в 2010 г. низкую среди названных групп долю 18%. Если же в этих группах не учитывать самоназвание «адыгейцы», а только «адыге», «адыги», «адыгэ», то адыгская идентичность составит лишь 1%. То есть, как таковая, адыгская самоидентификация распространена незначительно или рассматривается ее носителями как вторичная. Еще меньше распространена черкесская самоидентификация: ее доля составляет 10%, а без учета численности черкесов¹¹ – 0,002%. Незначительная распространенность адыгской и черкесской самоидентификации характерна для указанных групп населения и по России в целом. **Из приведенных переписных итогов следует, что не имеется оснований, подтверждаемых статистикой, для объединения под одним наименованием адыгейцев, черкесов и кабардинцев в официальных итогах переписей.**

Современные всероссийские переписи до последнего времени не содержали сведений о вторичной этнической и языковой самоидентификации (эти данные впервые учитываются лишь в переписи 2020/21 года). Но представление о сложной самоидентификации дают результаты массовых опросов населения, осуществляемые Институтом этнологии и антропологии РАН. В 2019 г. в Адыгее среди опрошенных вторую самоидентификацию указало 6% населения, но никто из назвавших себя «адыгом», «адыгейцем», «адыгейкой», не указал в качестве второй принадлежности «черкес». Тот же результат получен при отдельном опросе студенческой молодежи в этой республике. В Кабардино-Балкарии о двойной самоидентификации заявили 13% опрошенных, но никто из назвавшихся кабардинцами не указал в качестве второй принадлежности «адыг» или «черкес». В этом регионе лишь чуть более 1% сказали, что не причисляют себя к кабардинцам, а их единственная идентичность – «адыг-черкес». Среди опрошенных студентов лица, назвавшие себя кабардинцами, менее, чем в 1% случаев сказали, что одновре-

¹¹ Перепись 2010 г. выявила варианты черкесской идентичности: «черкесы», «адыге с языком черкесским», «адыги с языком черкесским», бесленеевцы с любым языком, кроме адыгейского.

менно имеют «адыгскую» принадлежность. В Карачаево-Черкесии при опросе населения 9% респондентов указали по две самоидентификации, например, «черкес и абазин», но не было ни одной самоидентификации «черкес и адыг». Тот же результат получен при ответах об этнической самоидентификации местных студентов. В целом исследования показали, что адыгская самоидентификация населения в повседневной жизни редко сопутствует таким вариантам этнической принадлежности, как «черкесы» и «кабардинцы», а черкесская идентичность, как правило, не является сопутствующей у тех, кто причисляет себя к адыгейцам, шапсугам, кабардинцам.

Мнение экспертов

Следует принять во внимание оценки экспертов Сети этномониторинга, систематически изучающих общественное мнение и обстановку в регионах Северного Кавказа и Юга России.¹² С точки зрения экспертов, **целесообразно сохранить практику, при которой человек самостоятельно и добровольно определяет свою национальность и не допускает в сферу личных компетенций внешнего вмешательства, тем более – «принудительной идентификации», в том числе, при проведении переписи.** Люди, привыкшие считать себя кабардинцами и сжившиеся с этой мыслью, вряд ли будут рады тому, что в переписи станут «черкесами». Адыгейцы массово эту проблему накануне новой переписи не обсуждали, они, скорее, склонны идентифицировать себя как «адыги» с уточнением «адыгейцы». По оценке экспертов, если в итогах переписи название «черкесы» станет основным, у немалой части адыгейцев это вызовет недоумение и негативизм в отношении государства. Что касается шапсугов, то за последние десятилетия процессы этнического возрождения в их среде статусно еще более отделили эту груп-

¹² Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов – общественная научная организация, учрежденная ИЭА РАН, руководитель академик В.А. Тишков. Здесь приводятся мнения экспертов из регионов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, полученные в сентябре 2020 г. См. также сводку экспертных мнений в: [«Черкесский вопрос», 2014].

пу, поскольку они отнесены российским правительством к коренным малочисленным народам РФ. Поэтому «терять» отдельный статистический учет в ходе переписи шапсуги не захотят. Активисты из их среды направляют в органы государственной власти обращения о необходимости подтвердить именно шапсугскую национальность, поясняя, что в личных документах советского периода (паспортах, актах гражданского состояния) их записывали как адыгейцев или как черкесов, но теперь требуется внести исправления¹³.

По мнению экспертов, важно, чтобы в ходе переписи проводился прямой опрос населения, а не сбор сведений из административных источников или какие-либо оценки. Важно, чтобы были зафиксированы и учтены в официальных итогах реальные самоопределения людей. В ином случае в обществе будет распространяться недоверие к результатам переписи.

Эксперты полагают, что даже сама постановка вопроса о необходимости «объединить» адыгейцев, кабардинцев и черкесов общим наименованием «черкесы» не имеет в среде этих народов широкого отклика, хотя внешне, по шумихе в интернете, может казаться обратное. Подобные проблемы возбуждают незначительное количество людей, объединенных, как правило, в мелкие общественные группы, заявляющие, что выступают от имени народов. Мелькая с громкими заявлениями в интернетных источниках, зарубежных СМИ, они создают впечатление о наличии в северокавказских регионах некой «этнической оппозиции», «этнического движения». При этом в отечественной и зарубежной аналитической литературе сложилась негативная практика отождествлять деятельность этих микрогрупп с общественным мнением, и это приводит к излишней драматизации и переоценке так называемого «черкесского вопроса».

Если, вне зависимости от массового волеизъявления, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги будут объединены офи-

¹³ Примером является письмо от аулов Большой и Малый Кичмай Лазаревского района г. Сочи с предложениями изменить Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, направленное в Федеральное агентство по делам национальностей в 2019 г. и, в свою очередь выслано, агентством в ИЭА РАН для экспертного заключения.

циальной государственной статистикой общим названием «черкесы», то, как убеждены эксперты, от этого реальное этнокультурное развитие не выиграет. Но вот символический ресурс этнических националистов может возрасти. При этом спекуляции и «общественные опасения» в среде других этнических сообществ очевидно усилятся – это весьма вероятно, например, в случае с балкарцами, карачаевцами. Также и казачество может негативно отреагировать на введение общего наименования «черкесы», вновь начнутся обсуждения о якобы имеющихся планах создания «Великой Черкесии».

Эксперты подчеркивают, что интернетная акция «Один народ – одно название» несет конфликтный заряд. Влияние подобных акций на другие этнические сообщества потенциально велико. В интернетных социальных сетях в карачаевской и балкарской среде также ведется обсуждение этой «проблемы», нередко звучат высказывания, что единое наименование адыгоязычных народов – это не «культурная инициатива», а политическое движение к отдельной нации и отдельному государству; пишут также, что в постсоветские годы уже были попытки провести территориальный обмен между Адыгеей и Краснодарским краем, чтобы Адыгея и Карачаево-Черкесия имели общую границу.

Перед новой переписью, еще до ее переноса из-за пандемии, в социальных сетях интернета развернулся флешмоб «я – черкес, а – ты?» в котором активисты призывали записывать и тиражировать обращения на тему переписи и обосновывать важность единого названия. Распространялась, например, фотография девочки с плакатом «мы черкесы», на котором были перечеркнуты слова «адыгейцы», «кабардинцы», «шапсуги». Ответом стал флешмоб в среде карачаевцев и балкарцев «я алан, а ты аланка», призывающий в ходе переписи именоваться аланами. Регулярность акций вызывает негативную реакцию среди осетин. В свою очередь, некоторые ингуши под лозунгом «аланы» поддерживают карачаевцев и балкарцев. Обеспокоенность в социальных сетях высказывают и русские жители Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, они указывают, что за последние десятилетия доля русского населения в этих республиках неуклонно сокращается.

Непосредственно перед переписью интернетная агитация, помеченная поисковыми тэгами «#черкес #черкешенка #черкесия»

многократно усилилась. Тексты и видеоролики лаконично ин-структировали: «Черкес – да. "адыгеец", "кабардинец", "шапсуг" – нет. Один народ – одно название. Перепись – 2021». Согласно оценкам экспертов, **сугубо статистическое переименование, не подкрепленное массовыми и устойчивыми явлениями самоидентификации, способно провоцировать общественное напряжение как среди черкесов, адыгейцев, кабардинцев и шапсугов, так и других групп северокавказского населения.**

Итоговые заключения

Таким образом, тезис о необходимости «восстановления» единого названия «черкесы» не соответствует историческим реалиям, поскольку этнические наименования адыгэ («адыхейцы»), кабардинцы, шапсуги не были искусственно придуманы в советский период, они возникли не вместо общего названия и не в результате учреждения советских национально-территориальных автономий, а существовали не одно столетие.

Не является обоснованным тезис о том, что при помощи административного «разобращения» целенаправленно разрушалась историческая память и культурная общность адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов. Учреждение соответствующих национально-территориальных автономий в начале 1920-х гг. и присвоение этим автономиям этнических наименований отразило не только давно сложившиеся территориальные различия, но и разнонаправленные потребности в самоопределении этих групп населения.

Ни в современной России, ни в советский период собирательное название «черкесы» не у mažалось и не ставилось под сомнение. До настоящего времени это название используется как в общественном, так и политическом лексиконе, на массовых мероприятиях, в художественных и публицистических текстах, в средствах массовой информации, его применяют для разных целей, в том числе для поддержки историко-культурного наследия.

Для населения соответствующих субъектов Российской Федерации вопрос о всеобщем переименовании в «черкесы» не является актуальным. Общественное мнение на этот счет в основном проявляет себя индифферентно. И только в определенные периоды, связанные с переписью, влияние пропаганды на умы возрас-

тает, особенно – на молодежь. Агитационные кампании через интернет в определенной мере способны повлиять на статистические результаты переписи, как это было в Адыгее в 2010 г.

Статистическое переименование в «черкесы», на котором настаивают его сторонники, не способно кардинально улучшить возможности этнокультурного и социального развития адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов, но может ухудшить межнациональные отношения, затруднить реализацию языковой и образовательной политики на Юге России и Северном Кавказе. Могут осложниться позиции страны в международной сфере, что связано с желанием ряда государств обвинить Россию в «геноциде черкесов» в XIX в. и убедить международное сообщество в существовании «многомиллионной» черкесской диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока, якобы, «стремящейся к возвращению» на Северный Кавказ.

Безусловно, различные пользователи, в том числе общественники, организации, частные лица вправе использовать итоги всероссийских переписей по своему усмотрению. Но при этом важно, чтобы гарантией защиты от недобросовестных и тенденциозных интерпретаций служила именно непрерываемая точность государственных статистических данных.

Список литературы

- Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне всеобщей переписи. С.-Петербург: Издание канцелярии комитета министров, 1895.
- Бакова М.И.* Занимательная грамматика на уроках черкесского языка. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во: Карачаево-Черкес. отд-ние, 1988.
- Баранов А.В.* Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам социологических исследований) // Научная мысль Кавказа, 2014, № 1.
- Батдыева О.Д.* Национально-государственное становление Карачаево-Черкесской Республики // Молодой ученый (Казань), № 15 (74), 2014.
- Беканова М.С.* Изучаем кабардинский язык. 1 класс. Для учащихся, не владеющих кабардинским языком. Нальчик: «Эльбрус», 2017.
- Беканова М.С.* Рабочая тетрадь к учебнику «Изучаем кабардинский язык» 4 класс. Для учащихся, не владеющих кабардинским языком. Нальчик: «Эльбрус», 2014.
- Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973.

- Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Национальный состав членов партии. Выпуск 5-й. М.: Изд-во «Красная новь», 1924.
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928.
- Джанибеков Э.А.-Х.* Образование Карачаево-Черкесской автономной области. «40 лет автономии Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1962.
- Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Том 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Санктпетербург: Типография Департамента удельных, 1871.
- Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция и проблема национального самоопределения в начале 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа, 2014, № 2.
- Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. / Центральное статистическое управление СССР. Сектор социальной статистики. Секция статистики социального состава и движения населения, том 1, вып. 2. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929.
- История адыгейского народа: Составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1861.
- Кабардино-черкесский язык. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; Издательский центр «Эль-Фа», 2006.
- Кавказ: Черкесия. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014.
- Кантемирова Б.А.* Методические рекомендации для учителей черкесского языка и литературы, 2009.
- Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000.
- Куготов Л.Т., Куготова Е.Ж.* Кабардинский язык. 3 класс. Нальчик: «Эльбрус», 2010.
- Кудаева С.Г., Хут Л.Р.* Исторические судьбы адыгских махаджиров на Балканском полуострове // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: Материалы международной научной конференции. Черкесск, 1991.
- Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах. Диссертация на соискание научной степени доктор исторических наук, 1998.
- Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. Сер. «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России». Петроград: Типография Российской Академии Наук, 1920.
- Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / Сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. Нальчик: КБИГИ, 2014.

- Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым, дополненная предисловием и исправленная сыном его Еруст.-Шора-Бекмурзин-Ногмовым. 3-е изд., с изд. 1861 г. С предисл. и биогр. авт., а также с примеч. и прил. Ад. Берже. Пятигорск: Ерустан-Шора-Бекмурзин-Ногмов, 1891.
- Общий сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ Первой всеобщей переписи населенія, произведенной 28 января 1897 года. Том II. С.-Петербургъ, 1905.
- О быте, нравах и обычаях древних адыгейских народов или черкесских племен (из рукописи Шах-Бек-Мурзина) // Газета «Кавказ», 1849, № 36, 37.
- Очерки истории Карачаево-Черкесии / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. Т. 2: Советский период / Джанибекова Р.Х. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972.
- Панеш А.Д.* Деятельность английских эмиссаров в Западной Черкесии в 30-е гг. XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. История и археология, 2012, № 4.
- Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989 (Очерк шестой. Мюридизм на Западном Кавказе).
- Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX века). 2-е изд., испр. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001.
- Раенко-Туранский Я.Н.* Адыге до и после Октября (под ред. Борона И., Хуажева М., Цей Д.) Ростов н/Д, Краснодар: Крайнациздат, 1927.
- Список народностей Союза Советских Социалистических Республик Сер.: «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран». Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Таов Ж.К.* Кабардинский язык /учебник для 2 класса. Нальчик: «Эльбрус», 2017.
- Глостнаков А.А.* Репатриация черкесов: истоки, проблемы, перспективы // Философия права. 2013. № 2 (57).
- «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Шах-Бек-Мурзин.* Сведения об атыгейцах // Газета «Кавказ», 1849, № 39.
- Шесть лет национальной политики Советской Власти и Наркомнацу (1917–1923). Отдел Печати и Информации НКН. М.: Типогр. «Красный Восток», 1924.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

С учетом современной общероссийской и международной ситуации представляется необходимым обеспечить упрочение национальной безопасности в северокавказском регионе при профилактике радикализации, в том числе и прежде всего интернет-пространства и социальных сетей, а также отдельных групп молодежи. Методы преодоления радикализации должны разрабатываться с участием научной экспертизы и с учетом мирового опыта.

Продолжить демократический тренд развития и реализовывать принципы политической модернизации, публичной политики, диалога власти и гражданского общества в сообществах северокавказского региона, обращая внимание на улучшение качества управления за счет высокой квалификации лиц, принимающих решения, и их гражданской ответственности.

Необходимо противостоять клерикализации общественных и семейно-бытовых, половозрастных, гендерных, а также профессиональных отношений, заключающей в себе угрозу светскому характеру российского государства. При этом возможен учет народной традиции и правовых норм общинного характера как дополнение действующего законодательства.

Несмотря на упрощенные представления и намеренные измышления о сущности гражданского единства, следует отдавать приоритет реализации важнейшего политико-управленческого проекта – упрочению в регионе российской гражданской идентичности, без которой невозможно существование Российской Федерации как полиэтничного государства со сложной и драматичной историей, в том числе и Северного Кавказа как неотъемлемой части России.

Улучшение ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) возможно как через повышение квалификации политиков и управленцев в сфере межэтнических и конфессиональных отношений и компетентности этнических и религиоз-

ных лидеров, так и через улучшение уровня гуманитарных научных исследований фундаментального и прикладного характера. Необходимо преодолеть изолированность в рамках отдельных регионов выполняемых научных программ и проектов и поддержать общерегиональные исследования историко-культурного и этнополитического характера.

Необходимо транслировать позитивный имидж СКФО как привлекательной, уникальной природно-климатической и историко-культурной части России. Одновременно развивать промышленные и сельскохозяйственные производства, которые способствуют вовлечению разных групп населения в современные производственные, социокультурные, политико-правовые и социальные отношения.

В республиках Северного Кавказа важно создавать благоприятные условия для малого и среднего бизнеса, где традиционные коллективистские, семейные формы взаимодействия служат опорой предпринимательской активности. Желательно поддерживать социально ориентированные общественные организации, которые совместно с органами власти и управления осуществляют социально ориентированные проекты. Представляется перспективной идейно-политическая доктрина «северокавказского позитива», обновленного и привлекательного бренда как безопасного и уникального региона России.

Учитывая распространенность среди части российского населения своего рода «кавказофобии», следует усилить воспитание у кавказской молодежи осознание принадлежности к единой общей Родине – России, уважения к культурным нормам и стандартам общественного поведения за пределами Кавказского региона, убежденности в недопустимости демонстративных и тем более агрессивных действий, которые провоцируют негативное отношение к выходцам с Кавказа и проживающим там национальностям.

Решение проблем обеспечения гражданской солидарности и благоприятного общественного климата в регионе, сохранения стабильной общественно-политической ситуации в СКФО зависит от вклада гуманитарной науки и сферы образования в обеспечение адекватных оценок и ответов на обсуждаемые в обществе вопросы, к том числе и те, которые намеренно драматизируются с целью разрушения межэтнического мира и согласия.

Благополучие ситуации зависит от эффективного сотрудничества науки, медиа и образования в сфере коммуникаций.

Происходящие в отдельных регионах Северного Кавказа «войны памяти» и «борьба за историческое прошлое» ведет к дестабилизации социально-политической обстановки, усилению внешнеполитических рисков. В этой связи возрастает важность объективных исторических исследований на региональном уровне, недопущение искажений и тенденциозного освещения исторических фактов и событий. В исторических исследованиях необходимо в большей степени учитывать подходы, задающие консолидирующий общественный дискурс.

Ученые-гуманитарии (экономисты, историки, этнологи, социологи и другие) должны взять на себя миссию выработки наиболее точного, объективного и ответственного научного знания по актуальным проблемам развития региона, его истории, оценок ключевых исторических событий и деятелей прошлого, политике памяти и сохранения историко-культурного наследия. В этой сфере может быть полезной следующая повестка исследований, воспитания и просвещения населения как основа для программы общественного согласия и стабильности на Северном Кавказе:

1. Необходимо обращать приоритетное внимание на общие характеристики исторического прошлого Северного Кавказа и восприятие истории в контексте времени, норм и ценностей, которые существовали среди людей и государственно-политических образований прошлых эпох. Невозможно заново прожить свершившееся и исправить исторические несправедливости за счет совершения новых несправедливостей. Современные поколения людей и отдельные народы не несут прямой ответственности за ошибки и трагедии прошлого. История региона и страны в целом – это общая история вместе с ее достижениями, победами и драмами. Недопустимо использовать аргументы из прошлого для распространения идей и настроений нетерпимости и отчуждения между людьми, народами, гражданами и их государством.

2. Несостоятельны подходы и трактовки ученых и политиков в части монополизации исторического прошлого, древних культур и памятников в пользу какой-либо одной этнической общности Северного Кавказа. В древности и средневековье че-

ловеческие коллективы и ранние государственные образования складывались в большей степени не на культурно-языковой схожести, а на основе территориальных, религиозных, феодально-сеньориальных, военно-политических факторов. Этнонациональные принципы административно-управленческих и социально-культурных практик сложились гораздо позднее, главным образом в советскую эпоху.

3. Период вхождения и пребывания Северного Кавказа в составе Российской империи был отмечен геополитическим соперничеством крупных держав за влияние в данном регионе. Хотя вхождение (включение) в состав империи было не всегда мирным, сопровождалось войнами и насилием, но сам факт пребывания населения региона под властью и под защитой влиятельного имперского государства был исторически оправдан и имел также и позитивные следствия. В эпоху Российской империи на Северном Кавказе сформировалась пророссийская элита, развивалась экономика и просвещение, утвердилось общероссийское самосознание наряду с этнорегиональной, религиозной и клановой идентичностью. Влиятельная часть местных элит выступала за интеграцию с Россией, стремилась получить доступ к ее ресурсам, видела шансы успешной карьеры в составе дворянского сословия, а также возможность со стороны могущественной империи защиты от внешних противников.

4. Утверждение власти большевиков с активным участием революционеров кавказского происхождения, гражданская война и образование СССР принесли новую эпоху в истории региона. Впервые были созданы этнотерриториальные административные образования, которые трактовались как национально-государственные образования. Территориализация этничности, «политика коренизации» (поддержка местных кадров), культурная революция в части просвещения населения и поддержки этнических культур дали ощутимые результаты. Советский период в истории Северного Кавказа невозможно оценить однозначно. Вместе с развитием экономики и этнокультурной составляющей имели место жестокие репрессии со стороны власти вплоть до преступных депортаций целых народов и упразднения автономий. Сталинские репрессии осуждены и советской, и современной российской властью, но память об исторической

травме сохраняется и воспроизводится в новых поколениях. По теме депортаций, как и по истории Кавказской войны XIX века, нужны современные объективные исследования и открытые обсуждения, нужна популярная литература от профессиональных историков. Необходима переориентация исследований на конструктивные факторы прошлого, связанные прежде всего с модернизацией общественно-политической жизни.

5. В советский период и после распада СССР в современной Российской Федерации республики как этнотерриториальные образования – субъекты Федерации получили конституционной оформлением на федеральном и региональном уровнях, полную структуру органов государственного управления, символику и прочие атрибуты внутреннего самоопределения, что укрепляет национальную (этническую) идентичность проживающих в них народов (национальностей). В этой связи нет смысла и объективных оснований менять существующие (титульные) групповые идентификации в пользу более общих, распространенных преимущественно в зарубежных диаспорах самоназваний типа названия «черкесы», фактически обозначающего всех выходцев с Кавказа эпохи мухаджирства. Нынешняя политика переписи населения позволяет свободно указывать этническую принадлежность, в том числе сложную, что может быть актуально для той части жителей региона, которые являются или потомками смешанных браков, или сохраняют язык и культуры малочисленных (горских сообществ), а также ощущают свою принадлежность к более крупным этническим сообществам. Последнее особо актуально для Дагестана.

6. Современная идентичность жителей Северного Кавказа должна формироваться не столько с опорой на прошлое в поисках, якобы, утраченной нормы жизни, сколько опираться на нынешние общероссийские ценности и нормы и региональные традиции, а также должна быть ориентирована в будущее. Три пласта культуры и самосознания – историческая память, современность, проекты будущего – одинаково ценны и взаимно обогащают друг друга. Наука и просвещение должны разрабатывать понятия и подходы, которые положены в основу государственной национальной политики. Российское гражданское самосознание и патриотизм предполагают чувство сопричастности

с Россией и российским народом как гражданской нацией и большой Родиной, но также опираются на историко-культурные и семейно-родственные связи своей малой Родины.

7. Российская и этнокультурная идентичности опираются в том числе и на знание и пользование языками. Жители Северного Кавказа массово владеют русским языком, который служит в том числе и как язык межэтнического общения в культурно сложных сообществах. Этнические языки хорошо сохраняются только среди части северокавказских народов, и это фактически полное двуязычие можно считать желаемой нормой для всех жителей республик. Там, где этнические языки, особенно малочисленных народов, сохраняются и используются слабо, государство и общество, а также ученые-гуманитарии должны предпринять усилия по сохранению и возрождению этих языков. В тоже самое время добровольный выбор и переход на русский язык или на язык более крупного народа совсем необязательно означает утрату этнического самосознания. В регионе Северного Кавказа предстоит найти наиболее оптимальные пропорции между общегосударственным языком – русским и этническими (национальными) языками. В решении этой задачи важны участие и сотрудничество представителей старшего поколения, общественных организаций в пользу сохранения и использования миноритарных языков. Двуязычие и многоязычие должны быть нормой языковых компетенций жителей региона.

8. Этнокультурная среда и самосознание жителей региона во многом определяются социально-экономической ситуацией, возможностями жизненного преуспевания без отъезда из родных мест. Имеются потенциальные возможности сделать Северный Кавказ регионом успеха и привлекательности для молодых специалистов, для бизнесменов и инвесторов. Важно снизить или вообще устранить проявления ограничений на этнической и религиозной почве при найме на работу, дать больше возможности для деловых и других полезных связей в пределах региона, на межреспубликанском уровне. Важно поддержать не только семейные связи, но и дружбу людей разных национальностей, многонациональные трудовые, студенческие, творческие коллективы и мероприятия.

9. Для успеха имеет значение морально-психологический фактор, а также нацеленность на будущее, выработка и реализация «больших проектов» обустройства современной жизни и вера в завтрашний день. Прошлое – есть важная часть национального самосознания, но его основу составляет восприятие сегодняшнего дня, обустройство нынешней повседневности и образ желаемого будущего.

10. Профилактикой конфликтов, порожденных историческими обидами и претензиями, должны стать: мониторинг ситуации в политико-идеологической сфере, профессиональные открытые дискуссии ученых с участием СМИ, миротворческая и социально ответственная деятельность общественных организаций, продуманная политика мемориализации мест и героев, деятельность органов власти по профилактике экстремизма, социальные технологии дискурса (обсуждения и восприятия) современных событий, героев, региональной и общероссийской повестки интеграционной направленности. Проработка травматического опыта прошлого, а не культивирование обид, должна стать основой для путей его преодоления и модернизационных стратегий развития Северного Кавказа, практик совместного проживания представителей разных этнических групп.

11. Необходимо поощрять развитие межрегиональных и межэтнических связей в культуре, науке, образовании и других сферах, в том числе в форме диалога и обсуждения спорных вопросов представителями регионов Северного Кавказа.

12. В целях преодоления этнической, религиозной и иных форм замкнутости, негативных этнических стереотипов необходима поддержка научной и культурной мобильности, регулярное проведение молодежных форумов, сезонных школ студентов и молодых ученых, дискуссионных клубов, спортивно-оздоровительные мероприятий, призванных обеспечить возможность обучения, подготовки, проведения досуга, совместной реализации идей и ценностей гражданского единства.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

Аксюмов Борис Владимирович, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

Аствацатурова Майя Арташесовна, профессор, доктор политических наук, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия)

Боров Аслан Хажисмелович, кандидат исторических наук, доцент, Центр социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (ЦСПИ КБНЦ РАН) (Нальчик, Россия)

Бугаев Абдула Махмудович, кандидат исторических наук, ведущий Отделом историко-филологических и социально-политических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доцент кафедры «История и культура народов Чечни» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, ведущий научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики (Грозный, Россия)

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

Дзамихов Касболат Фицевич, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (ИГИ КБНЦ РАН) (Нальчик, Россия)

Иванова Светлана Юрьевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

Канукова Залина Владимировна, доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия)

Кочергин Алексей Анатольевич, независимый исследователь, эксперт Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем (Краснодар, Россия)

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Южного научного центра Российской академии наук, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Кубанова Лиана Владимировна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (Черкесск, Россия)

Озова Фатима Анатольевна, доцент, доктор исторических наук, заведующий отделом истории народов КЧР Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (Черкесск, Россия)

Синанов Борис Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия)

Степанов Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Танайлова Валентина Александровна, исследователь-стажер Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), научный ассистент Института истории Бернского университета (Швейцария)

Тишков Валерий Александрович, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, сопредседатель Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, академик РАН (Москва, Россия)

Трепавлов Вадим Винцерович, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (Москва, Россия)

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Чабиева Танзила Саварбековна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доцент кафедры социологии и рекламных коммуникаций Российского гуманитарного университета им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Шнирельман Виктор Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Шульга Марина Михайловна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

Щербина Елена Анатольевна, кандидат политических наук, доцент по специальности, заместитель директора, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (Черкесск, Россия)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТЕМАТИКА
В УЧЕБНОМ, НАУЧНОМ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Сборник статей

Под редакцией В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

ISBN 978-5-4211-0276-2

Оригинал-макет, обложка: О.В. Кульбачевская

Подписано в печать

28.09.2021

Формат 60x84 1/16

Усл.-печ. л. 15,2

Тираж 300 экз. Заказ N 800

Научный совет РАН по комплексным проблемам
этничности и межнациональных отношений
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии ФГБНУ «Росинформгротех»
141261 Московская область, Пушкинский р-он, р.п. Правдинский, ул. Лесная, 60